

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2022 г., том 29, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Коваленко С.В. Вклад А.Я. Гурова в археологическое изучение Амурской области	5
Соболев А.Е. Культура фэнлинь в Северо-Восточном Китае	16
Алкин С.В., Смоляков Р.В. Горбиченское городище на реке Шилка в Забайкальском крае: история изучения и новые данные	25
Шавкунов В.Э. Средневековое двоегравие в г. Уссурийске	33
Татауров Ф.С., Сопова К.О. (Омск). Погребальная посуда с русского некрополя XIX – начала XX в. Евгашино-IV в Омском Прииртышье	40
Hildegard Vieregg. Museums, Heritage Sites and Museology – a New Approach to Society in the Pandemic	46

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Самрина Е.В., Асочакова В.Н. Факторы эволюции земельной политики России в Южной Сибири во второй половине XVII–XVIII вв.	52
Шишкин В.И. Численность и состав населения Новониколаевска во время революций и гражданской войны	59
Ильиных В.А. Советская сельскохозяйственная статистика в 1920–1930-е гг.: историография проблемы	67
Андреевков С.Н. «Неонэп» для коммунизма: записка академика С.Г. Колеснева о способах подъема сельского хозяйства СССР (октябрь 1964 г.)	74
Крайнева И.А., Марчук А.Г. Академик А.П. Ершов в истории информатики в СССР (к 90-летию со дня рождения ученого)	81
Куперштох Н.А. Основные тенденции в развитии высшего образования Сибири в первые десятилетия XXI века	91
Труевцева О.Н., Булгаева Г.Д., Гибельгаус Т.А. Идентификация сакральных родников как объектов природного, материального и нематериального культурного наследия	99
Семенова Е.Н., Семенов М.А. Сельское здравоохранение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шиловский М.В. Рец. на кн.: Ермекбай Ж.А. Судьба и наследие Чокана Валиханова. Нур-Султан: Изд-во НАО Казахстан-ский институт общественного развития «Рухани жангыру», 2020. 276 с.: ил.	113
Памяти Юлиа Сергеевича Худякова	116
Памяти Наталии Николаевны Родигиной	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запороженченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 31.03.22. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 153.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2022, vol. 29, N 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kovalenko S.V., A.Ya. Gurov's contribution to the archeological study of the Amur Oblast	5
Sobolev A.E. Fenglin culture in Northeastern China	16
Alkin S. V., Smolyakov R. V. Gorbichen fortress on the Shilka River in Transbaikalia Region	25
Shavkunov V.E. Two medieval fortified settlements in Ussuriysk city	33
Tataurov P.S., Sopova K.O. Funerary pottery from the Russian Evghashchino-IV necropolis of the XIX – early XX centuries in the Omsk Irtysh Region	40
Hildegard Vieregge. Museums, Heritage Sites and Museology – a New Approach to Society in the Pandemic	46

NATIONAL HISTORY

Samrina E.V., Asochakova V. N. Drivers of evolution of Russia's land policy in Southern Siberia in the second half of the XVII–XVIII centuries	52
Shishkin V. I. Population Size and Composition of Novonikolaevsk during the Revolutions and Civil War (March 1917–December 1919)	59
Il'inykh V. A. Soviet agricultural statistics in 1920s-1930s: historiography issues	67
Andreenkov S.N. «Neonep» for Communism: a note by Academician S.G. Kolesnev on ways to raise agriculture in the USSR (October 1964)	74
Krayneva I.A., Marchuk A.G. Academician A.P. Ershov and a History of Informatics in the USSR (marking the 90th anniversary)	81
Kupershtokh N.A. Main trends of the higher education development in Siberia in the first decades of the XXI century	91
Truevtseva O.N., Bulgaeva G. D., Gibelgaus T. A. Identification of sacred springs as objects of the natural, tangible and intangible cultural heritage	99
Semenov M.A., Semenova E.N. Rural healthcare in West Siberia during the Great Patriotic war	107

ACADEMIC LIFE

Shilovskiy M.V. Ermekbay Zh.A. Fate and Heritage of Choqan Valikhanov. Nur-Sultan, Kazakhstan Inst. of Community Development «Rukhani zhangyru» Publ., 2020. 276 p.: ill.	113
In memory of Y.S. Khudyakov	116
In memory of N.N. Rodigina	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

Founders: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdende* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichen*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220101

УДК 902 (571.61)

С.В. КОВАЛЕНКО

ВКЛАД А.Я. ГУРОВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
РФ, 675004, г. Благовещенск, пер. Уралова 5/2

Статья посвящена Алексею Яковлевичу Гурову, который внес большой вклад в археологическое изучение территории Амурской области. С 1899 по 1932 г. он занимался обследованием археологических памятников по левому и правому берегам Амура. В 1902–1903 гг. составил первую археологическую карту берегов Амура от хутора Константиновского до станицы Екатерино-Никольской. На карте были отмечены все известные ему на территории среднего Амура археологические памятники – поселения, городища, могильники. Всего исследователем открыто и изучено более 60 археологических объектов. Собранный им материал вошел в первые археологические коллекции Благовещенского и Хабаровского краеведческих музеев. Часть экспонатов хранится в музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Выполненная им работа проложила научную дорогу для будущих исследователей Приамурья.

Ключевые слова: Амурская область, Амур, с. Поярково, казачество, памятник археологии, археологическая карта, археологическая коллекция, многослойное местонахождение.

S.V. KOVALENKO

A.Ya. GUROV'S CONTRIBUTION TO THE ARCHEOLOGICAL STUDY OF THE AMUR OBLAST

Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
5/2, Uralova ave., Blagoveshchensk, 675004, Russian Federation

Many well-known researchers made significant contributions and played important roles in the archaeological and ethnographic study of the region at different times. However, Alexey Yakovlevich Gurov is considered to be the first archeologist of Amur Region. A. Ya. Gurov held important positions – from teacher and head of meteorological station to chief of consumer and credit cooperation, but archeology always remained his favorite affair. He became interested in archeology in 1888 while studying at Irkutsk Teacher Seminary. From 1889 to 1932, the amateur archaeologist carried on surveys of archaeological sites on the Amur River banks from Blagoveshchensk city to Ekaterino-Nikolsk village, the territory of modern Jewish Autonomous Region. The studies were both independent and as a part of complex expeditions. In 1902–1903, together with Blagoveshchensk Museum, A. Ya. Gurov made the first archaeological map of the Amur River banks from Konstantinov village to Ekaterino-Nikolsk station. He marked at the map all archaeological sites known to him in the Middle Amur Region – settlements, hillforts, and burial grounds. For many years, the researcher accumulated information about ancient sites of Amur Region, described them, collected artefact remains, and carried out partial excavations. Despite the heavy fate, Alexey Yakovlevich managed to contribute significantly to the regional archaeological study. He discovered and examined more than 60 archaeological sites and wrote 28 newspaper and journal articles. The collected materials were included into the first collections of Blagoveshchensk and Khabarovsk museums. Some of the exhibits are stored in the museums of Moscow and St. Petersburg. Gurov's works became an extensive summary of archaeological sites of the Middle Amur, which paved the scientific way for future researchers of Amur Region. The studies of the archeologist and the local scholar was highly appreciated in the works of famous researchers of the Far Eastern region – A. P. Okladnikov, A. P. Derevianko, B. S. Sapunov, who subsequently studied Amur region. However, the appreciation came years after his death.

Key words: Amur Region, Amur River, Poyarkovo village, Ekaterino-Nikolsk village, Cossacks, archaeological site, archaeological map, archaeological collection, multi-layered location.

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, e-mail: stas-kov7@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0840-2920>.

Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archeological Department State Autonomous Institution of the Amur Region “Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region”.

ВВЕДЕНИЕ

История науки включает не только открытия, идеи, дискуссии, теории, но и биографии ученых, однако представлены они с разной степенью полноты. Многие известные исследователи второй половины XIX – первой половины XX в. А.Ф. Миддендорф, Р.К. Маак, И.А. Лопатин, П. Кафаров, В.П. Врадий, Л.И. Шренк, Г.Ф. Белаусов, А.П. Криштофович, С.М. Широкогоров, Г.С. Новиков-Даурский, А.В. Мачинский в разный период времени сыграли важную роль в археологическом и этнографическом изучении Амурской области. Но первым ее археологом по праву можно считать Алексея Яковлевича Гурова.

Занимая на протяжении всей жизни ответственные должности от учителя и заведующего метеорологической станции до главы потребительской и кредитной кооперации, археолог-любитель с 1889 по 1932 г. выявлял и изучал археологические памятники по обоим берегам Амура [1, с. 15–32; 2, с. 6].

Однако его деятельность скудно освещена в литературе. Многие факты его биографии вплоть до 1990-х гг. оставались неизвестными, даже дата смерти не была установлена.

Целью настоящей работы является обобщение известных сведений, а также введение в научный оборот неизвестных и малоизвестных фактов из биографии А.Я. Гурова – археолога, учителя, руководителя, казака, общественного деятеля.

БИОГРАФИЯ

Алексей Яковлевич Гуров родился 15 марта 1872 г. в с. Поярково Амурской области в семье каза-

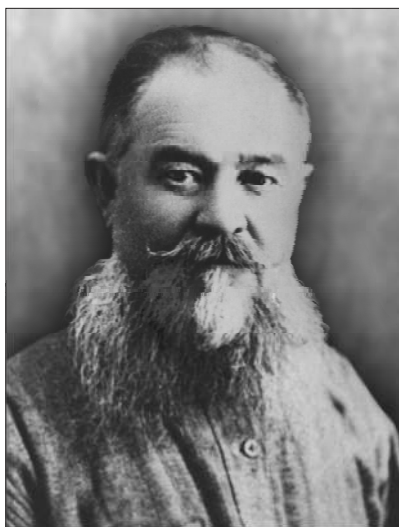

Рис. 1. Алексей Яковлевич Гуров. 1930 г. (АОМ. Ед. хр. 2491/1).

Fig. 1. Alexey Yakovlevich Gurov. 1930 (G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore Archive. Unit 2491/1)

ка-плотника и подрядчика плотничьих работ, переселившейся из Забайкальской области на Амур в 1858 г. В 1882 г. он был зачислен в местную станичную школу с трехгодичным курсом обучения, после окончания которой стал помогать отцу по хозяйству. В 1888 г. командирован для дальнейшего обучения в г. Иркутск, что стало знаковым событием для А.Я. Гурова как будущего исследователя Амурского края. Предварительная подготовка для поступления у абитуриента была слабой, но все же его приняли в первый класс Иркутской учительской семинарии. Прочитав он один год, его в 1889 г. исключили из-за неудовлетворительной успеваемости. Алексей возвратился в Поярково, самостоятельно подготовился к учительской работе и приступил к занятиям с учениками первого класса обучения в Поярковской школе. В январе 1894 г. был призван на военную службу в Амурский казачий полк и зачислен в нестроевую команду писарем по хозяйственной части. С 1895 по 1901 г., находясь на военной службе, работал учителем в казачьих школах Димского и Чесноковского поселков Поярковского станичного округа¹ [3, с. 11; 4, с. 321].

В 1901 г., оставив педагогическую деятельность, поступил на должность десятника «при работах по обстановке рек» в Управление водных путей Амурского бассейна – на первую дистанцию третьего участка, базировавшегося в Поярково. В 1912 г. был зачислен младшим техником с производством самостоятельных работ по рекам Амур, Бурея и Селемджа. В 1914 г. занимает должность наблюдателя метеорологической станции и водомерного поста в с. Поярково. С 1914 по 1920 г. избирался станичным казначеем, одновременно исполнял обязанности председателя Совета Поярковской бесплатной народной читальни и председателя правления Поярковского кредитного товарищества. В 1917 г. А.Я. Гуров был избран первым председателем станичного исполкома. В 1922–1923 гг. работал заведующим отделом загса Поярковского волисполкома. С 1924 по 1927 г. занимал ответственные должности в потребительской и кредитной кооперации. В 1928 г. продолжал работу наблюдателем Поярковской метеорологической станции, при этом был корреспондентом Дальневосточной географической обсерватории² [3, с. 11; 4, с. 298].

К сожалению, на сегодняшний день имеется очень мало информации о семье Алексея Яковлевича (рис. 1; 2). Известно, что он был женат, к 1910 г. имел пятерых детей. Прослежена судьба его старшего сына

¹ Амурской областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского (АОМ). Ед. хр. 26 936; Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

² АОМ. Ед. хр. 26 936; ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

Рис. 2. Дети А.Я. Гурова 1910 г.:
(слева направо): 2-й ряд – старший сын Алексей, Ольга, Мария, Иван; 1-й ряд – Михаил.

Fig. 2. A.Y. Gurov Children. 1910.

1 – (G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore Archive. Unit 2491/1). From left to right in the 2nd row: Alexey (the eldest son), Olga, Maria, Ivan; the 1st row: Mikhail.

Алексея, который в военное время служил прапорщиком в армии Колчака, командовал казачьей сотней. В 1920 г. он эмигрировал в Китай, проживал в Харбине, где служил сторожем методистской церкви. Писал письма отцу до 1925 г. В 1925 г. после обучения в Методистском богословском институте и преподавания в воскресной школе был рукоположен в сан диакона и направлен на служение в Цицикар. В это время его связь с отцом была утрачена. После окончания Второй мировой войны Алексей Алексеевич переехал из Китая в США, где служил и преподавал в военной школе Монтерей (штат Калифорния). Умер он в 1956 г. в Сан-Франциско [3, с. 12; 5, с. 75–77].

Именно из-за деятельности старшего сына А.Я. Гуров в 1922 г. в первый раз попадает под следствие по подозрению в связях с белогвардейской эмиграцией, но был оправдан. В 1928 г. судим народным судом с. Поярково за растрату 1500 руб., был оправ-

дан. В 1931 г. арестован поярковской комендатурой ОГПУ по подозрению в хранении золота, был освобожден. Дата последнего ареста 23 марта 1932 г. по ложному обвинению в создании организации с целью свержения советской власти и создания на Дальнем Востоке буферного государства при помощи белоэмигрантов и японских интервентов. А.Я. Гуров приговорен 30 апреля и расстрелян как государственный преступник 5 мая 1932 г. Реабилитирован 18 мая 1990 г.³ [3, с. 12–14; 4, с. 321; 5, с. 75–77].

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Любимым занятием А.Я. Гурова на протяжении всей его жизни неизменно оставалась археология. Увлёкся он ею в 1888 г. во время обучения в Иркутской

³ АОМ. Ед. хр. 26 936; ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7, 8.

учительской семинарии. В свободное от занятий время Гуров часто посещал местный музей, прослушал несколько лекций, прочитанных известным исследователем Сибири Д.А. Клеменцем о каменном веке окрестностей г. Минусинска. Лектор показывал коллекции из древностей региона. Несмотря на то, что прямых свидетельств личного знакомства Д.М. Клеменца и А.Я. Гурова до настоящего времени не имеется, вероятнее всего, именно лекции известного ученого, проиллюстрированные коллекциями музея и археологической картой, зародили в юном казаке любовь к археологии⁴ [6, с. 3–9; 7, с. 47–50].

По возвращении в 1889 г. на родину молодой энтузиаст начинает применять полученные знания на практике. Одновременно с учительской и военной деятельностью он проводит археологические исследования в родном регионе, которые изначально сводились к собиранию коллекций из подъемного материала⁵.

В данный период А.Я. Гуров работает с Приамурским отделом Русского географического общества, непосредственно с его председателем – генерал-майором И.П. Надаровым, которому он передал наиболее ценные находки из коллекции, собранной в период с 1889 по 1901 г. Впоследствии эти материалы были увезены в г. Санкт-Петербург и их дальнейшая судьба неизвестна. Часть обнаруженных артефактов автор сборов отправил в Хабаровский музей⁶ [1, с. 31; 8, с. 92–97].

В июле 1902 г. А.Я. Гуров начинает сотрудничать с образованным в 1891 г. Благовещенским городским музеем, куда передает через поярковского станичного атамана И.Ф. Корнеева и председателя войскового правления войскового старшину К.Н. Сотникова собранные им по берегам Амура артефакты, которые и положили начало археологическим коллекциям музея. Археологический материал был выявлен исследователем по обоим берегам Амура в окрестностях сел Калинино, Иннокентьевка, Косаткино, Сагибово (на территории современной Амурской области и с. Сторожевого (Еврейской автономной области)). Коллекция включала: 1) 22 железных, 15 костяных наконечников стрел и 11 металлических украшений одежды, которые были обнаружены в размытых водой могилах вблизи хутора Никольского (с. Калинино); 2) 6 железных с зазубринами наконечников стрел и 1 металлическое буддийское изображение, найденных в размытых водой могилах в 5 верстах (5,334 км) выше ст. Иннокентьевской на правом берегу р. Амур; 3) 6 фрагментов

костей древнего животного, выявленных в размываемом водой возвышенном правом берегу р. Амур напротив левобережных хуторов Косаткино и Сагибово; 4) до 50 экз. каменных наконечников стрел и топориков, собранных по берегу р. Амур в пределах хутора Сторожевого. Исследователь также просит содействия в организации мероприятий по доисследованию территории и составлению археологической карты от с. Гильчин до ст. Екатерино-Никольской⁷ (рис. 3; 4) [3, с. 11].

О поступлении в музей первых ценных коллекций было доложено на заседании правления музея 31 июля 1902 г. Правление музея во главе с А.В. Кирилловым поддержало просьбу А.В. Гурова о продолжении им археологических поисков на среднем Амуре, а также его идею составить археологическую карту местности от с. Гильчин до ст. Екатерино-Никольской⁸ [4, с. 298].

В августе–сентябре 1902 г. А.Я. Гуров совместно с командированным членом Русского географического общества Г.Ф. Белоусовым совершил археологическую разведку в бассейне среднего Амура на территории между селами Поярково и Радде. Экспедиция была организована по инициативе Н.Л. Гондатти с целью осмотра достопримечательных в археологическом отношении мест, обнаруженных ранее на Амуре. Исследователи производили небольшие раскопки, сбор подъемного материала, занимались описанием и фотографированием археологических объектов. В окрестностях с. Поярково было детально обследовано средневековое городище на горе Шапка. В результате раскопок небольшой площади памятника удалось обнаружить глиняный кувшин с узким дном, несколько костяных и железных наконечников стрел, фрагменты керамики. Кроме того, был обследован о. Урильский вблизи с. Сагибово, где были найдены разновременные артефакты. Обширный материал эпохи неолита был собран вблизи с. Сторожевого. Одна из первых неолитических коллекций региона состояла из нескольких десятков хорошо ретушированных наконечников копий, вкладышевых лезвий, наконечников стрел. Имеются данные о возможном посещении участниками экспедиции Архаринской писаницы, которая является самым южным памятником наскального искусства на территории Амурской области. Однако о результатах этих работ сохранилось очень мало данных. Информация представлена в виде кратких сообщений, газетных заметок и коллекций, хранящихся в Государственном историческом

⁴ АОМ. Ед. хр. 26 936; ГААО. Ф. Р–958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7, 8.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же.

⁷ АОМ. Ед. хр. 2491/2; 1329; Благовещенский музей // Амурская газета. [Благовещенск] 1902, № 86. 2 авг.; ГААО. Ф. Р–958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

⁸ Благовещенский музей // Амурская газета. [Благовещенск] 1902, № 86. 2 авг.

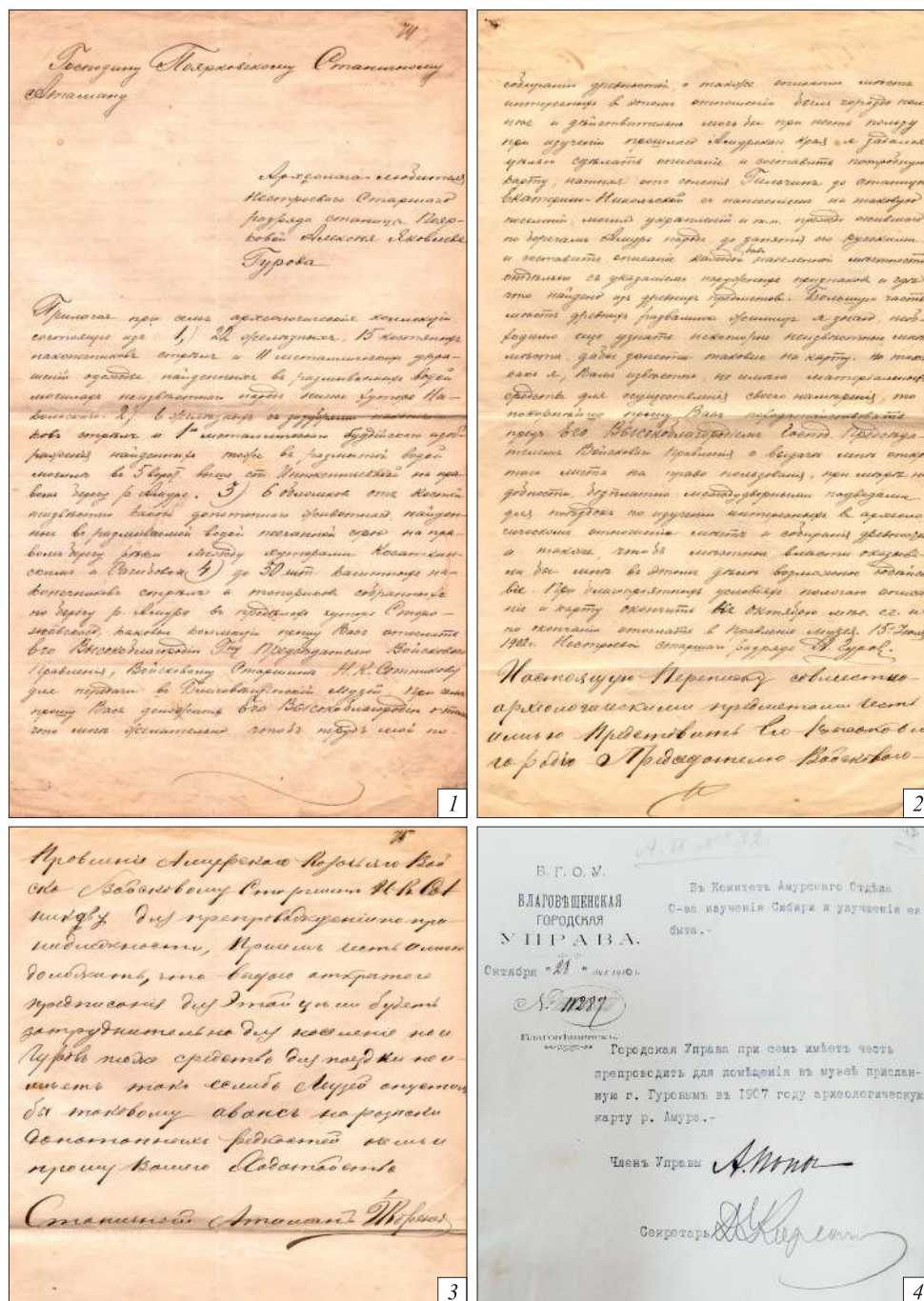

Рис. 3. Документы из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского.

1–3 – письмо А.Я. Гурова поярковскому станичному атаману от 15.07.1902 г. [АОМ. Ед. хр. 2491/2]; 4 – документ от 28 октября 1910 г. о передаче археологической карты А.Я. Гурова из Благовещенской городской управы в краеведческий музей [АОМ. Акт приемки экспонатов № 32 от 28 октября 1910 г., л. 42].

Fig. 3. Documents from G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore funds:

1–3 – A.Ya. Gurov's letter to poyarkovsky, village ataman, dated July 15, 1902 [G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore Archive. Unit 2491/2]; 4 – Document on the transfer of the archaeological map by A.Ya. Gurov from the Blagoveshchensk City Council to the Museum of Local Lore dated October 28, 1910 [G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore Archive. Exhibit acceptance report no. 32 dated October 28, 1910, l. 42].

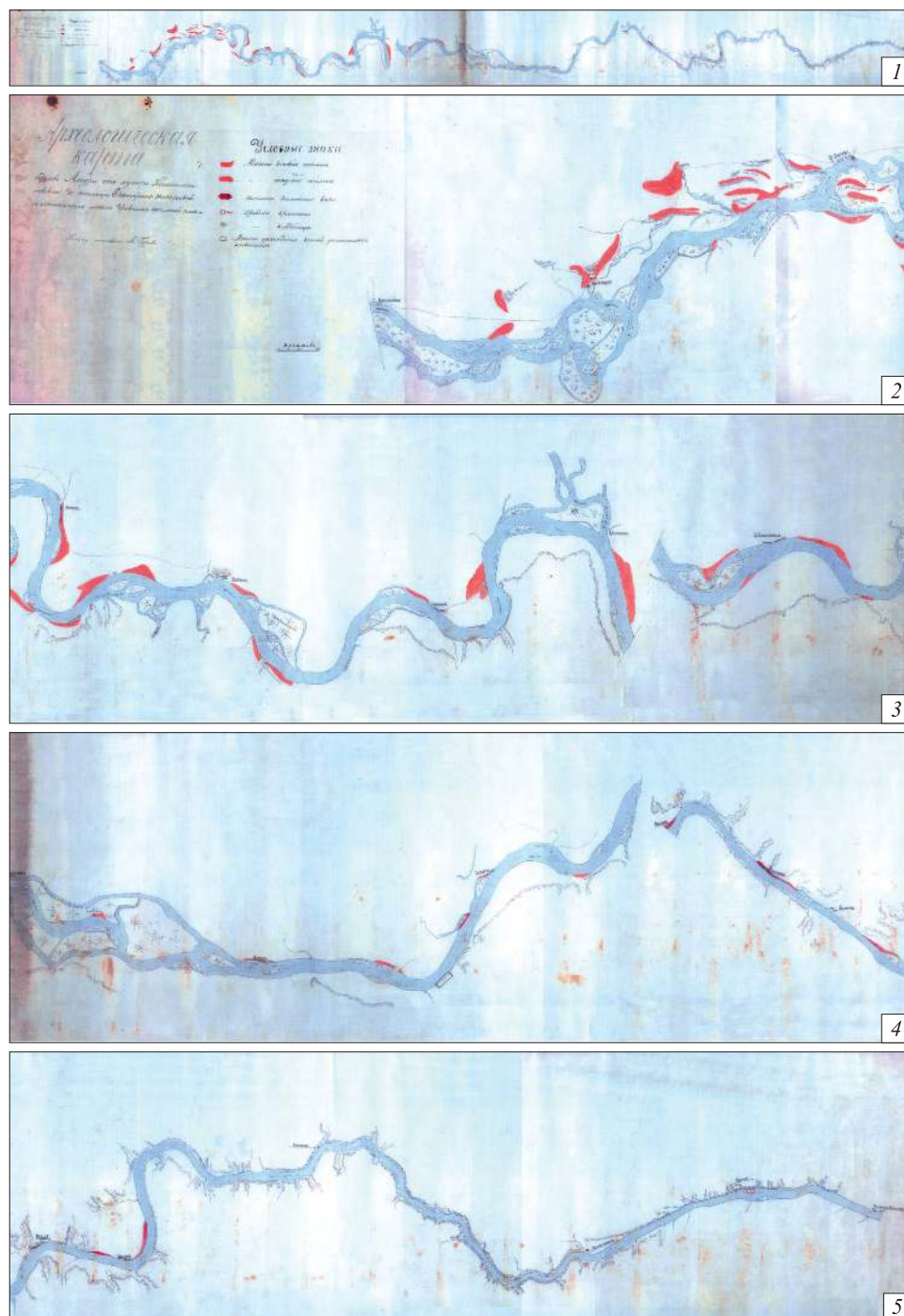

Рис. 4. Археологическая карта берегов Амура от хутора Константиновского до станицы Екатерино-Никольской с обозначением мест древних поселений / сост. А.Я. Гуровым в 1902–1903 гг. (ткань воощёная 41×467 см.) [АОМ. Ед. хр. 28675].

1 – археологическая карта, полный вариант (версия); 2–5 – фрагменты археологической карты.

Fig. 4. Archaeological map of the Amur River banks from Konstantinov farm to Ekaterino-Nikolsk village with the designation of ancient settlement sites. Compiled by A.Ya. Gurov in 1902–1903 (waxed fabric 41×467 cm.) [G.S. Novikov-Daursky Amur Regional Museum of Local Lore Archive. Unit 28675]:

1 – Complete archaeological map (version); 2–5 – fragments of the archaeological map.

музее г. Москвы и Амурском областном краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Даурского (рис. 5, 1–15)⁹ [1, с. 30, 31; 9, с. 12; 10, с. 13; 11, с. 10; 12, с. 36, 37; 13, с. 17, 18; 14, с. 14, 15; 15, с. 25, 26; 16, с. 56; 17, с. 130; 18, с. 245; 19, с. 13; 20, с. 153].

В 1903 г. А.Я. Гуров проводит самостоятельные раскопки могильника у Дубового мыса, в 5 км от с. Калинино. Из нескольких могил был получен материал эпохи Средневековья, позволивший говорить о широком распространении у местных народов в данный период изделий из железа, которое использовалось для изготовления предметов вооружения и земледельческих орудий, украшений [1, с. 31; 12, с. 37, 38; 13, с. 19; 14, с. 15; 15, с. 26; 16, с. 56].

В 1907 г. Алексей Яковлевич присылает в Благовещенскую городскую управу готовый вариант «Археологической карты от хутора Константиновского до станицы Екатерино-Никольской с обозначением мест древних поселений человека» в масштабе 2 версты в дюйме (в 1 см – 840 м) с шестью условными знаками, она выполнена на воощенной ткани, имела размеры 40 × 465 см. Карта составлялась с 1902 по 1903 г. Протяженность исследованной территории, обозначенной на карте, составила более 450 км. На карте отмечены все известные А.Я. Гурову на тот момент археологические памятники на территории среднего Амура. В условных обозначениях А.Я. Гуров делит все обнаруженные объекты на шесть групп: места кочевого поселения; места оседлого поселения; поселения каменного века; древние крепости; кладбища; места нахождения костей древних (допотопных) животных. Карта хранилась в городской управе в период закрытия музея с 1905 по 1909 г. и поступила в музей только в 1910 г. Карта фигурировала на «Выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия Дома Романовых» 1913 г. В настоящее время она находится в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского (см. рис. 4)¹⁰ [4, с. 298, 299; 21, с. 7].

Прототипом для этой карты Гурову могла послужить археологическая карта бассейна среднего Енисея, составленная Д.А. Клеменцем в 1885–1887 гг. и опубликованная в «Сибирских древностях» В.В. Радлова в 1888 г. [6, с. 6; 22, с. 60]. Об этом свидетельствуют принципы составления легенды, манера исполнения этих двух карт. А.Я. Гуров мог обучиться им, находясь в Иркутске. Вероятнее всего, свою кар-

ту Д.А. Клеменц презентовал общественности на своих иркутских лекциях.

В 1907 г. Гуров участвует с археологическими коллекциями на Амурской сельскохозяйственной выставке, где награждается золотой медалью (Свидетельство Выставочного комитета 1907 г., № 306) (рис. 5)¹¹ [23, с. 65].

В 1910 г. после возобновления деятельности музея, руководство которым с 1909 г. осуществляет музейная комиссия Амурского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, А.Я. Гуров передает на хранение более 100 предметов древности, собранных им в Поярковском станичном округе [4, с. 299; 21, с. 8].

В течение нескольких лет на Амуре работал известный геолог А.Н. Криштофович, которому А.Я. Гуров в 1913 г. передал часть костей динозавра, обнаруженных им в 1902 г. на правом берегу Амура напротив левобережных сел Косаткино и Сагибово¹² [4, с. 298]. Также ему было сообщено о местоположении нескольких памятников археологии в Среднем Приамурье. В июне 1914 г. А.Н. Криштофович обследовал древнее многослойное поселение у ст. Иннакентьевской, которое было обнаружено А.Я. Гуровым в 1902 г.¹³ В результате проведенных работ в обрыве разрушаемого берега Амура были выявлены многочисленные кости животных и рыб, фрагменты керамики, каменные орудия и следы кострищ. Палеонтологом, профессором А.А. Браунером были опубликованы два черепа собаки из коллекции А.Н. Криштофовича и сопутствующие им каменные предметы. Находки он отнес к каменному веку, считая, что в это время происходит одомашнивание собаки. Позднее М.З. Паничкина на основании наличия керамики, сделанной на гончарном круге, выступила против датировки находок каменным веком и отнесла коллекцию к середине I тыс. н. э. [1, с. 31, 32; 11, с. 10; 12, с. 38, 39; 13, 1970, с. 20; 14, с. 15, 16; 15, с. 26; 16, с. 56, 57; 18, с. 245, 246; 24, с. 1–23; 25, с. 216].

В 1915–1916 гг. на берегах верхнего и среднего Амура работала экспедиция Академия наук под руководством известного антрополога и этнографа С.М. Широкогорова, в ее исследованиях активно участвовал А.Я. Гуров. Во время полевых работ 1916 г. здесь изучались памятники археологии и была собрана коллекция археологического материала. В коллекцию, собранную экспедицией (№ 4096, число номеров – 1207, число предметов – 4362), входят каменные орудия, керамика, железные орудия, кости

⁹ АОМ. Ед. хр. 1290; 1291; 1293; 1347; 24 125; 24 126; 26 936; 4483; 4514; Археологические находки // Амурская газета. [Благовещенск] 1902, № 89. 11 авг.

¹⁰ АОМ. Акт приемки экспонатов № 32 от 28 октября 1910 г., Л. 42. Ед. хр. 28 675. ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

¹¹ АОМ. Ед. хр. 1289; 1290; 1291; 1293; 1299; 1322; 1329; 1331; 1347; 26 936; 4483; 4514.

¹² АОМ. Ед. хр. 26 936; 2491/2; ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

¹³ АОМ Ед. хр. 1301; 1331; 1355.

Рис. 5. Археологический материал, выявленный А.Я. Гуровым в бассейне среднего Амура.

1–52 – артефакты, выявленные А.Я. Гуровым на среднем Амуре в 1901–1903 гг.; 53–55 – археологический материал, выявленный в результате работ экспедиции С.М. Широкогорова на о. Урильском в 1916 г. (МАЭ РАН. Ед. хр. 4096); 56 – изображение фараона Мернепты [по: 27, с. 27].

Fig. 5. Archaeological findings of the Mid Amur Region collected by A.Ya. Gurov:

1–52 – artifacts found by A.Ya. Gurov at Middle Amur in 1901–1903; 53–55 – archaeological finds collected during S.M. Shirokogorov Uril Island in 1916 [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Unit 4096]; 56 – Pharaoh Merneptah [27, p. 27].

животных и человека. С.М. Широкогоров предварительно отнес найденные артефакты к четырем эпохам в жизни края, четко выделив только неолит, а остальные находки (жилища, остатки укреплений и поселений, могильники) датировал более поздним временем. Среди каменных предметов имеются хорошо ретушированные наконечники стрел и вкладыши-лезвия, оббитые овальные в поперечном сечении топоры, иволистные наконечники стрел из пластин, бифасы, песты, куранты, тщательно зашлифованные тесла прямоугольной формы, найдено большое количество разновременных фрагментов керамики. Материалы хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии Петра Великого в Санкт-Петербурге. Во время наводнения 1929 г. подвалы, где находилась коллекция, были затоплены. Все маркировочные этикетки были утеряны, осталась только одна коробка с обозначением «о-в Урильский». Среди керамики и каменных орудий, обнаруженных на о. Урильском, большая часть предметов отнесена к выделенной позже урильской культуре раннего железного века. Особый интерес в коллекции представляют материалы, аналогичные элементам культурно-бытового комплекса осиноозерской и кондонской неолитических культур Приамурья, которые ранее не были описаны в литературе (рис. 5, 54-55). Эти материалы, обнаруженные в фондах Кунсткамеры, позволили автору статьи расширить картографию культур и ареал ее носителей на территории Амурской области¹⁴ [1, с. 32; 2, с. 11; 9, с. 12; 10, с. 14; 11, с. 11; 12, с. 39-41; 13, с. 20-21; 14, с. 16; 15, с. 26; 16, с. 57; 18, с. 246; 19, с. 13; 20, с. 154; 26, с. 76, 77].

Среди заслуг А.Я. Гурова следует отметить первые попытки сохранить объекты археологического наследия в местах хозяйственного освоения территории. В 1923 г. в статье газеты «Амурская правда» Алексей Яковлевич обращает внимание общественности на разрушение в пределах застройки г. Благовещенска древнего погребения. Автор находки обращается к общественности с просьбой о научном изучении данного объекта, но она не нашла отклика¹⁵.

В 1925 г. Алексей Яковлевич публикует в газете «Амурская правда» статью о монете, найденной им в 8 верстах (8,53 км) от с. Поярково на территории заимки И.С. Полякова (в песке, извлеченном сусликами из норы). Монета оказалась глубочайшей древности, необычная для региона. Она – медная, круглая, диаметром 4 см, хорошей сохранности. На одной из сторон изображен большой сфинкс, находящийся вблизи

Каира (Египет), за ним показаны в перспективе три пирамиды, а за ними – восход солнца, ниже видны надписи из реалистических фигур. На другой стороне монеты имеется изображение фараона Мернепта, при котором совершился исход евреев из Египта; он держит на голове земной шар, вокруг изображены символические фигуры. В результате проведенного исследования А.Я. Гуров дает справку о монете – она была взята из очерка по археологии В.В. Битнера «На рубеже столетий». Был сделан вывод, что искусство изображений на монете относится к мифическому периоду царствования с I по X династии фараонов, хронологические рамки которого охватывают 3064–5004 гг. до н.э.¹⁶ (рис. 5, 56) [27, с. 90]. В настоящее время эту монету обнаружить не удалось.

В 1929 г. Алексей Яковлевич подготовил более подробную археологическую карту и описание мест, интересных в археологическом отношении, но она не была опубликована¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Алексею Яковлевичу Гурову удалось провести большую работу по археологическому изучению региона. С 1899 по 1932 г. он обследовал обширные пространства по обоим берегам Амура – от г. Благовещенска до ст. Екатерино-Никольской. Им было найдено и изучено более 60 археологических памятников. Составлена первая археологическая карта региона. Написано 28 газетных и журнальных статей. Собранный материал вошел в первые археологические коллекции Благовещенского и Хабаровского музеев. Часть экспонатов хранится в музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Работы А.Я. Гурова представляют собой обширную сводку археологических памятников среднего Амура, важный задел для дальнейших изысканий исследователей Приамурья. Его результаты получили высокую оценку в трудах исследователей Дальнего Востока – А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, Б.С. Сапунова, проводивших впоследствии раскопки на территории Приамурья. Однако это признание пришло спустя много лет после смерти А.Я. Гурова.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность сотрудникам Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского О.В. Киселевой, Н.В. Берестенко, Н.А. Комаровой, А.С. Михайловской за помощь в работе с материалами фондов при подготовке статьи.

¹⁴ ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН). Ед. хр. 4096.

¹⁵ ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

¹⁶ Гуров А.Я. О чем говорят раскопки // Амурская правда. Благовещенск, 1925, 15 июня. № 510. С. 3.

¹⁷ АОМ. Ед. хр. 26 936.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.
2. Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 286 с.
3. Холкина Т.А. А.Я. Гуров. Неизвестные страницы биографии // Амурский краевед. 1992. №1. С. 10–14.
4. История Благовещенска. 1856–1917: в 2 т. Благовещенск-Амуре: «Амурская ярмарка», 2009. Т. 1, 464 с. (Сер. Благовещенск. Из века в век).
5. Пушкарев В.А. Гуровы: судьба отца и сына в контексте XX века // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.). / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 5. С. 74–77.
6. Дзевлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3–9.
7. Гольдфарб С.И. Клеменц Дмитрий Александрович (1948–1914) // ВСОРГО в лицах: биобиблиогр. словарь. / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. Вып. 1. С. 47–50.
8. Божок О.С., Нарыжная О.С. Интендант Приамурского военного округа генерал-майор И.П. Надаров (к 150-летию со дня рождения) // Вестн. Дальневост. гос. науч. б-ки. 2001 (№ 2 (11)), апрель–июнь. С. 92–97.
9. Новиков-Давурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // Зап. Амур. обл. музея краеведения. 1955. Т. 3. С. 10–46.
10. Новиков-Давурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. 192 с.
11. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970а. 204 с.
12. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Курс лекций. Новосибирск, 1970б. Ч. 1. 198 с.
13. Деревянко А.П., Сапунов Б.С. История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // Зап. Амур. обл. музея краеведения. 1970. Т. 6, вып. 2. С. 10–27.
14. Окладников А.П., Деревянко А.П. Полтсе – поселение раннего железного века у с. Кукелево. Новосибирск: [б.и.], 1970. 304 с. (Материалы полевых исследований Дальневост. археол. экспедиции; вып. 1).
15. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приамурья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
16. Сапунов Б.С. История археологических исследований на территории Амурской области // Проблема краеведения: тез. докл. конф. Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1989. С. 56–57.
17. Забияко А.П., Кобызов Р.А. Петроглифы Архары: история изучения и проблема интерпретации // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века: материалы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 130–135.
18. Петров В.Г., Сапунов Б.С. История исследования памятников каменного века в Амурской области с середины XIX века по 1953 год // Миграционные процессы на Дальнем Востоке с древнейших времен до начала XX века: материалы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 244–247.
19. История Амурской области с древнейших времен до начала 20 века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.
20. Нестеров С.П. Очерк истории археологического изучения Амурской области // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всерос. семинара, посв. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 153–158.
21. Холкина Т.А. К вопросу об управлении Благовещенским музеем // Тез. докл. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Амур. обл. краевед. музея. Благовещенск, 1991. С. 6–8.
22. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Изд. Импер. археол. комиссии, 1888. Т. 1, вып. 1. 66 с.
23. Первая Амурская сельскохозяйственная и промышленная выставка в г. Благовещенске 1907 г. // Обзор Амурской области за 1907 год: [Прил. к Всеподданнейшему отчету по Амур. обл. за 1907 год] / изд. Амур. обл. стат. ком. Благовещенск: Элэтротип. т-ва «Б.С. Залесский и К°», 1908. С. 62–66.
24. Браунер А.А. Собаки каменного века р. Амура. // Геологический комитет. Л., 1923. Вып. 160. С. 1–23.
25. Паничкина З.М. О датировки находок у ст. Иннокентьевской на Амуре // Советская этнография. 1935. №4/5. С. 211–216.
26. Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2018. № 1. С. 64–85.
27. Битнер В.В. На рубеже столетий: обзор главнейших научных и культурных приобретений XIX века. СПб., 1901. Т. 1. 539 с.

REFERENCES

1. Derevyanko A.P. The early Iron Age of the Far East. Novosibirsk, Nauka, 1973, 354 p. (In Russ.)
2. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The Gromatukha Culture. Novosibirsk, Nauka, 1977, 286 p. (In Russ.)
3. Kholkina T.A. A.Ya. Gurov. Unknown pages of biography. *Amurskiy kraeved*, 1992, no. 1, pp. 10–14. (In Russ.)
4. Telyuk A.V. (ed.) History of Blagoveshchensk. 1856–1917. Vol. 1. Blagoveshchensk-on-Amur, Amur Fair, 2009, 464 p. (In Russ.)
5. Pushkarev V.A. The Gurovs: fates of father and son in the context of the XX century. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Blagoveshchensk – Kheikhe – Kharbin, 18–23 maya 2015 g.)*. Blagoveshchensk, 2015, iss. 5, pp. 74–77. (In Russ.)
6. Devlet M.A. D.A. Klemenzen as an archaeologist. *Sovetskaya arkheologiya*, 1963, no. 4, pp. 3–9. (In Russ.)
7. Goldfarb S.I. Klements Dmitriy Aleksandrovich (1948–1914). *VSORG v litsakh: biobibliograficheskiy slovar'*. Irkutsk, 2011, iss. 1, pp. 47–50. (In Russ.)
8. Bozhok O.S., Naryzhnaya O.S. Intendant of the Amur Military District Major General I.P. Nadarov (to the 150th anniversary of birth). *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki*, 2001, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.)
9. Novikov-Davurskiy G.S. Materials to the archaeological map of Amur Region. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, 1955, vol. 3, pp. 10–46. (In Russ.)
10. Novikov-Davurskiy G.S. Historical and archaeological essays. Blagoveshchensk, Amur Book Publ., 1961, 192 p. (In Russ.)
11. Derevyanko A.P. The Novopetrovka Culture of the Middle Amur. Novosibirsk, Nauka, 1970, 204 p. (In Russ.)
12. Derevyanko A.P. The early Iron Age of the Far East: lecture course. Pt. 1. Novosibirsk, 1970, 198 p. (In Russ.)
13. Derevyanko A.P., Sapunov B.S. History of archaeological studies in the Middle Amur basin. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, 1970, vol. 6, no. 2, pp. 10–27. (In Russ.)
14. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Poltse – a settlement of the early Iron Age. *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1970, vol. 1, pp. 3–29. (In Russ.)
15. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The remote past of Primorie and Priamurie. Vladivostok, Far Eastern Book Publ., 1973, 440 p. (In Russ.)
16. Sapunov B.S. The history of archaeological studies in Amur Region. *Problema kraevedeniya. Arsen'evskie chteniya: te. dokl. Ussuriysk*, 1989, pp. 56–57. (In Russ.)
17. Zabyako A.P., Kobyzov R.A. Arkhara petroglyphs: history of study and the problem of interpretation. *Migratsionnyye protsessy na*

Dal'nem Vostoke s drevneyshikh vremen do nachala XX veka: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Blagoveshchensk, 17–18 maya 2004 g.). Blagoveshchensk, 2004, pp. 130–135. (In Russ.)

18. Petrov V.G., Sapunov B.S. History of studying Stone Age sites in Amur Region since the mid XIX century to 1953. *Migratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke (s drevneishikh vremen do nachala XX veka: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Blagoveshchensk, 17–18 maya 2004 g.).* Blagoveshchensk, 2004, pp. 244–247. (In Russ.)

19. Derevyanko A.P., Zabiako A.P. (eds.). History of Amur Region from ancient times to the early XX century. Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (In Russ.)

20. Nesterov S.P. Essay on the history of archaeological study of Amur Region. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.: materialy vseros. seminara, posvyashch. 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, 3–6 maya 2009 g.* Irkutsk, 2009, pp. 153–158. (In Russ.)

21. Kholkina T.A. To the issue of Blagoveshchensk Museum management. *Tezisy докладов nauchno-prakticheskoy konferentsiy,*

posvyashchennoy 100-letiyu Amurskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Blagoveshchensk, 1991, pp. 6–8. (In Russ.)

22. Radlov V.V. Siberian antiquities. Vol. 1, is. 1. Saint Petersburg, Imperor Archeol. Commission Publ., 1888, 66 p. (In Russ.)

23. The First Amur Agricultural, Economic and Industrial Exhibition in Blagoveshchensk in 1907. *Obzor Amurskoy oblasti za 1907 god.* Blagoveshchensk, 1908, pp. 62–66. (In Russ.)

24. Brauner A.A. Dogs of the Stone Age at the Amur River. *Geologicheskii Komitet.* Leningrad, 1923, is. 160, pp. 1–23. (In Russ.)

25. Panichkina Z.M. On dating the findings at Innokentievsk village at the Amur River. *Soviet ethnography*, 1935, no. 4/5, pp. 211–216. (In Russ.)

26. Sirina A.A. Manchu expedition of S.M. Shirokogorov and E.N. Shirokogorov (1915–1917). *Etnografia*, 2018, no. 1, pp. 64–85. (In Russ.)

27. Bitner V.V. At the turn of the century: a review of the most important scientific and cultural acquisitions of the XIX century. Saint Petersburg, 1901, vol. 1, 539 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

Дата рецензирования 10.01.2022

Статья принята к публикации 24.01.2022

DOI: 10.15372/HSS20220102
УДК 902/904 (31)

А.Е. СОБОЛЕВ

КУЛЬТУРА ФЭНЛИНЬ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ¹

Музей истории города Хабаровска,
РФ, 680013, г. Хабаровск, ул. Ленина, 85

Памятники культуры фэнлинь, получившей название по одноименному городищу, обнаружены китайскими исследователями в 1998 г. в нижнем течении р. Сунгари, среднем и нижнем течении р. Уссури и ее левых притоков – в бассейне р. Цисинхэ и Вайцисинхэ. Были изучены городища и жилые комплексы этой культуры, свидетельствующие об активном взаимодействии ее носителей с соседними культурами – туаньцзе, паоцзыань, культурным типом ваньяньхэ/польцевской культурой. Следует отметить, что в рамках одной культуры развивались два разных типа жилищ каркасно-столбовой конструкции. Состав предметного комплекса свидетельствует об активном взаимодействии с инокультурными элементами – появлении новых типов керамики при сохранении базовой первоосновы – керамики гуньтулин. Продолжается активное использование предметов из кости и рога, резко увеличивается количество изделий из металла. Находки образцов мелкой пластики указывают на освоение искусства верховой езды на лошади и сохранение преемственности с культурой гуньтулин (фигурки свиньи). Китайские исследователи датируют культуру фэнлинь в рамках II–IV вв. н.э.

Ключевые слова: фэнлинь, гуньтулин, Саньцзян, Сунгари, польцевская культура, ваньяньхэ, Китай, Приамурье, кан.

A.E. SOBOLEV

FENGLIN CULTURE IN NORTHEASTERN CHINA

Museum of Khabarovsk City History,
85, Lenin str., Khabarovsk, 680013, Russian Federation

The study objective is to investigate the genesis features of the Fenglin culture in northeastern China during the Early Iron Age; identify the specific features of its development; determine the territorial-chronological boundaries and links with the cultures of the preceding periods and synchronous ones. The main problems are the issue of its origin, the dominant foreign cultural effect and the degree of this influence on its internal evolution. An important task is to establish its clear territorial boundaries at this moment. During research a certain data array has been formed, which allows localizing the territory of culture at the southwest of Sanjiang Plain. Chronological boundaries date back to the period of the II–VI centuries AD. The main cultural monuments are fortified settlements. Due to the lack of research data, it is still difficult to differentiate the settlements of the Fenglin and Guntuling cultures. There are practically no identified burials and burial complexes except for one represented by the primary corpse position. The housing complexes of the frame-and-pillar structure are represented by two different types of dwellings, depending on the heating system - with a kan and with a hearth. The Fenglin culture items include a developed ceramic complex. The production of a large number of bone and horn items continues, there is a sharp increase and variety in using metal objects. The research reveals links with synchronous neighboring cultures: in the field of housing construction – appearing a heating system of the *kan*-type, in ceramics - emerging new forms, in particular, steamers and *dow*-type vessels, in weapons - new forms of weapons (blades with a ring pommel). The traditions of house-building and ceramic production make it possible to assert a certain continuity in this area with the previous Guntuling culture. There is no strictly defined point of view on its origin among Chinese studies. Some researchers are inclined to believe that the Fenglin culture arose on a local autochthonous basis (the Guntuling culture), and it was strongly affected by neighboring archaeological cultures in the process of evolution.

Key words: Fenglin, Guntuling, Sanjiang, Sungari, Poltsev culture, Wanyanhe, China, Amur region, kan.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тысячелетия до н.э.: происхождение польцевской культуры» № 20-09-00192А.

Александр Евгеньевич Соболев – научный сотрудник музея истории города Хабаровска, e-mail: SobolevII@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2011-3657>.

Alexander E. Sobolev – Researcher at the Museum of the History of the City of Khabarovsk.

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью памятников культуры фэнлинь можно считать наличие на них также материалов культуры гуньтулин. Ее присутствие было отмечено на нескольких памятниках в бассейне р. Вайцисинхэ и р. Цисинхэ (рис. 1, 1) [1, с. 24; 2, с. 43; 3, с. 24; 4, с. 82]. В связи с тем, что одна культура предположительно является преемницей другой, территория рас-

пространения культуры фэнлинь должна в общих очертаниях совпадать с ареалом культуры гуньтулин. Были исследованы городища и жилища каркасно-столбовой конструкции с двумя типами отопительной системы – с очагом и каном. Аналогичные типы жилищных комплексов присутствуют в культуре гуньтулин, культурном типе ваньяньхэ (без кана) и культуре туаньцзе (с каном). Керамический комплекс

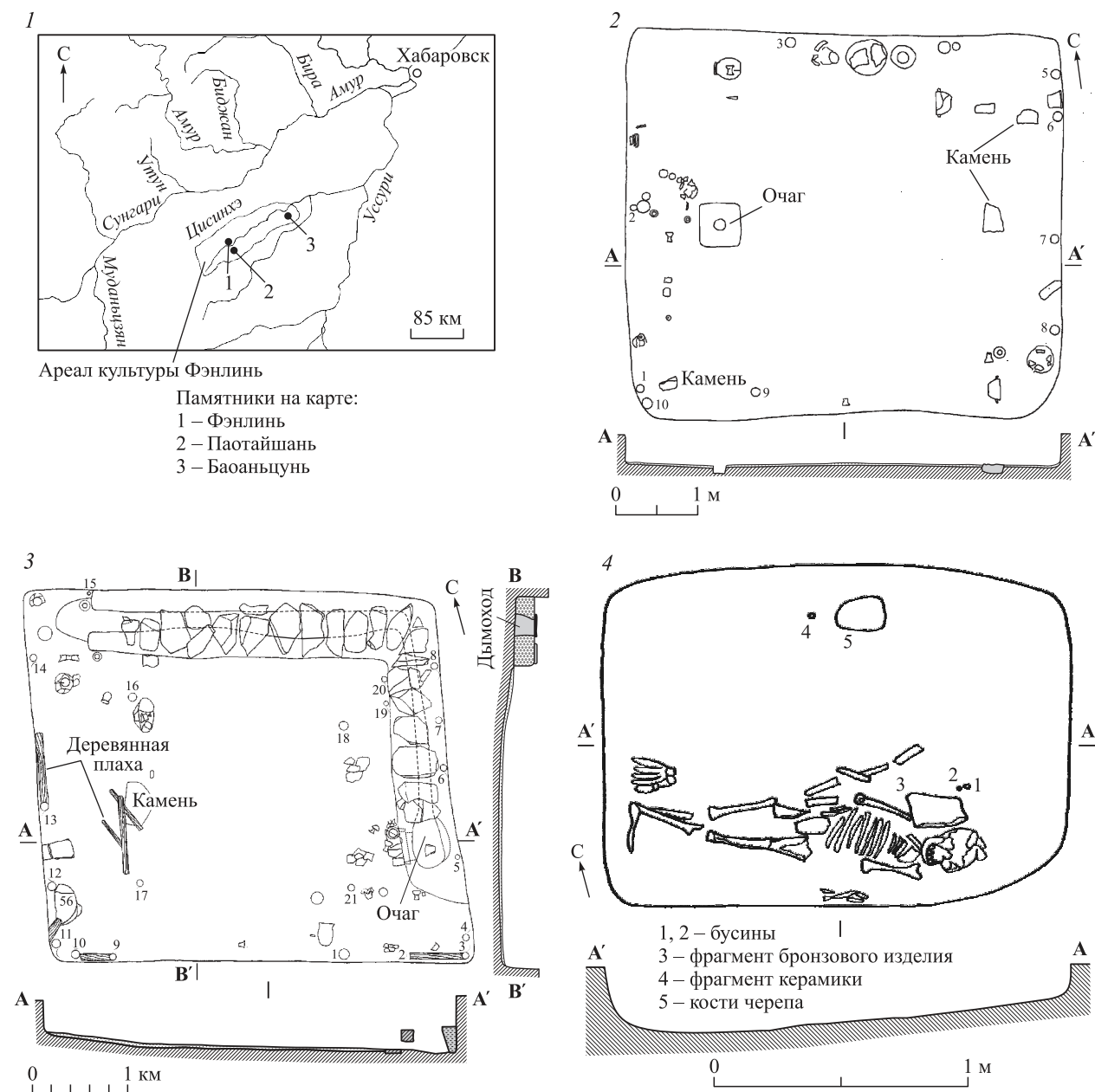

Рис. 1. Карта долины Саньцзян с обозначением ареала культуры фэнлинь (1), планы и разрезы жилища F18 и 2 городища Фэнлинь (2, 3) и план и разрез погребения M1 (4). По: [6].

Fig. 1. Map of the Sanjiang Valley showing the area of the Fenglin culture (1), plans and sections of dwelling F18 and 2 of the Fenglin site (2, 3), and plan and section of burial M1 (4). By: [6].

культуры фэнлинь частично сохранил типы сосудов культуры гуньтулин, дополнив их новыми как под влиянием соседних культур, так и в результате автохтонного развития. При сохранении общих черт в облике хозяйственного инвентаря и оружейного комплекса отмечается их резкое количественное увеличение. Происходит проникновение и развитие искусства верховой езды на лошади, о чем свидетельствуют находки керамических статуэток оседланных лошадей и седел.

МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА ФЭНЛИНЬ

Материалы культуры фэнлинь (жилища, погребение, керамика, изделия из металла, камня, кости, рога, даты) наиболее полно изучены на городище Фэнлинь.

Жилища представляют собой полуземлянки квадратной либо прямоугольной форм каркасно-столбовой конструкции. Их площадь в среднем составляет от 10 до 30 м². Встречаются отдельные жилища площадью до 40 м² и более. В культуре фэнлинь зафиксировано наличие двух типов жилищ, отличающихся отопительной системой: с одиночным очагом и с одноканальным каном Г-образной формы [5, с. 36]. Прослеживается связь размеров жилищ и системы отопления: площадь жилищ с каном занимает 9–20 м², размеры жилища – 4 × 4–4,5 м²; площадь жилищ без кана – 20–30 м², размеры – 4,5 × 5,5 м. В большинстве жилищ не зафиксирован вход, за исключением четырех построек без кана на памятнике Фэнлинь.

Жилище F18 в плане имеет прямоугольную форму с закругленными углами (5,36 × 4,78 м) (рис. 1, 2). Его площадь примерно 26 м². Стены полуземлянки прямые, без следов специальной обработки, их высота 33–40 см. Жилая поверхность черного цвета из-за обжига, твердая, имеет понижение с востока на запад. Толщина пола 1–2 см. Очаг подквадратной формы (54 × 50 см) смещен к середине западной стены жилища. Его заполнение черно-темно-коричневого цвета. В центре очага имеется яма круглой формы диаметром 14 см, глубиной 8 см. Недалеко от середины восточной стены жилища находилась плоская каменная плита (34 × 26 см), которая, вероятнее всего, была опорной базой для деревянного столба. Внутри жилища вдоль стен обнаружено 10 ям для опорных столбов. В юго-западном углу находились ямы № 1 и № 10, их диаметр соответственно составлял 10 и 12 см, глубина 30 и 29 см; в середине западной стены обнаружена яма № 2, диаметром 8 см и глубиной 23 см; в середине северной стены – ямы № 3 и № 4, диаметром 12 и 16 см, глубиной 27 и 18 см; вдоль восточной стенки 4 ямы – № 5–8 диаметром 10–12 см и глубиной 8–27 см; у южной стены имелась еще

одна яма – № 9, диаметром 11 см, глубиной 13 см. Вдоль всех четырех стен внутри жилища найдены предметы повседневного быта и инструменты. Из керамических изделий представлены сосуды типа *вэн, гуань, бо, вань, доу*, пароварки, крышки от сосудов (рис. 2, 1, 3, 5, 6, 7, 10, 12). Из других категорий предметов обнаружены керамические пряслица, каменные песты, шлифовальные плиты, каменные ножи, железные проколки, железные пластины от доспеха. В заполнении жилища F18 – грунте серого и темно-коричневого цвета с примесью небольшого количества прокаленной почвы и угольной пыли – найдено большое количество фрагментов керамики, керамических пряслиц, грузил для сетей, бусин из агата, каменных цилиндрических изделий, костяных проколов и других артефактов.

Жилища без кана имели подпрямоугольную или подквадратную форму в плане, каркасно-столбовую конструкцию; большинство ям для опорных столбов располагались вдоль стен котлована с разными интервалами относительно друг друга. Отмечено отсутствие глиняной обмазки пола и стен; в большинстве случаев не найдено следов входа. Очаги в таких жилищах имели разные формы: подквадратную с ямкой круглой формы, углубленной в грунт; круглую в виде небольшой ямы; круглую без углубления в грунт; подпрямоугольную с обкладками в виде вертикально стоящих каменных плиток.

Характерным жилищем с каном является жилище F2 на городище Фэнлинь (рис. 1, 3) [5, с. 36]. Оно представляет собой конструкцию, заглубленную в котлован подквадратной формы с закругленными углами (4,45 × 3,95 м). Стены жилища прямые и вертикальные. Высота восточной стенки 50–56 см, южной – 45–52 см, западной – 20–40 см, северной – 26–40 см. На отдельных участках западной стенки сохранились тонкие обгоревшие фрагменты дерева черного цвета и прокаленная земля. Западная и северная части пола жилища выше, чем восточная и южная. Толщина пола 4–5 мм, поверхность твердая; видимо, в течение длительного времени она подвергалась утрамбовыванию (натаптывалась обитателями). С западной стороны посередине на полу лежала большая каменная плита. На ее поверхности сохранились три фрагмента обрушившихся и обгоревших бревен. Предположительно, этот камень служил базой для опорного столба внутри жилища.

Кан располагался вдоль северной и восточной стен. В северо-восточном углу отмечен поворот кана под прямым углом. Длина северного участка составляла примерно 3,65 м, длина восточного 3–3,15 м, ширина 60 см, высота от пола 24 см. Кан сложен из грунта темно-желто-коричневого цвета. Стенки наклонные. На их поверхности сохранился слой копоти толщиной 1 мм. В центре кана устроен один дымо-

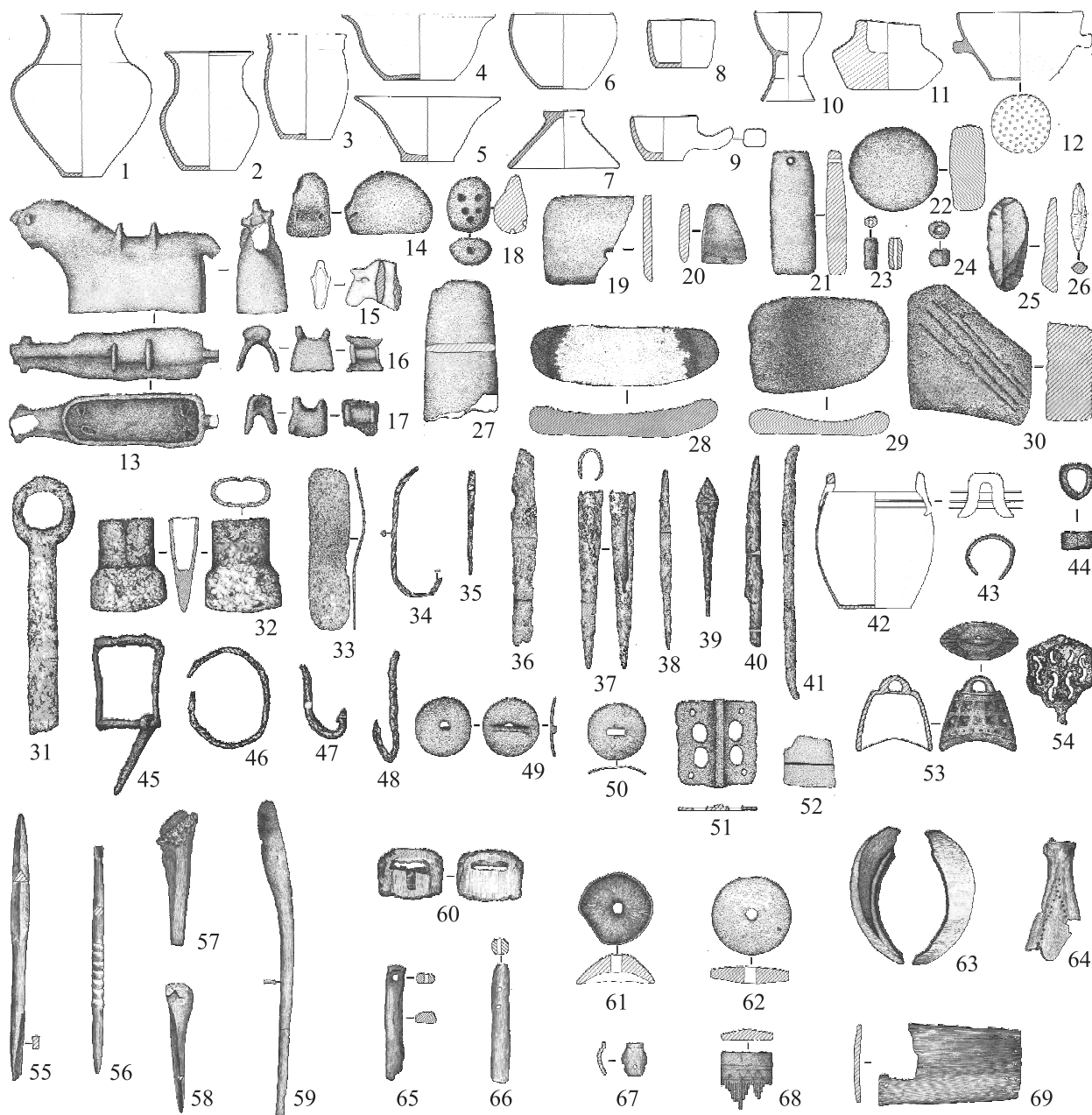

Рис. 2. Материалы культуры фэнлинь.

Изделия из керамики (1–18): 1 – сосуд *вэн*, 2 – кувшин *ху*, 3 – горшок *гуань*, 4 – миска *пэнь*, 5 – чашка *вань*, 6 – чашка *бо*, 7 – крышка для сосуда, 8 – стакан *бэй*, 9 – стакан *бэй* с ручкой, 10 – сосуд *доу*, 11 – сосуд *чжун*, 12 – пароварка, 13 – фигурка лошади, 14 – фигурка свиньи, 15 – голова фигурки лошади, 16, 17 – модели седла, 18 – изделие с ямками-наколами.

Предметы из камня (19–30): 19 – нож, 20 – долото, 21 – шлифованное изделие с отверстием, 22 – шлифованный круг, 23, 24 – бусины, 25 – скребок, 26 – сверло по дереву, 27 – тесло, 28, 29 – терочники, 30 – абразив.

Изделия из железа (31–41, 45–47): 31 – рукоять однолезвийного клинка с кольцом, 32 – тесло, 33 – панцирная пластина, 34 – браслет, 35 – игла, 36 – наконечник копья, 37 – пешня, 38 – проколка, 39 – наконечник стрелы, 40 – нож, 41 – режущий инструмент, 45 – пряжка, 46 – кольцо, 47 – рыболовный крючок.

Предметы из бронзы (42–44, 48–54): 42 – котел, 43 – браслет, 44 – кольцо, 48 – рыболовный крючок, 49 – бляха, 50 – навершие колокольчика, 51, 54 – ажурные украшения, 52 – пластина, 53 – колокольчик.

Артефакты из кости (55, 57–61, 64–69) и рога (56, 62): 55 – наконечник стрелы, 56 – заколка для волос, 57, 58 – пробойники, 59 – концевая накладка на лук, 60 – фрагмент пряжки, 61, 62 – пряслица, 63 – украшение из клыка кабана, 64 – лопатка животного для гадания, 65, 66 – псалии, 67 – свистунка, 68 – гребень, 69 – панцирная пластина.

Масштаб различный. По: [6].

Fig. 2. Materials of Fenglin culture.

Pottery items (1–18): 1 – weng-type vessel, 2 – hu-type jag, 3 – guan-type pot, 4 – peng-type bowl, 5 – wan-type cup, 6 – bo-type cup, 7 – lid for the vessel, 8 – bei-type glass, 9 – bei-type glass with a handle, 10 – dou-type vessel, 11 – zhong-type vessel, 12 – double boiler, 13 – horse figurine, 14 – pig figurine, 15 – head of a horse figurine, 16, 17 – saddle models, 18 – product with pits-pricks.

Objects made of stone (19–30): 19 – knife, 20 – chisel, 21 – polished product with a hole, 22 – polished circle, 23, 24 – beads, 25 – scraper, 26 – wood drill, 27 – adze, 28, 29 – grinders, 30 – abrasive.

Iron items (31–41, 45–47): 31 – handle of a single-edged blade with a ring, 32 – adze, 33 – armored plate, 34 – bracelet, 35 – needle, 36 – spearhead, 37 – ice pick, 38 – piercing, 39 – arrowhead, 40 – knife, 41 – cutting tool, 45 – buckle, 46 – ring, 47 – fishing hook.

Bronze objects (42–44, 48–54): 42 – cauldron, 43 – bracelet, 44 – ring, 48 – fishing hook, 49 – plaque, 50 – bell top, 51, 54 – openwork ornaments, 52 – plate, 53 – bell.

Artifacts made of bone (55, 57–61, 64–69) and horn (56, 62): 55 – arrowhead, 56 – hair clip, 57, 58 – punches, 59 – bow end cap, 60 – buckle fragment, 61, 62 – spindle whorl, 63 – boar tusk decoration, 64 – shoulder blade of an animal for divination, 65, 66 – cheek-pieces, 67 – whistle, 68 – comb, 69 – armored plate.

The scale is various. By: [6].

ход, диаметром примерно 16–28 см. Сверху он закрыт каменными плитами вытянутой формы (21 шт.). Толщина плит примерно 4–10 см, максимальная длина – 50, минимальная – 25–30 см. На южном участке дымохода с восточной стороны устроен очаг, который в плане имеет прямоугольную форму. Стенки наклонные, дно ровное. Длина очага в верхней части составляет 50 см, ширина 30, глубина 28 см. По двум боковым сторонам уложены керамические кирпичи вытянутой формы шириной 5 и толщиной 3 см. Сверху лежал один кирпич. Кирпичная кладка сверху перекрыта грунтом. Ширина топки 30, высота 10 см. Перед очагом уложены три маленьких плоских камня. Из-за того, что очаг использовался в течение длительного времени, на его стенках образовался слой прокаленной почвы толщиной примерно 2–3 мм. На дне очага лежал маленький камень трапецевидной формы толщиной около 10 см. Возможно, на него ставили сосуды. Внутри очага сохранилось некоторое количество фрагментов темно-коричневой керамики. На южной стороне очага имелось небольшое возвышение из твердого грунта длиной 20–40, высотой 30 см. На конце западного участка дымохода на северной стороне обнаружена неглубокая яма полукруглой формы, с изогнутыми стенками, круглым дном (35 × 45 × 20 см) – место расположения дымоходной трубы.

Вдоль всех четырех стен имелись остатки 15 обугленных деревянных столбов диаметром 6–12, длиной 10–30 см. У южной стены сохранились 5 столбов, у западной – 4, рядом с трубой у северной стены – 1, в юго-восточном углу рядом с восточной стеной найдем 1 столб. На поверхности кана с восточной стороны обнаружено 4 столбовые ямы. Из этих деревянных опор некоторые были расколоты и лежали вблизи стен землянки. Интервалы между столбовыми ямами, располагавшимися вдоль южной стены, составляли 12–60 см. В северо-восточном углу жилища, вблизи восточной стороны стены кана, сохранились 2 деревянных опоры. Иногда они устанавливались

прямо на полу жилища или на поверхности кана, а другие вкапывались в грунт глубиной на 10 см. Кроме того, внутри было обнаружено 4 ямы для опор, которые были симметрично расположены по четырем сторонам жилища. Внутри них отмечены следы обугленной древесины. Диаметр ям составляет 6–10, глубина 5–35 см. Вход в жилище не выявлен.

Жилища с каном имели подпрямоугольную или подквадратную в плане форму (котлована); каркасно-столбовую конструкцию; большая часть ям для опорных столбов располагались вдоль стен котлована с разными интервалами относительно друг друга. Обмазка пола и стен жилища отсутствовала. Кан был одноканальный «Г»-образный, с ориентацией сторон на северо-восток и северо-запад.

За все время исследований было обнаружено только одно погребение (рис. 1, 4) [6, с. 74]. Оно находилось в юго-западном углу жилища F16 с очагом. Могила имела прямоугольную в плане форму с закругленными углами (1,83 × 1,23 × 0,25 м). Стены с небольшим наклоном. Умерший был уложен в южной части могилы на левый бок, головой на восток–юго-восток. Сохранность костяка плохая. В центральной части погребения найден фрагмент еще одного черепа. Из погребального инвентаря обнаружены: одна цилиндрическая бусина красного цвета из агата и одно цилиндрическое изделие из мрамора (?), фрагмент бронзового изделия, один крупный фрагмент и небольшое количество мелких фрагментов керамики.

Всего целых и реставрированных сосудов культуры фэнлинь известно более 500 [6, с. 75]. Выделено 11 типов форм керамических изделий: *вэн, ху, гуань, бо, доу, вань, чжун, пэн, бэй*, крышки от сосудов, пароварки (рис. 2, 1–12). Абсолютное большинство сосудов обнаружено в жилищах, а небольшая часть – в зольниках. Поверхность большинства сосудов покрыта нагаром и копотью.

В качестве наполнителя для керамического теста использовалась песчаная примесь из крупных и мелких частиц. Сосудов с отощителем из мелких частиц

немного. Глину в процессе подготовки формовочной массы подвергали процессу отмучивания. Поверхность этих изделий заглажена и залощена. Изделия из такой формовочной массы и с указанной обработкой поверхности представлены сосудами *ху*, *бо*, *доу*. Поверхность сосудов в основном серого, серо-темно-коричневого, черно-коричневого цвета. Небольшое количество сосудов – желто-темно-коричневые, красно-темно-коричневые. Очень мало сосудов красного и черного цвета. Большинство сосудов лепные, малое количество из них доработано на поворотном круге. Способ формирования сосуда – ленточно-кольцевой налеп. Для обработки поверхности сосудов использовались выбивка, заглаживание, лощение.

Большинство сосудов не орнаментировано. У немногих сосудов на верхней части поверхности имелись наклепные элементы, орнамент – из отпечатков пальцев, прочерченный и штампованный, иногда имела роспись, отмечены украшения в виде мелкой пластики. Роспись практиковалась только на сосудах *бо*, *ху*, *доу*, *вэн*, в их верхней части. На внешних стенках сосудов *вэн*, *бо*, *ху* нанесена роспись красного цвета, на внешних стенках сосудов *доу* – роспись серого цвета. В качестве элементов мелкой пластики используются сосцевидные выступы, расположенные в большинстве случаев в области шейки сосудов типа *гуань*, в количестве 2–4 шт.

Из керамических изделий других категорий были обнаружены: пряслица, грузила для рыболовных сетей, а также предметы мелкой пластики: фигурки лошади, свиньи, седла для верховой езды на лошади, лица человека, кольца, бусины, украшения со сквозными отверстиями (рис. 2, 13–17).

Каменные артефакты (165 экз.) представлены теслами, долотами, ножами, бусинами, трубками, предметами с отверстием, шлифованными изделиями, жерновами, пестами, абразивами (рис. 2, 19–30). Материалом для изделий служил известковый сланец иссиня-черного цвета, туф серо-темно-коричневого цвета и цвета желтой охры, мрамор синевато-серого цвета, кремнистый сланец, агат красного цвета, кварцит, жильный кварц, белый нефрит, яшма, обсидиан, кремний, гнейс, шиферный сланец, слюдястый сланец, мелкозернистый песчаник с примесью железистого кварца, алевролит, долерит, базальт, перлит (жемчужный блеск). При изготовлении предметов использовались оббивка, ретуширование, шлифование, сверление [6, с. 209].

К изделиям из металла – бронзы, железа и серебра [6, с. 187] – относится довольно многочисленная группа предметов. Среди 65 предметов из бронзы представлены браслеты (33), колокольчики (5), крышки от колокольчиков (2), бляхи (4), кольца (10), на-

Радиоуглеродные даты памятника Фэнлинь

Radiocarbon dates of the Fenglin site

Номер жилища Dwelling number	Радиоуглеродный возраст, л.н. Radiocarbon date, BP	Индекс лаборатории Laboratory index	Калиброванная дата ($\pm 1\sigma$), лет н.э. Calibrated date ($\pm 1\sigma$), AD	Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$), лет н.э. Calibrated date ($\pm 2\sigma$), AD
F1	1770 $\pm$ 30	BA110515	228–262 (43 %) 278–329 (57 %)	137–202 (12 %) 205–345 (88 %)
F2	1765 $\pm$ 35	BA110516	229–265 (37 %) 272–335 (63 %)	138–198 (11 %) 207–357 (86 %) 366–381 (3 %)
F9	1785 $\pm$ 30	BA110517	174–191 (11 %) 211–260 (56 %) 284–323 (33 %)	134–264 (71 %) 275–334 (29 %)
F10	1790 $\pm$ 30	BA110518	140–151 (8 %) 169–194 (18 %) 210–258 (56 %) 298–319 (18 %)	132–263 (77 %) 277–330 (23 %)
F11	1865 $\pm$ 35	BA110519	86–108 (22 %) 118–176 (57 %) 190–212 (21 %)	73–234 (100 %)
F12	1870 $\pm$ 30	BA110520	82–140 (67 %) 150–170 (18 %) 194–210 (15 %)	73–226 (100 %)
F15	1830 $\pm$ 30	BA110521	136–218 (100 %)	86–107 (4 %) 120–252 (96 %)
F21	1935 $\pm$ 25	BA110522	27–40 (17 %) 49–86 (72 %) 108–117 (11 %)	9–11 (0,5 %) 17–127 (99,5 %)

шивки (5), рыболовный крючок (1), украшения (3), пластина (1) и котел (1) (рис. 2, 42–44, 48–54). Предметов из железа найдено 227 экз.: режущие инструменты, ножи, наконечники стрел, панцирные пластины, проколки, иглы, пластины, мотыги, наконечники копий, инструменты для раскалывания льда, наваршья кинжалов, однолезвийные мечи, рыболовные крючки, кольца, браслеты, пряжки от поясов, предметы неопределенной формы (рис. 2, 31–41, 45–47). – Трубнообразные украшения (3 экз.) сделаны из серебра.

Изделий из кости, рога и зуба найдено 141 экз., это наконечники стрел, заколки, проколки, панцирные пластины, пряслица, язычки от колокольчиков, костяные изделия ромбовидной формы, кинжалы, сигнальные наконечники стрел со свистками, гребни, накладки на концы луков, трубки, гадательные кости, молотки, костяные изделия с просверленными отверстиями, изделия в форме косточек плодов финика (рис. 2, 55–69). Среди изделий выделяются предметы для военного дела и охоты (наконечники стрел), инструменты (пробойники) и в качестве элементов одежды (заколки), которые вместе взятые составляют более 60 % от всех найденных артефактов. Техника изготовления – строгание, шлифование, полировка, сверление [6, с. 236].

Время существования культуры фэнлинь китайские археологи на основании радиоуглеродного датирования определяют от рубежа I–II до конца IV в. н.э. [6, с. 433]*.

Синхронизированные калиброванные ($\pm 2\sigma$) радиоуглеродные определения для данных жилищ показали, что жилища F1, F2, F9–12, F15 датируются первой половиной III в. н.э., жилище F22 – первой половиной II в. н.э. С ним синхронизируются и постройки F11, F12, F15, возможно, возведенные в этот период, но простоявшие более длительный срок – около 100 лет.

ОБСУЖДЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

При исследовании памятников культуры фэнлинь были обнаружены жилища, которые позволяют охарактеризовать особенности домостроения ее носителей. Основной тип жилищ – полуземлянка каркасно-столбовой конструкции в неглубоком котловане с одним очагом внутри. Для нее характерно отсутствие глиняной обмазки пола и стен. Эти особенности характерны и для жилищ культуры гуньтулин. Отмечены изменения в расположении ям для опорных столбов – их выкапывали вдоль стен котлована с раз-

ными интервалами друг от друга. Отмечено четыре типа конструкции очага, что может объясняться как инокультурным влиянием (обкладка очага каменными плитками) [7, с. 49], так естественной эволюцией. В культуре фэнлинь появляется новый тип жилища с теплотехническим устройством в виде кана. Жилища такого типа составляют примерно четверть всех обнаруженных. В них сохраняется каркасно-столбовая конструкция, установленная в неглубоком котловане. Для них, как и для жилища без кана, характерно расположение ям для опорных столбов с разными интервалами относительно друг друга, отсутствие глиняной обмазки пола и стен. Появление кана китайские исследователи объясняют влиянием культуры туаньцзе [7, с. 49]. Возможны два варианта проникновения кана: вместе с ее носителями (миграция небольшой группы носителей культуры туаньцзе) либо как собственный результат прогресса носителей культуры фэнлинь в отопительной системе. Вторая версия представляется более вероятной, так как имеются различия в особенностях конструкции кана, в частности, в устройстве приканового очага, малом количестве жилищ подобного типа.

В керамическом комплексе культуры фэнлинь можно выделить резкий рост разнообразия типов форм сосудов по сравнению с культурой гуньтулин. Появляются новые как по форме, так и по функциям сосуды типов *вэн*, *ху*, *доу*, крышки от сосудов, пароварки. Одни из них, вероятно, возникали под влиянием соседних культур (туаньцзе и фуюй) – *доу* и пароварки, другие представляют собой оригинальные формы (*вэн* и *ху*, варианты *гуань*). Тем не менее видна преемственность с культурой гуньтулин в формах сосудов типа *гуань*, *вань*, *бо*, *бэй*, сосудах с рогообразной рукоятью [8, с. 9]. Различия прослеживаются в технике изготовления некоторых типов керамических сосудов. Так, для сосудов *бо*, *ху*, *доу* и *вэн* отмечена более тщательная подготовка формовочной массы с использованием в качестве наполнителя мелкого песка и отмучивания глины, наличие росписи поверхности красной или серой красками.

Новой чертой является возникновение мелкой керамической пластики – скульптурных изображений оседлых лошадей и седел [6, с. 171]. Имеются находки достаточно грубо оформленных скульптурок свиньи, по своему художественному стилю аналогичных подобным находкам на памятниках культуры гуньтулин. Собственно, появление статуэток лошадей (как и находки их костей) свидетельствует о знакомстве местного населения с верховой ездой, а не только об использовании лошади в качестве тягловой силы.

В использовании камня, кости, рога в качестве сырья для изготовления предметов разного назначе-

* Для определения калиброванных значений использовалась «Calib radiocarbon calibration program» (Calib 611).

ния прослеживается преемственность с культурой гуньтулин: продолжается изготовление тех же категорий предметов аналогичных форм и расширение их разнообразия. В частности, есть находки костяных накладок на лук, что свидетельствует об использовании и, возможно, об изготовлении сложносоставного лука [6, с. 249]. Среди изделий из кости продолжают преобладать предметы для охоты и военного дела (наконечники стрел). Оригинальной особенностью предметного комплекса из кости является наличие большого количества гадательных лопаток (коровы или оленя) (рис. 2, 64).

Предметы из железа аналогичны найденным в культуре гуньтулин. Происходит расширение ассортимента используемых предметов, особенно в области военного дела (однолезвийные мечи, кинжалы, наконечники копий), увеличивается их количество. Если в культуре гуньтулин находки единичны, то здесь они становятся массовыми [6, с. 194]. Это свидетельствует как о развитии местной металлургии, так и об определенных контактах с носителями других традиций производства изделий из металла (кинжики с кольцевым навершием, панцирные пластины доспеха) (рис. 2, 31, 33).

Экономика общества культуры фэнлинь по-прежнему основывается на сочетании разных видов хозяйственной деятельности: охоте, животноводстве, растениеводстве, рыбной ловле. По сравнению с культурой гуньтулин четко фиксируется рыболовство (находки костей сазана и амурского сома). В животноводстве появляется одомашненная курица. В земледелии отмечено использование четырех видов культурных растений: итальянского проса, проса обыкновенного, ячменя обыкновенного, сои [6, с. 479].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению китайских исследователей, в культуре фэнлинь отчетливо прослеживается влияние культуры гуньтулин как базовой, а также культурного типа ваньяньхэ (польцевской культуры), культуры/культурного типа паоцзыянь (керамика, юго-западнее в пров. Цилинь) [6, с. 268] и культуры туаньцзе (домостроение, керамика) [9, с. 17]. Наличие ряда категорий изделий из металла и прежде всего вооружения позволяет предполагать существование контактов с государством Фууй [10, с. 81]. В качестве базовой культуры следует признать культуру гуньтулин, так как тип ее домостроения, керамика, военно-охотничий, инструментальный комплексы составили основу для возникновения культуры фэнлинь.

Ключевая особенность генезиса культуры фэнлинь – относительно одновременное появление сразу большого количества новаций при сохранении доми-

нирования ядра-первоосновы в виде культуры гуньтулин. Это совершенно новые элементы в домостроении: появление новых типов очагов в жилищах на одном поселении, а также жилищ с канами; расширение типового разнообразия керамического комплекса, распространение новых элементов вооружения, резкое расширение ресурсной базы за счет интенсивного развития рыболовства.

Характерно, что в количественном и качественном соотношении инокультурные элементы существенно уступают автохтонным. Это весьма заметно в керамическом комплексе, который можно разделить на три категории: керамика, сходная по своим формам с посудой культуры гуньтулин, инокультурная керамика (доу и пароварки) и оригинальные керамические формы.

Чем же была вызвана такая эволюция в условиях сильного влияния соседних культур раннего железного века (туаньцзе, паоцзыянь, фууй) на все сферы материальной культуры носителей культуры фэнлинь? Основной сосед на юго-западе для носителей культуры фэнлинь – государство Фууй. В середине III в. н.э. оно потерпело военно-политическое поражение от сяньби [11, с. 2826], номинально сохранив свою территорию. Впоследствии государство Фууй попало под контроль государства Когурё [12, с. 89]. Эти события могли стать причиной миграций групп населения культуры фууй на северо-восток, в районы проживания носителей культуры фэнлинь. Таким образом, территория равнины Саньцзянь, где проживали носители культуры фэнлинь, была наиболее защищенной и удаленной от Сяньби и Когурё. Вероятно, носители культуры фэнлинь могли сдерживать их экспансию, контролировать район между средним и нижним течением р. Сунгари, где был проход между отрогами горных цепей Малого Хингана и хребта Чжангуанцайлин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжан Вэй, Ван Сюэлян, Тянь Хэ. Доклад о раскопках городища Фэнлинь в уезде Юйи провинции Хэйлунцзян в 1998 г. (Хэйлунцзян Юйи сянь Фэнлинь чэнчжи 1998 нянь фацзюэ баогэ) // Каогу. 2000. № 11. С. 24–34 (на кит. яз.).
2. Тянь Хэ, Чжао Юнцзюнь, Чжан Вэй. Краткий доклад о раскопках на городище Паотайшань эпохи Хань-Вэй в уезде Баоцин провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Баоцин Паотайшань Хань-Вэй чэнчжи шицзюэ цзяньбао) // Вэнь. 2009. № 6. С. 43–50 (на кит. яз.).
3. Чжан Вэй, Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Фан Ци. Раскопки на городище Баоаньцунь эпохи Хань-Вэй в городском округе Шуаньяшань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Шуаньяшань ши Баоаньцунь Хань-Вэй чэнчжи дэ шицзюэ) // Каогу. 2003. № 2. С. 24–33 (на кит. яз.).
4. Сюй Юнцзе. Проект по археологическому исследованию поселений группы памятников периода Хань-Вэй в долине реки Цисинхэ провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Цисинхэ лююй Хань-Вэй ичжи цюнь цзюйло каогу цзихуа) // Каогу. 2000. № 11. С. 82–91 (на кит. яз.).

5. Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Хуан Синкунь. Доклад о раскопках второго жилища на городище Фэнлинь в уезде Юйи пров. Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Юйи сянь Фэнлинь чэнчжи эр хао фанчжи фацзюэ баогэо) // Каогу. 2000. №11. С. 35–42 (на кит. яз.).

6. Городище Фэнлинь: доклад об археологических раскопках в 1998–2000 гг. (Фэнлинь чэн: 1998–2000 няньду каогу фацзюэ баогэо) / Под ред. Чжао Юэ. – Пекин: Изд-во Кэсюэ, 2019 г. 571 с. (на кит. яз.).

7. Тянь Инцзе, Сунь Сюжэнь, Чжао Хунгуан, Гань Чжигэн. Археология районов Хэйлунцзяна (Хэйлунцзян цюйюй каогу-сюэ). – Пекин: Изд-во Чжунго шэхуэй кэсюэ, 1991. 195 с. (на кит. яз.).

8. Тянь Инцзе, Ли Яньте, Цзинь Тайшунь. Доклад о раскопках на памятнике Гуньтулин в городском округе Шуаньяшань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян шэн Шуаньяшань ши Гуньтулин ичжи фацзюэ баогэо) // Бэйфан вэнь. 1997. № 2. С. 6–15. (на кит. яз.).

9. Чжан Гоцян, Хо Дунфэн, Хуа Ян. Рассуждение о культуре Фэнлинь (Фэнлинь вэньхуа данъи) // Бэйфан вэнь. 2006. № 2. С. 14–19 (на кит. яз.).

10. Ли Чжунчжу. Исследование культуры Фууй (Фууй вэньхуа яньцзю) [электронный ресурс]: дис. д-ра наук. Цзилиньский университет, март-апрель 2004 г. 307 с. (на кит. яз.).

11. Книга Цзинь (Цзинь Шу). Пекин: Изд-во Чжунхуа шучзюй, 1974. 2974 с. (на кит. яз.).

12. Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи трех государств). – М.: Изд-во вост. лит., 1995, Т.2. 749 с.

13. Тянь Хэ, Чжан Вэй, Чжао Юнцзюнь, Сюй Юнцзе. Краткий доклад о раскопках на городище Фэнлинь в уезде Юйи провинции Хэйлунцзян в 1999 г. (Хэйлунцзян Юйи сянь Фэнлинь чэнчжи 1999 нянь фацзюэ цзяньбао) // Бэйфан вэнь. 2016. № 4. С. 7–22 (на кит. яз.).

14. Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Чжан Вэй, Сюй Юнцзе. Доклад о раскопках на городище Фэнлинь в уезде Юйи провинции Хэйлунцзян в 2000 г. (Хэйлунцзян Юйи сянь Фэнлинь чэнчжи 2000 нянь фацзюэ баогэо) // Каогу сюэбао. 2013. № 4. С. 539–575 (на кит. яз.).

REFERENCES

1. Zhang W., Wang X., Tian H. Excavation report of Fenglin site in Yuyi County, Heilongjiang Province in 1998. *Kaogu*, 2000, no. 11, pp. 24–34. (In Chin.)

2. Tian H., Zhao Yo., Zhang W. Brief report on excavations at Paotayshan site of the Han Wei period in Baoqing County, Heilongjiang Province. *Wenwu*, 2009, no. 6, pp. 43–50. (In Chin.)

3. Zhang W., Zhao Yo., Tian H., Fang Q. Excavation at the Baoancun site of the Han-Wei era in the Shuangyashan City district of Heilongjiang Province. *Kaogu*, 2003, no. 2, pp. 24–33. (In Chin.)

4. Xu Yo. Archeological research plan of a group of monuments of the Han-Wei period in the Qixinghe River valley, Heilongjiang Province. *Kaogu*, 2000, no. 11, pp. 82–91. (In Chin.)

5. Zhao Yo., Tian H., Huang X. Excavation report of the second dwelling at Fenglin site in Yuyi County, Heilongjiang Province. *Kaogu*, 2000, no. 11, pp. 35–42. (In Chin.)

6. Fenglin site: archaeological excavation report in 1998–2000. Beijing, Kexue Publ, 571 p. (In Chin.)

7. Tan Y., Sun X., Zhao H., Ganzhi L. Archeology of Heilongjiang districts. Beijing, Zhongguo shehui kexue Publ., 1991, 195 p. (In Chin.)

8. Tan Y., Li Ya., Jin T. Report on the excavation at the Guntuling Monument in Shuangyashan City, Heilongjiang Province. *Beifangwenwu*, 1997, no 2, pp. 6–15. (In Chin.)

9. Zhang G., Huo D., Hua Ya. Fenglin culture essay. *Beifangwenwu*, 2006, no. 2, pp. 14–19. (In Chin.)

10. Li Zh. Fuyu culture study: diss. theses. Chanchun, 2004, 307 p. (In Chin.)

11. Jin Book. Beijing, 1974, 2974 p. (In Chin.)

12. Kim B. Samguk sagi (historical records of three states). Moscow, East Lit Publ., 1995, vol. 2, 749 p. (In Russ.)

13. Tian H., Zhang W., Zhao Yo., Xu Yo. Brief report on excavations of Fenglin site in Yuyi County, Heilongjiang Province in 1999. *Beifangwenwu*, 2016, no. 4, pp. 7–22. (In Chin.)

14. Zhao Yo., Tian H., Zhang W., Xu Yo. Excavation report of Fenglin Site in Yuyi County, Heilongjiang Province in 2000. *Kaogu xuebao*, 2013, no. 4, pp. 539–575. (In Chin.)

Статья поступила в редакцию 08.12.2021

Дата рецензирования 11.01.2022

Статья принята к публикации 24.01.2022

DOI: 10.15372/HSS20220103

УДК 903.27+904 (571.5)

¹С.В. АЛКИН, ²Р.В. СМОЛЯКОВ

ГОРБИЧЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА р. ШИЛКЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17²Читинский техникум железнодорожного транспорта
Забайкальского института железнодорожного транспорта,
РФ, 672000, г. Чита, ул. Бутина, 3

Археологические исследования в бассейне среднего и нижнего течения р. Шилки в Забайкальском крае позволили сформировать источниковую базу для изучения процесса культурной адаптации мохэских мигрантов из Западного Приамурья в новом для них районе и в инокультурном окружении. На восточный источник связей прибывшего населения указывают особенности его хозяйственно-культурного типа, а также использование новых для региона технологий жилищного и фортификационного строительства. Укрепленные поселения образуют систему из горных и равнинных городищ по берегам Шилки и ее притоков. До 2021 г. один из таких объектов – Горбиченское городище, расположенное в районе с. Горбича Сретенского района Забайкальского края, было известно лишь по краткой столетней давности публикации забайкальских краеведов А.Н. Банышикова и П.П. Орлова. В настоящей статье представлена информация о повторном открытии памятника и его месте в системе Шилкинских средневековых городищ.

Ключевые слова: Забайкалье, р. Шилка, Средневековье, фортификация, городище, жилище, культура мохэ, миграция.

S.V. ALKIN, R.V. SMOLYAKOV

GORBITSA FORTRESS ON THE SHILKA RIVER IN THE TRANS-BAIKAL REGION

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Chita College of Railway Transport of the Trans-Baikal Institute of Railway Transport,
3, Butina str., Chita, 6672000, Russian Federation

Large-scale field surveys and excavations, being carried out for more than 10 years in the middle and lower Shilka River basin (southeastern Transbaikalian Region), have provided new data on the regional population ethnogenetic history, which previously was overlooked by archaeologists for many decades. For the first time, a source base has been formed concerning this Transbaikalian area aimed to explore the cultural adaptation process of Mohe groups migrating from the Middle Priamurie, across the new territory characterized by natural features as well as a diverse cultural environment.

The migrant's cultural background is determined primarily by the ceramic collection composition with distinctive characteristics of the specimens of the pottery collection of Troitsky type ceramics of the Mohe culture. The material collected at the research sites specifies Troitsky Mohe cultural and economic adaptation process in a new environment and displays their interactions with the local population as well. Prominent attributes of the economic and cultural type, features of housing and fortification construction, previously unknown in this region, that the newly arrived people

Работа выполнена по НИР: «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)».

Сергей Владимирович Алкин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: alkin-s@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6319-6448/>

Роман Викторович Смоляков – преподаватель, Читинский техникум железнодорожного транспорта Забайкальского института железнодорожного транспорта, e-mail: amasarez@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-3720-6777>

Sergei V. Alkin – Candidate of Historical Sciences of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Roman V. Smolyakov – lecturer, Chita College of Railway Transport.

were somehow connected with the Eastern regions. Fortified settlements make up a system of mountain and lowland hillforts along the Shilka River banks and its tributaries. Some of these sites have been known since the early XX century. The discovery of new and additional examination of previously known ones is the scope of the archaeological work carried out at the beginning of the last fifteen-year period. However, until last year, one of the major hillforts, located near Gorbitsa village area of the Sretensky district of Transbaikalian Region known from a brief publication by A. Banchchikov and P. Orlov (1915), Transbaikalian local historians, was out of the researcher's attention. It was rediscovered during the 2021 field season.

Key words: Transbaikalian region, Shilka river, Middle Ages, fortification, fortress, dwelling, Mohe culture, migration.

ВВЕДЕНИЕ

В середине XX столетия археологический поиск в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России получил мощный толчок в связи с началом строительства крупных гидроэлектростанций. В 1953 г. была создана Дальневосточная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР. На следующий год Амурский отряд этой экспедиции начал работы в Читинской области (современный Забайкальский край). Археология этого региона, особенно его юго-восточной части, была на тот момент почти неизвестна. Целью экспедиции являлся поиск археологических памятников в западной части бассейна Амура, а именно на р. Шилке, определение их культурно-хронологического статуса [1]. Таким образом, академические археологи приступили к заполнению «белого пятна» на археологической карте Сибири. Действительно, археологическая разведка 1954 г. позволила в значительной степени исправить ситуацию. Были открыты десятки новых памятников каменного века, раннего железного века и Средневековья. Однако затем на долгие годы работа археологов в труднодоступном районе на границе Забайкалья и Приамурья была практически прекращена. Из-за ухудшения отношений Советского Союза с Китаем проекты по строительству каскада гидроэлектростанций на пограничных реках были остановлены. Сыграла свою роль и малая экономическая эффективность гидроэлектростанции на р. Шилке. Основные работы археологов переместились в Приамурье и в Приморье.

Если в верхнем течении р. Шилки археологические исследования проводились, то в среднем и нижнем течении реки научным изучением памятников археологического наследия практически не занимались. Изредка археологи из Читы и Новосибирска проводили инвентаризацию уже известных археологических памятников, включая работу по фиксации и анализу наскальных изображений. Вместе с тем уже по результатам разведочных работ отряда А.П. Окладникова в 1954 г. стало очевидно, что этот район является очень важным для изучения древних культур от каменного века до Средневековья в бассейне Амура.

Ситуация изменилась в 2005–2006 гг. Археологический отряд Института археологии и этнографии

СО РАН совместно с коллегами из Краеведческого музея в г. Чите начали выполнение проекта по изучению динамики этнокультурного развития в бассейне р. Шилки в древности и раннем Средневековье. Это было важно и по той причине, что в предшествующие годы на сопредельной территории Амурской области были получены новые материалы по археологии неолита, раннего железного века и раннего Средневековья. Однако на сопредельной территории Юго-Восточного Забайкалья степень изученности археологической ситуации оставалась на уровне 1950-х гг.

Одна из основных задач работ в Забайкалье была сформулирована как необходимость обследования раннесредневековых городищ на р. Шилке, предположительно принадлежащих культуре ранних тунгусо-маньчжур, известных под именем мохэ в средневековых китайских хрониках. Предварительный вывод о связи этих памятников с культурой мохэ был сделан по результатам разведывательных работ 1954 г. Обнаружение на некоторых местонахождениях «керамики амурского типа» позволило А.П. Окладникову сформулировать вывод о том, что в I тыс. н.э. одна из групп амурских мохэ мигрировала, поднявшись вверх по течению р. Шилки. Позже сопоставление материалов долговременных поселений на Шилке и в Приамурье выполнила Е.И. Деревянко. Ею был сделан вывод о том, что городища на р. Шилке могли принадлежать тунгусо-маньчурам (мохэ) [2]. Причем в то время археологическая культура мохэ Приамурья рассматривалась как единое целое.

Затем по характерной лепной керамике на материалах раскопок в Амурской области и, прежде всего, по данным Троицкого могильника на р. Белой (бассейн р. Зеи) в археологической культуре мохэ был выделен троцкий тип памятников (VII–XII вв.). Кроме того, в Западном Приамурье и на сопредельной территории Маньчжурии было открыто немало аналогичных или близких по облику материалов. Это позволило сформулировать гипотезу о миграции групп средневекового населения в Приамурье из Маньчжурии. Возможно, южноманьчжурские племена мохэ (сумо-мохэ) появились в Приамурье в связи с теми событиями, которые привели к созданию государства Бохай. С ними в Приамурье появился комплекс вещей, который не был характерен для автохтонной ми-

хайловской археологической культуры (северной группы шивэй) и найфельдской группы хэйшуй мо-хэ [3, с. 92–104].

Первые работы на Шилке и ее притоке – р. Черной – были осуществлены нами осенью 2006 г. Тогда был проведен мониторинг состояния некоторых городищ, а также сделан инструментальный план одного из наиболее известных памятников – городища на Чудейском утесе [4]. С 2007 г. начались работы в среднем и нижнем течении р. Шилки, которые продолжались без перерыва следующие десять лет. Раскопки первого же жилища на городище у с. Усть-Черная позволили обнаружить керамику троичского типа мохэ-ской культуры Западного Приамурья [5]. Это подтвердило ранее сделанный вывод о наличии на Шилке групп средневекового населения, связанных с западной частью Амурского бассейна и родственными ранним группам тунгусо-маньчжур в Северо-Восточном Китае. В дальнейшем были получены результаты абсолютного датирования, благодаря которым время строительства и функционирования укрепленных городищ на Шилке следует отнести к IX – началу XII в.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СУЩЕСТВОВАНИИ ГОРБИЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Первое сообщение о древних укреплениях («городках») на Шилке было опубликовано в 1915 г. в небольшой заметке в харбинском журнале «Вестник Азии», издававшемся Обществом русских ориенталистов [6]. Читинские краеведы – председатель хозяйственного управления полковник Н.Н. Орлов и горный инженер А.Н. Баньщиков – сообщили «о так называемых городках, разбросанных в районе реки Шилки». Сведения о них были почерпнуты от местного населения. Всего ими были осмотрены шесть таких памятников вниз по течению Шилки от Шилкинского завода до Горбицы. Исследователи сообщили о хорошо известных сегодня горных укрепленных поселениях: у Шилкозавода, Куларском (на горе Витчиха), Чернинском (Усть-Чернинском), Лучанском (Лучуй), а также о нескольких поселениях, которые осмотреть им не удалось, и Горбиченском «городке» у с. Горбица. Было отмечено, что все эти памятники находятся на небольших площадках, расположенных на вершинах гор. Ландшафтная ситуация во всех случаях способствовала дополнительной защите указанных поселений. Фортификационные сооружения по описанию, опубликованному в заметке, в плане имели форму прямоугольника или правильного многоугольника, были окружены земляным валом и параллельно идущим с ним рвом. Отмечена особенность Усть-Чернинского городища: его фортификационная система состояла из двух рвов и вала между ними. Имевшиеся внутри ограждения запа-

дины располагались в определенном порядке, имели подквадратную форму.

Наибольший интерес представляет описание памятника вблизи Горбицы. Именно на этом объекте Н.Н. Орловым и А.Н. Баньщиковым были проведены небольшие раскопные работы. На подходе к памятнику на склоне горы сегодня хорошо видны остатки старых геологических шурфов, которые, вероятно, имеют отношение к тем задачам, которые выполнял А.Н. Баньщиков как горный инженер.

Во всяком случае, на Горбиченском городище были произведены разрез рва и вала, а также траншеей сделан разрез от середины одной западины до середины другой, но никаких находок не было получено, хотя авторы раскопок предполагали обнаружить остатки деревянных конструкций. «Пробитые в трех ямах шурфики обнаружили на глубине от поверхности земли в одну сажень обожженные камни, остатки угля, указывающие на то, что здесь было огневище» [6]. Заметим, что при посещении памятника в 2021 г. явных следов этих земляных работ отмечено не было. Из археологического материала были обнаружены костные остатки (лошадиная бабка, кости птиц и др.), фрагменты бересты и «изъеденного ржавчиной железного ножа», а также фрагменты керамической посуды, в том числе один фрагмент, имеющий в качестве украшения «идущий кругом сосуда гладкий гуртик». Баньщиков и Орлов, проанализировав особенности расположения «городков», наличие фортификационных сооружений, сделали вывод о военном их предназначении.

Заметка завершается информацией о том, что более подробные сведения об этих городищах, их планы будут помещены в одном из близких номеров «Известий Общества изучения забайкальского казачества»: «несомненно, что общество сделает все возможное для того, чтобы вопрос о серьезном изучении “городков” и раскопках их не остался в тени». Тем не менее такой публикации обнаружить в данном издании не удалось. По существу, это памятник был утерян и, как результат, более не посещался археологами.

Но именно сведения краеведов начала XX в. задали направление поисков Горбиченского городища, которое по аналогии с другими упомянутыми в заметке горными укрепленными поселениями должно было быть достаточно крупным и перспективным для изучения. Тем более что сама обширная межгорная долина, открытая к р. Шилке, где располагался один из важнейших пунктов русского освоения региона – пограничный пункт Горбица, очевидно, должна была быть обжита и во время существования Шилкинской системы городищ эпохи раннего Средневековья.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА В РАЙОНЕ С. ГОРБИЦА

Существенным результатом в части полевых изыскательских работ 2021 г. (авторы благодарят В.В. Ахметова за предоставленные материалы) стало обнаружение в окрестностях с. Горбича Сретенского района Забайкальского края двух новых археологических памятников, которые дают важный материал для подтверждения гипотезы о миграции носителей троицкого типа мохэской культуры в западном направлении. Это два поселения – Горбиченское укрепленное городище горного типа и Верхне-Богдойское поселение – комплекс, приуроченный к первой надпойменной террасе. Оба памятника расположены в окрестностях с. Горбича. Горбиченское городище расположено на узкой плоской скальной вершине одной из возвышенностей правого берега Шилки, примерно в 10 км выше устья р. Горбицы.

Обследование городища показало его хорошую сохранность. На его площади отсутствуют видимые следы археологической шурфовки. Это единственное укрепленное поселение из известных на Шилке, столь удачно расположенное в естественным образом защищенном месте, что его создателям не потребовалось сооружать мощную систему фортификации. Валы и рвы имеются, но только на ограниченной части периметра. Это отличает Горбиченское поселение от других городищ, где фортификация имеет замкну-

тую или П-образную линию. Всего зафиксировано три десятка западин от крупных жилищ-полуземлянок. В их расположении видна четкая линейная планировка поселения с, вероятно, общественным пространством в его центральной части.

Верхне-Богдойское поселение в приустьевой части р. Горбицы также имело элементы фортификации, но состояло из деревянных сооружений, наличие или отсутствие которых можно было бы подтвердить только при проведении раскопочных работ. В целом поселение аналогично по планиграфии нескольким подобным памятникам, известным по результатам разведки А.П. Окладникова 1954 г. и нашим изысканиям.

Ранее было экспериментально доказано, что взаимное расположение городищ в пределах видимости позволяет ставить вопрос о том, что для коммуникации между ними могла быть использована система визуальной светодымовой сигнализации. Помимо натуральных экспериментов подтверждением гипотезы стала находка остатков двух специальных костровых сооружений за пределами фортификации Усть-Чернинского городища [7, 8]. С обнаружением в 2021 г. Горбиченского городища предложен перспективный план изучения пунктов предположительного расположения сигнальных пикетов от него вверх по течению Шилки. С учетом рельефа местности, особенностей простираения долины Шилки построена наиболее ве-

Рис 1. Вид на Горбиченское городище.

Fig. 1. View of Gorbichenskoye fortress.

роятная линия таких пикетов, которая, включая уже изученные участки, охватывает пространство в долинах Шилки и ее крупного притока, р. Черная, на общем расстоянии более 50 км. Подобная работа ранее не проводилась в регионе расселения мохэских групп как на российской, так и на китайской территории.

МЕСТО ГОРБИЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА В СИСТЕМЕ ФОРТИФИКАЦИИ ШИЛКИНСКИХ ГОРОДИЩ

Серьезным аргументом в пользу гипотезы о переселении в район Юго-Восточного Забайкалья групп населения из Западного Приамурья является само появление такого типа археологических памятников эпохи Средневековья, как укрепленные поселения (городища). Ни ранее, ни позже в этом регионе такие памятники не были известны. Все аналогии указывают на связь с Приамурьем и Маньчжурией. Прежде всего, это городища археологической культуры мохэ [9, 10, 11; 12, с. 52–67].

На примере укрепленных поселений на р. Шилке были выявлены:

- варианты дислокации, общие и особенные черты в топографии оборонительных систем;
- планиграфические особенности внутреннего пространства поселений с жилыми и хозяйственными постройками, общественными площадками, дренажными системами.

На Шилке выделены два типа памятников с фортификационными сооружениями: горные городища и городища на первой речной террасе (береговые). Первые, как правило, имеют большую площадь и насчитывают несколько десятков котлованов жилищ и хозяйственных построек.

Общей особенностью фортификации большинства известных на сегодняшний день городищ на р. Шилке является их приуроченность к поверхности труднодоступных возвышенностей (60–100 м). Фортификационные сооружения представляют собой систему рвов и валов. Они расположены параллельно друг другу и имеют сочленения в виде прямого угла. На горных городищах в виде замкнутого прямоугольника эта система представлена только на городище Витчиха (на правом берегу Шилки у с. Куларки). Здесь имеется один ров и два вала с двумя проходами. Площадь памятника составляет около 4 тыс. м². Внутри городища отмечено пять параллельных линий котлованов жилищ (всего 43) и еще пять жилищ расположены вне линии фортификации. На поверхности также видны следы дренажной системы. Раскопки не проводились, но в отчете А.П. Окладникова сообщается о найденных при шурфовке фрагментах керамики «амурского типа».

Обычно же фортификация имеет П- или Г-образную форму. Рассмотрим ее на примере двух круп-

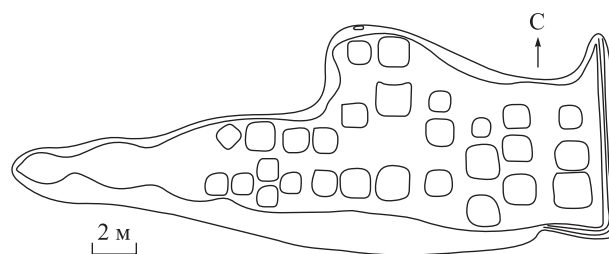

Рис. 2. План Горбиченского городища.

Fig. 2. Plan of Gorbichenskoye fortress.

ных поселений – городище Чудейский Утес и у с. Усть-Черная (у места впадения р. Черной в Шилку).

Городище Чудейский Утес находится на левом берегу р. Черная, в 7 км от ее устья, на высоте около 60 м. Городище относится к горно-мысовым, форма укрепления – Г-образная, с использованием естественной скальной защиты. Площадь составляет более 6 тыс. м². Оборонительная система имеет два рва и три вала. С юго-западной стороны поселение защищено скальным обрывом, с северо-западной – крутым склоном. Имеется один вход с южной стороны. Котлованы жилищ организованы в четыре линии. В непосредственной близости от памятника обнаружены следы высохшего верхового источника воды, который мог использоваться средневековым населением. Раскопки не проводились, однако в материалах шурфовки и подъемных сборах со склона горы имеются венчики керамической посуды троичского типа мохэской культуры.

Усть-Чернинское городище на правом берегу р. Шилки в устье р. Черной – наиболее изученный объект Шилкинской системы городищ. Это самый крупный по размерам памятник (100 котлованов находится на площади более 9 тыс. м²). Стратегически важным является его месторасположение в приустьевой части самого мощного левобережного притока р. Шилки – р. Черной. Городище относится к типу горных и имеет незамкнутую П-образную систему фортификации. Это двойной ров с тремя валами, которые защищают поселение с трех сторон. Южный край поселения приурочен к крутому склону. Вход располагался в средней части западного участка защитного сооружения. Сохранились следы дренажной системы для отвода воды с территории городища.

Ширина защитной системы составляет 7–10 м. Длина северной стены оборонительной системы – 120 м, южной и западной – около 75 м. Средний вал является наиболее высоким. На этом памятнике изучались архитектура и технология возведения защитных сооружений. На гребне среднего вала обнаружены фрагменты конструкции плетня в виде ряда пар-

ных вертикальных стоек из лиственничных жердей. Кроме того, на поверхности внешнего вала в его угловом сегменте выявлена сложная система из жердей-стоек. Вероятно, в этой части сооружения мог располагаться дополнительный вход в городище, от которого сохранились стойки помоста или дополнительного ограждения. Кроме того, найдены элементы деревянной конструкции ограждения-тына, представленные остатками лиственничных и березовых плах, расположенных плотно в одну линию.

Наряду с крупными горными городищами в ходе разведывательных работ были открыты поселения с небольшим числом котлованов жилищ, в том числе поселение Сивачи, расположенное на поверхности высокой (около 60 м) террасы левого берега р. Шилки. На сезонный характер этого поселения указывает не только его небольшая площадь и малое количество неглубоких котлованов жилищ (всего 23), но и незначительная мощность оборонительной системы. Ров один, имеет неглубокий профиль. Городище построено на краю террасы, которая кончается резким обрывом по направлению к реке, соответственно и фортификация имела П-образную форму.

Другой тип укрепленных поселений на р. Шилке приурочен к I надпойменной террасе. Среди них имеются поселения с системой укреплений подобных фортификации горных городищ. На одном из них – на городище Проезжая-1 – проводились раскопки археологическим отрядом Забайкальского педагогического университета. Автор раскопок Е.В. Ковычев не согласен с отнесением этого памятника к мохэской культуре и считает его и другие средневековые городища района принадлежащими культуре шивэй [13, 14, 15]. Однако характер фортификации этого памятника, материалы, полученные в ходе раскопок нескольких жилищ и содержащие керамику мохэской культуры (троицкого и найфельдского типа), позволяют нам включить этот памятник в общий контекст Шилкинской системы средневековых городищ.

Горный тип большинства городищ, их планировка и характер фортификации указывают на охранно-сторожевую функцию поселений. Они могли использоваться и как места временной дислокации населения или его части, и как пункты контроля за местностью. Взаимное расположение описанных городищ в пределах видимости говорит о том, что для коммуникации с соседями могла быть использована система визуальной (дым) сигнализации. Это было проверено нами в ходе проведенных экспериментов, показавших возможность коммуникации между тремя городищами – на Чудейском Утесе, у с. Усть-Черная и Витчиха.

Разведывательные работы на I террасе Шилки и ее притоков позволили обнаружить небольшие посе-

ления без видимых следов фортификации. Среди них отметим поселения Ракинда (три котлована жилищ), Верхне-Богдойское (12 котлованов), Тонтока (восемь), Усть-Желтуга (семь) и др. Эти небольшие поселения, как правило, располагались в скрытых местах, в устьях небольших водных потоков. Раскопок на них не проводилось. Мы предполагаем, что эти небольшие памятники маркируют продвижение мохэских групп из Приамурья во время их миграции в район среднего течения р. Шилки.

Крупные береговые городища могли использоваться в летнее и мирное время, составляя пару для горного городища: например, береговое поселение Ракинда и горное городище Сивачи, береговое городище Проезжая-1 и горные городища Лучуй и Листвянное и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате полевого сезона 2021 г. значительно сократилось «белое пятно» на карте региона, расположенное на предполагаемом пути мохэских мигрантов. С учетом обнаружения одним из авторов статьи в 2020 г. крупного городища на левом берегу Амура в Сковородинском районе Амурской области (20 км выше по течению реки от с. Игнашино) следующим этапом для изучения остается нижнее течение р. Шилки в пределах Могочинского района Забайкальского края, включая приустьевой участок р. Амур. В перспективе необходимо разворачивание поисковых работ по пограничной с Китаем р. Аргунь в ее нижнем течении. Одновременно собираются материалы по синхронным и однокультурным комплексам на китайском правобережье, чему способствует, прежде всего, обмен информацией с китайскими коллегами, так как дефицит опубликованных ими данных по этому району весьма ощутимый.

Широкомасштабные разведывательные исследования и раскопки, проводившиеся более десяти лет в бассейне среднего и нижнего течения р. Шилки в юго-восточной части Забайкальского края, позволили получить новые сведения по этногенетической истории населения региона, который ранее на многие десятилетия выпал из зоны внимания археологов. Впервые для этого региона Забайкалья сформирована источниковая база для изучения процесса культурной адаптации групп мохэ – мигрантов из Западного Приамурья в новом для них регионе, характеризующемся особенностями природно-климатического характера и инокультурным окружением.

Культурная принадлежность мигрантов определяется в первую очередь составом керамической коллекции, где четко выделяется керамика троицкого типа мохэской культуры. Вещественный материал

изученных памятников характеризует процесс культурной и хозяйственной адаптации троических мохэ в новом для них окружении, демонстрирует контакты с местным населением.

Помимо характерного керамического комплекса, новых для региона технологий жилищного (использование полуземлянок на стационарных поселениях) и фортификационного строительства, на восточное направление связей прибывшего населения указывают особенности его хозяйственно-культурного типа. С троических мохэ начинается история земледелия просяного типа в Приамурье, его же они принесли на Шилку. В то же время полученные материалы указывают на смену приоритета в земледелии, когда на первое место, вероятно, выходит выращивание гречихи. Состав домашних животных у населения Шилкинских городищ имеет прямые аналогии в хозяйстве троической группы мохэской культуры в Среднем Приамурье.

Комплекс материалов, полученных в ходе изучения укрепленных поселений в среднем и нижнем течении р. Шилки свидетельствует в пользу гипотезы о том, что на определенном этапе развития мохэской археологической культуры Западного Приамурья, который хронологически относится к концу I – началу II тыс. н.э., началось продвижение части ее носителей в западном от основного ареала направлении. В районах верхнего течения Амура – на Шилке и ее притоках – они вступили в контакт с аборигенным населением (монголоязычными шивэй), которое, очевидно, сопротивлялось экспансии. Это потребовало от мигрантов строительства укрепленных поселений на труднодоступных утесах, возведения сложных фортификационных сооружений, а также применения всего культурно-хозяйственного комплекса в качестве стратегии адаптации. Таким образом, Шилкинская система городищ фиксирует западную границу проникновения тунгусоязычных мохэ в конце I – в первые века II тыс. н.э. В дальнейшем предстоит выяснить судьбу этого населения и его связь с проблемой происхождения тунгусоязычного населения Забайкалья и Восточной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АМГУ, 1999. Вып. 2. С. 4–29.
2. Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита: ЧГПИ, 1972. С. 81–89.
3. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Благовещенск, 2008. 424 с.
4. Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье р. Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 249–254.

5. Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Черная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 168–172.

6. З.Н. Древние «городки» // Вестн. Азии. Харбин, 1915. Кн. III–IV, № 35–36. С. 89–91.

7. Суворова А.А., Вебер Е.И., Кузнецов М.Е., Анохин А. Возможности использования зрительных сигналов населением городищ на реке Шилка // Археология, этнография, антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы докладов III Регион. (VIII Всерос. с междунар. участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвящ. 50-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: НГУ; ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 233–234.

8. Бычков Д.А., Волков П.В. Сигнальные кострища и система визуальной коммуникации городища Усть-Черная (раннее Средневековье, Забайкалье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 125–135.

9. Алкин С.В., Нестеренко В.В. Изучение фортификации Усть-Чернинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. 536 с.

10. Ахметов В.В., Алкин С.В. Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинском городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 205–208.

11. Стоякин М.А. Современное состояние и особенности средневековых городищ в Амурской области России // Когуре Пархэ энгу [Изучение Когуре и Бохая], 2014. Т. 48. С. 107–159 (на кор. яз.).

12. Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Изд-во вост. лит., 2018. 367 с.

13. Ковычев Е.В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. С. 170–177.

14. Ковычев Е.В., Пискарева Я.Е. Керамика городища Проезжая-1 (нижнее течение реки Шилка) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. Вып. 2: Городища и поселения. С. 95–105.

15. Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. С. 78–102.

REFERENCES

1. Okladnikov A.P., Larichev V.E. Archaeological research in the Amur basin in 1954. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 1999, iss. 2, pp. 4–29. (In Russ).
2. Derevyanko E.I. Tribes of the Amur and Transbaikalia. *50 let osvobodzheniya Zabaikal'ya ot belogvardeytssev i inostrannykh interventov*. Chita, 1972, pp. 81–89. (In Russ).
3. Zabiako A.P. (ed.) History of Amur Region since ancient times to the early XX century. Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (In Russ).
4. Alkin S.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K., Nesterenko V.V. The results of field research on the Shilka River left bank. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2006, vol. 12, pt. 1, pp. 249–254. (In Russ).

5. Alkin S.V., Nesterenko V.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K. Research at Ust-Chernaya settlement in the Sretensky District of Chita Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2007, vol. 13, pp. 168–172. (In Russ).

6. Z.N. Ancient "towns". *Vestnik Azii*. Kharbin, 1915, bk. 3/5, no. 35/36, pp. 89–91. (In Russ).

7. Suvorova A.A., Veber E.I., Kuznetsov M.E., Anokhin A. Possibilities of using visual signals by the population of settlements on the Shilka River. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii. Issledovaniya i gipotezy: materialy dok. LII region. (VIII Vseros. s mezhdunar. uchastiem) arkheol.-etnogr. konf. i studentov i molodykh uchennykh, posvyashch. 50-letiyu gumanitar. fak. NGU*. Novosibirsk, 2012, pp. 233–234. (In Russ).

8. Bychkov D.A., Volkov P.V. Signal campfires and the system of visual communication of Ust-Chernaya settlement (Early Middle Ages, Transbaikalia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarsnvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2015, vol. 14, iss. 7, pp. 125–135. (In Russ).

9. Alkin S.V., Nesterenko V.V. Studying the fortification of Ust-Cherninsk settlement in Eastern Transbaikalia. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy*

itogovoy sessii Inst. arkheologii i etnografii SO RAN 2009 g. Novosibirsk, 2009, vol. 15, pp. 200–203. (In Russ).

10. Akhmetov V.V., Alkin S.V. New materials on the study of housing construction in the Shilka system of settlements. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2018, vol. 24, pp. 205–208. (In Russ).

11. Stoyakin M.A. The current state and features of medieval settlements in the Amur region of Russia. *Kogure Parkhe engu (Izuchenie Kogure i Bokhaya)*, 2014, vol. 48, pp. 107–159. (In Korean).

12. Kradin N.N. (ed.) Cities of medieval empires of the Far East. Moscow, IVL, 2018, 367 p. (In Russ).

13. Kovychev E.V. On some significant aspects of studying Shilka settlements. *Sotsiogenez v Severnoy Azii: materialy 3-i Vseros. konf.* Irkutsk, 2009, pp. 170–177. (In Russ).

14. Kovychev E.V., Piskareva Ya.E. Ceramics of Proezzhaya-1 (the lower Shilka River). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*. Vladivostok, 2015, iss. 2, pp. 95–105. (In Russ).

15. Kovychev E.V., Kharinskiy A.V., Kradin N.N. Proezzhaya-1 Shivei hill fort on the Shilka River bank. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2018, pp. 78–102. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 01.02.2022

Дата рецензирования 28.02.2022

Статья принята к публикации 01.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220104
УДК 904 (571.6)

В.Э. ШАВКУНОВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ДВОЕГРАДИЕ В Г. УССУРИЙСКЕ.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
РФ, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

На территории современного Уссурийска в Средние века существовало два больших укрепленных города. Возле каждого из них в древности был сооружен могильный комплекс, главной достопримечательностью которых являлись каменные монументы в виде черепашек. На их панцирях имелись стелы и навершия, а также иероглифические надписи, посвященные захороненным в комплексах деятелям. Такие памятники устанавливались только близким родственникам правящей династии. От одного из памятников сохранилось навершие с надписью. Как установил В.Е. Ларичев, надпись посвящена вождю приморских чжурчженей Эсыкую. В настоящей статье рассматриваются особенности городищ в Уссурийске, их различия. На основе данных средневековых летописей устанавливаются причины и последовательность возникновения этих городищ. Выяснилось, что: Западно-Уссурийское городище возникло в конце XI в. и предназначалось для контроля над местными племенами. Южно-Уссурийское городище возведено в первой четверти XII в. и было ставкой переселившегося сюда Эсыкуя.

Ключевые слова: Западно-Уссурийское городище, Южно-Уссурийское городище, Красноярское городище, каменная черепаха, навершие с надписью, чжурчжэни, Эсыкуй.

VLADIMIR E. SHAVKUNOV

TWO MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENTS IN USSURIYSK CITY

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East, Far Eastern Branch RAS,
89, St. Pushkinskaya, Vladivostok, 690001, Russian Federation

In the Middle Ages on the site of the modern city of Ussuriysk there were two large walled towns, while another one was not far from the city. The fortification of these two towns had significant differences. South-Ussuriysk walled town had an arbitrary shape depended on the place topography, towers on shafts and semi-circular barbicans outside the gates. West-Ussuriysk walled town was of almost a rectangular shape, without bastions on shafts, and gates looked like holes in the wall. These monuments were located on a plain at a distance less than two kilometers, and named a «double city». There was a cemetery complex with monuments in the form of two turtles near each of them. One of these complexes was dedicated to Eskyui, the leader of coastal Jurchens. The third settlement (Krasnoyarsk) was in the mountains and situated on hills across the river from the city of Ussuriysk. As its shafts stretched from a peak of the hill to the other one, it didn't have the correct geometric form. A few gates in the form of simple holes in the wall were set in shafts of the fort hill, and there were earthen walled areas inside - inner cities.

The article objective is to identify the causes and determine the time of creating three very different (in terms of fortification design) walled towns on the comparatively indiscrete territory. The study revealed that West Ussuriysk walled town was established first. It took place in the late XI century. It was constructed as a stronghold of the Vanyen clan supporters in the fight against local tribes who wanted to remain independent. South Ussuriysk walled town was founded during the initial period of the Chin's empire formation (possibly in 1118) and was a headquarter for Jurchens, who migrated from Elan headed by their leader Eskyui. Krasnoyarsk fort hill is referred to the Jurchen's culture final period. It was founded in the early XIII century after forming Eastern Xia Jurchen state and was intended to provide better protection to local population from possible (and actual) attacks of Mongol forces.

Key words: West-Ussuriysk fortress, South Ussuriysk fortress, Krasnoyarsk fortress, stone turtle, pommel with inscription, Jurchen, Eskyui.

Владимир Эрнстович Шавкунов – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: vshavkunov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>

Vladimir E. Shavkunov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS, e-mail: vshavkunov@yandex.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Составители одного из первых значимых сводов по археологическим памятникам Приморского края отмечали, что окрестности г. Никольск-Уссурийского (теперь Уссурийск) «особенно богаты остатками старины» [1, с. 16]. Среди этих «остатков» выделяются (и не в последнюю очередь своими размерами) три городища. При этом они по формам и конструктив-

ным элементам фортификации, ландшафту заметно различаются между собой. Одно из них (Красноярское) является горным и находится на правом берегу р. Раздольной напротив Уссурийска. Это городище привязано к рельефу и потому не имеет правильной геометрической формы. Внутри него обнаружены обвалованные участки – так называемые внутренние города. Общая площадь городища 180 га. На его территорию ведут несколько ворот, устроенных в виде простого разрыва в валу.

Два других городища равнинные. Располагались они на левом берегу реки, в черте города. Их часто называют «двоеградие», вероятно, потому, что они находятся недалеко друг от друга – расстояние между ними меньше 2 км (рис. 1). Южно-Уссурийское городище частично привязано к береговому рельефу поймы р. Раздольной и потому не имеет правильной геометрической формы. Юго-западная и юго-восточная секции вала слегка выгнуты в соответствии с формой края надпойменной террасы и сильно разнятся в размерах. Северо-восточная и северо-западная секции почти прямые и сходятся под

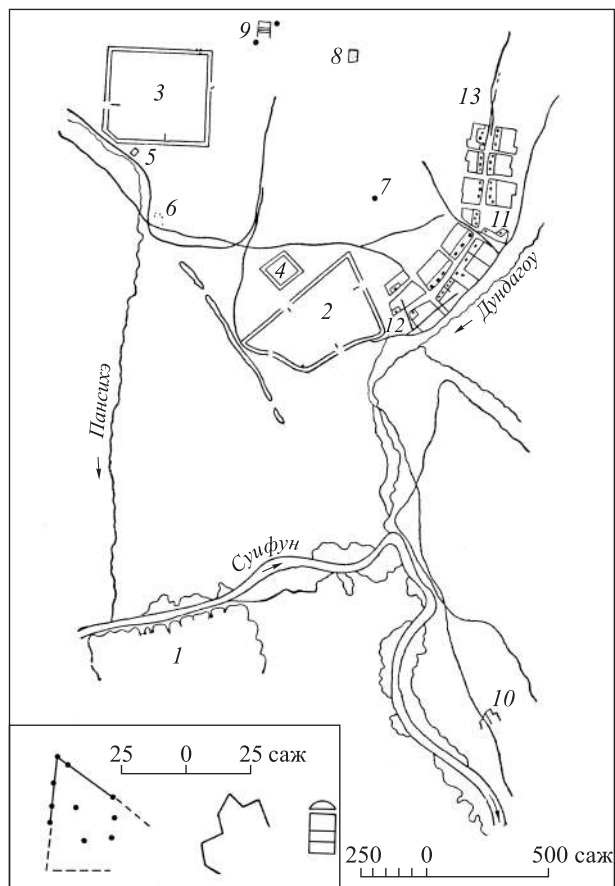

Рис. 1. План двоеградия, составленный в 1870 г. Гавриилом Нахвальных.

1 – гора, подножие которой опоясано валом; 2 – Фурдань; 3 – вал, возведенный вокруг древнего стана; 4 – вынесенное вперед укрепление; 5 – крепостца; 6, 7, 8 – кладбище; 9 – место, где, возможно, находилась кумирня; 10 – остатки сторожевого поста; 11 – селение Никольское; 12 – по некоторым признакам здесь находилось предместье древнего города; 13 – часть древней дороги.

По В.Е. Ларичеву [7].

Fig. 1. The plan of the double stage, drawn up in 1870 by Gavriil Nakhvalnykh.

1 – a mountain, the foot of which is surrounded by a rampart; 2 – Furdan; 3 – a rampart erected around an ancient camp; 4 – a fortification brought forward; 5 – a fortress; 6, 7, 8 – a cemetery; 9 – a place where, perhaps, there was an idol; 10 – the remains of a guard post; 11 – the village of Nikolskoye; 12 – according to some signs, there was a suburb of an ancient city; 13 – part of an ancient road.

According to V.E. Larichev [7].

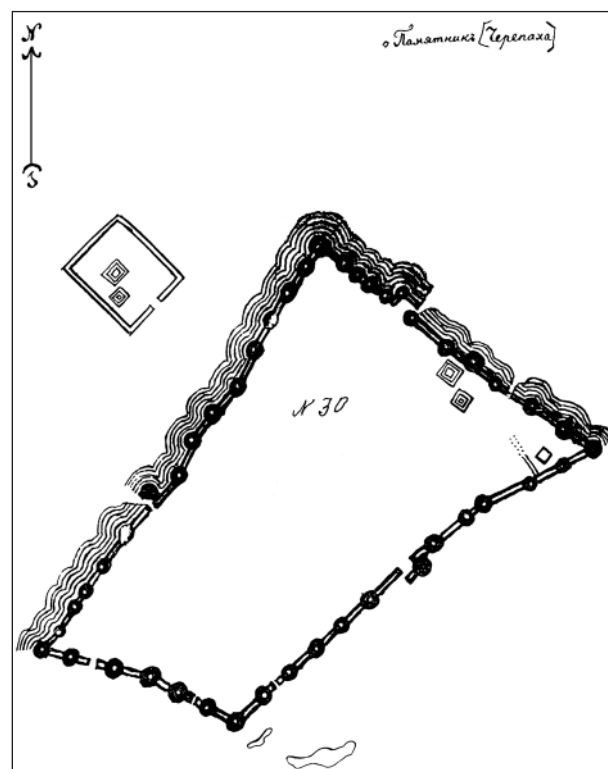

Рис. 2. План Южно-Уссурийского городища. Снят капитаном Флоринским в 1868 г.

По Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткину [1].

Fig. 2. The plan of the South-Ussuriysk fortress. It was drawn by Captain Florinsky in 1868.

According to F.F. Busse and L.A. Kropotkin [1].

прямым углом. На валах этого городища имеются 43 башни, а ворота снаружи защищены полукруглыми барбаканами (рис. 2). Площадь его, по данным преподавателя Никольск-Уссурийской женской гимназии А.З. Федорова, составляла 62 дес. [2, с. 269], т.е. около 68 га. Западно-Уссурийское городище имело трапециевидную, близкую к квадратной форму, а стены его располагались почти точно по сторонам света. В южной и восточной секциях вала находились ворота, которые имели вид простого разрыва. У этого городища на валах отсутствовали башни (рис. 3). Зато с северной, восточной и южной сторон оно дополнительно было защищено глубоким рвом. Площадь его А.З. Федоров определил в 56 дес. [Там же, с. 270], или около 61 га.

ДАТИРОВКА ГОРОДИЩ ВОЗЛЕ УССУРИЙСКА

Такое близкое соседство двух крупных городищ – явление крайне редкое в дальневосточном средневековом градостроительстве, тем более что расположены они в единых физико-географических условиях. Наиболее логичное объяснение этому соседству – возможно, их одновременность функционирования и, соответственно, принадлежность носителям разных культур. Данному выводу способствует

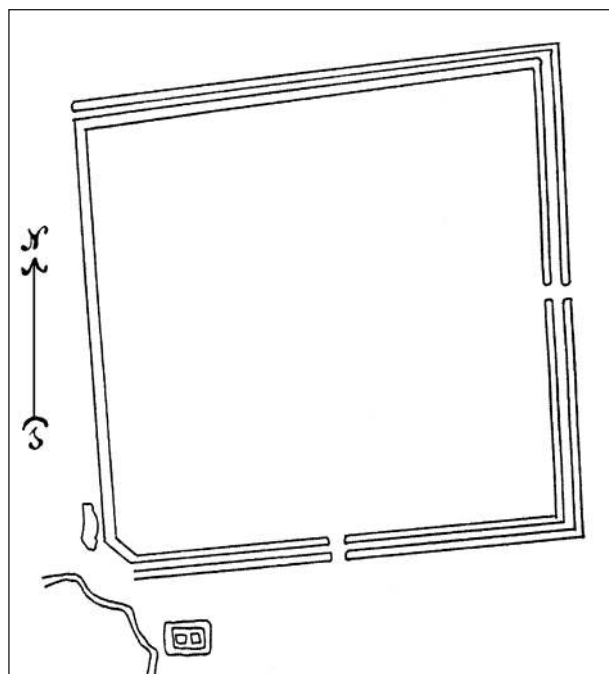

Рис. 3. План Западно-Уссурийского городища. Снят капитаном Флоринским в 1868 г.

По Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткину [1].

Fig. 3. The plan of the West-Ussuriysk fortress. It was drawn by Captain Florinsky in 1868.

According to F.F. Busse and L.A. Kropotkin [1].

и то обстоятельство, что форма городищ и их фортификационные конструктивные особенности заметно различаются. Скорее всего, именно эти различия дали основания корифею отечественного востоковедения – архимандриту Палладию Кафарову отнести Южно-Уссурийское городище, которое он называл Фурдан-чэн, к государству Бохай; Западно-Уссурийское он назвал «чжуржитским станом», а расположенное на сопках Красноярское «отдал» Корею [1, с. 18]. Сам отец Палладий археологические раскопки не проводил. Но он прекрасно знал древнюю историю края по летописям, а в путешествии по Китаю, скорее всего, видел когурские горные крепости. Все это могло подтолкнуть его к мнению о постройке Красноярского городища корейцами. Западно-Уссурийское городище во время проживания в Никольск-Уссурийске о. Палладия активно осваивалось военными, которые полностью уничтожили памятник, а в процессе земляных работ находили большое количество монет последнего северосунского императора. Это являлось прямым указанием на принадлежность городища чжурчжэням. Поэтому отец Палладий считал, что Южно-Уссурийское городище, отличавшееся от двух других, должно было принадлежать третьему народу, в данном случае ими могли быть только бохайцы. Авторитет Палладия Кафарова был настолько велик, что даже А.П. Окладников, имеющийся на этом памятнике нижний, «более бедный» культурный слой отнес к бохайскому времени [2, с. 269–270].

Между тем масштабные раскопки последних лет на Южно-Уссурийском городище, проводившиеся в центральной его части, не выявили бохайский слой. А вот к чжурчжэньскому времени отнесены два строительных горизонта. В нижнем найдены жилища с канами, а в верхнем – здание дворцового типа [3, с. 104]. Отсутствие в центральной части городища бохайского слоя может свидетельствовать о том, что валы должны были защищать не бохайское поселение, т.е. их возводили в чжурчжэньское время. Это подтверждается и структурой вала, в основании которого лежали «нетолстые бревна, положенные поперек с определенными интервалами». Затем шли слои черной земли и желтой глины [2, с. 268]. Иными словами, валы Южно-Уссурийского городища были возведены при помощи характерной для чжурчжэней техники ханьту. На определенном этапе своего существования валы были увеличены. Возможно, именно с этой реконструкцией связано появление на городище верхнего культурного горизонта. На чжурчжэньское происхождение памятника указывает и наличие на валах большого числа земляных башен, что на бохайских городищах не фиксируется [4, с. 68]. Как итог, следует признать ошибочность мнения Палладия Кафарова о принадлежности Южно-Уссурийско-

го городища бохайцам. Кроме того, не подтвердилось еще одно его предположение – о постройке Красновского городища корейцами. Раскопки этого памятника выявили слои, содержащие материал, характерный в первую очередь для культуры чжурчжэней. То же самое фиксировалось и на других подобных горных укреплениях Приморского края. Таким образом, все три крупных городища, находящиеся в черте современного г. Уссурийска или рядом с ним, относятся к одной культуре – чжурчжэньской.

Как же тогда объяснить столь различные на небольшой территории фортификационные подходы чжурчжэньских строителей к защите своего населения? По всей видимости, имеет место разное, правда, в рамках одной культуры, время сооружения городищ. Можно с большой долей уверенности установить порядок их сооружения. Западно-Уссурийское городище имеет почти идеальную правильную форму, но у него нет башен на валах, а ворота представляют простой разрыв в стене. По этим признакам оно ближе всего к канонам градостроительства государства Бохай [4, с. 68]. Однако вал его насыпан в той же любимой чжурчжэнями технике ханьту [5, рис. 2]. Здесь отмечается смешение бохайских и чжурчжэньских приемов градостроения и, по-видимому, валы городища возводились после гибели в 926 г. государства Бохай, но до образования в 1115 г. Золотой империи чжурчжэней, т.е. скорее всего в XI в. Можно даже предположить более точное время его строительства.

После гибели государства Бохай мирные чжурчжэни, во многом перенявшие бохайскую культуру, продолжали жить в своих городах и поселениях. А немирные (они же – хэйшуй мохэ) вели полукочевой образ жизни. Летом «жили везде, где имелася вода и трава. Зимой жили в землянках» [6, с. 43]. При таком образе жизни им не требовалось возводить укрепленные поселения. Необходимость в них возникла лишь во второй половине XI в. Возможно, их начали строить при вожде Угунае (правил в 1040? – 1074 гг.), который затеял масштабные военные приготовления и заметно усилился [6, с. 44]. А вот при его сыне и приемнике Хэлибо (1074 – 1092 гг.), когда немирные чжурчжэни разделились на два враждебных лагеря и вожди отдельных племен нападали друг на друга, укрепленные города или крепости стали необходимостью.

В письменных источниках при упоминании отдельных вождей чжурчжэней того времени, как правило, говорится о крепостях, в которых они проживали. Однако Западно-Уссурийское городище было довольно большим по площади (61 га) и вряд ли являлось только резиденцией вождя отдельного племени. Кроме того, здесь найдено большое число кровельной черепицы, фигурных украшений кровли и

фасадов зданий, а также скульптурная голова дракона, украшавшая конек черепичной крыши парадного здания (храма или дворца) [2, с. 271]. В Средние века на Дальнем Востоке черепичная крыша могла сооружаться либо на общественных зданиях, либо на домах членов царской семьи. Даже вождю отдельного племени такой крыши не полагалось. Все это приводит к мысли о том, что Западно-Уссурийское городище являлось административным центром достаточно высокого уровня, скорее всего, местности (а позже губернии) Субинь. В пользу этого мнения свидетельствует и наличие рядом с городищем каменного поминального памятника в виде черепахи со стелой на спине. Такие изваяния ставили на могилах выдающихся государственных деятелей. Видимо, этот человек проживал на территории Западно-Уссурийского городища и был похоронен около него. И это не просто вождь племени. Он должен был принадлежать к правящему роду, руководить не только своими родственниками, но и всем различным населением большой территории. Такие лица, направляемые на места центральной властью, стали назначаться лишь при вожде Ингэ (правил 1094–1103 гг.). А подсказал ему эту идею его племянник и будущий основатель Золотой империи Агуда [7, с. 602]. Скорее всего, именно конец XI в. и является временем основания Западно-Уссурийского городища.

Расположенное недалеко от него Южно-Уссурийское городище было еще больше по размерам (68 га). Подобные укрепленные города, имеющие многоугольную или свободную форму, в Приморье связываются с чжурчжэнями [4, с. 69–70]. Имевшиеся башни на валах и барбаканы перед воротами были заимствованы чжурчжэнями у киданей, по всей видимости, во время войны между ними – в начале XII в., и поэтому само городище не могло быть построено раньше указанного времени. Возле него также находилась каменная черепаха, а значит, и в нем проживал видный представитель чжурчжэньской элиты. Из сказанного следует, что два города расположены рядом, оба являлись резиденциями выдающихся деятелей и, по-видимому, оба были административными центрами. При этом черепаха, стоявшая ближе к Западно-Уссурийскому городищу (сейчас находится в Хабаровске), по мнению некоторых исследователей, вырезана из камня в стиле, близком скульптурам киданьского времени. Вторая, находившаяся ближе к Южно-Уссурийскому городищу и оставшаяся в Уссурийске, выполнена в другой манере и отличалась от первой большим изяществом и достоверностью образа. Получается, что возле более раннего городища, возникшего в киданьское время, установлена черепаха, выполненная в стиле киданьских скульптур. Черепаха возле более позднего городища была изготовлена позже.

В Средние века на Дальнем Востоке на спинах таких черепках устанавливались каменные стелы с навершиями. Одно такое навершие сохранилось. Анализируя имеющуюся на нем надпись, В.Е. Ларичев пришел к выводу, что памятник с этим навершием был поставлен потомку Баохולי – храброму Эсыкую, с 1116 г. правившему на юго-востоке Приморья чжурчжэньскими племенами Елани [8, 1974]. Из его биографии известно, что через некоторое время (по некоторым данным – в 1118 г.) он вместе со своим мэнъянем переселился из Елани в Субинь, т.е. на р. Суйфун (Раздольная), где и жил до своей смерти в 1148 г. Мэнъянь в то время состоял из 10 муокэ в 300 дворов каждый [9, с. 76]. Для размещения такого количества людей, а сюда помимо 3 тыс. жилищ, нужно добавить храмы, продовольственные и хозяйственные склады, административные здания, дороги и пространство между объектами, это требовало немало места. По-видимому, одного из уссурийских городищ как раз должно было хватить для размещения мэнъяня. Но вряд ли Эсыкуй, переселившись на Суйфун, занял уже заселенный административный город. Дополнительные 10–15 тыс. чел. там не разместились бы, а выселять из него местных жителей означало бы развязывание междоусобной войны. Несомненно, Эсыкуй со своими людьми должен был построить свою резиденцию, причем в соответствии с последними тенденциями в фортификации, т.е. с башнями на валах и с дополнительной защитой ворот. Такие примеры он видел во многих киданьских городах, в том числе в Средней столице, в захвате которой принимал непосредственное участие. Фортификация Южно-Уссурийского городища полностью соответствует современным для того времени тенденциям военного градостроительства. Следовательно, этот город должен был быть основан не раньше 1118 г., и являться местом дислокации еланьского мэнъяня.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ ЭСЫКУЯ

Как известно, В.Е. Ларичев в результате кропотливого расследования сделал вывод о принадлежности навершия с надписью хабаровской черепахе [10, с. 94] – она стояла около Западно-Уссурийского городища. С его подачи все исследователи связывают хабаровскую черепаху с именем Эсыкуя. Однако данный вывод не кажется столь очевидным. Уссурийская черепаха была впервые описана И.А. Лопатиным, который оставил также рисунки и ее, и лежавших рядом стелы без надписи, и навершия с драконами. Хабаровскую черепаху открыл Палладий Кафаров. В спине черепахи торчала часть стелы с остатками надписи. Никакого навершия рядом с ней Кафаров не отметил. Позже «камень с надписью» был «...найден в дальнем кладбище, близ дальней крепости; на клад-

бище, что на окраине, могила там разрыта...» [10, с. 42].

На основании этой записи в дневнике отца Палладия (сделана со слов крестьян, привезших камень в дом проживания Кафарова, сам он в это время был в Сучанской долине) В.Е. Ларичев делает вывод, что навершие с надписью принадлежит хабаровской черепахе. Однако П. Кафаров почему-то не упомянул, что оно лежало рядом с найденной им черепахой. Видимо, навершие нашли где-то в другом месте. Более того, в одном из своих писем Кафаров прямо указывает, что заголовок надгробного памятника найден около Фурдани [10, с. 55], т.е. возле Южно-Уссурийского городища. И еще: у черепахи Кафарова надпись была на стеле; у уссурийской же черепахи стела не имела надписи, а, значит, письмена у нее должны быть на навершии. Памятник Эсыкую был поставлен не ранее 1193 г. [10, с. 237]. Стела «хабаровской» черепахи еще в древности была разбита, а надпись на ней практически уничтожена. Такое святотатство над памятью похороненного рядом с черепахой не являлось простым хулиганством – оно слишком дорого могло обойтись в землях, где Эсыкуй оставил о себе добрую память.

Причина уничтожения надписи на памятнике кроется в следующем. В официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши» говорится, что в 1156 г. узурпатор трона Вань-янь-лян (Дигунай) «повелел во всех бумагах, казенных и частных, замазать значащиеся степени княжеские и уничтожить все памятники с надписями на могилах умерших» [11, с. 138]. Но если хабаровская черепаха была осквернена в 1156 г., а памятник Эсыкую не мог быть поставлен ранее 1193 г., то ясно, что черепаха возле Западно-Уссурийского городища не была посвящена Эсыкую. Ведь каждая черепаха должна была иметь на спине стелу с навершием и обязательно надпись в честь захороненного рядом с ней государственного деятеля. На сохранившейся части стелы хабаровской черепахи видны остатки надписи. Поэтому на ее навершии иероглифы не были нужны. Стела уссурийской черепахи надписи не содержит – значит, она должна была быть выбита на навершии. Кроме того, И.А. Лопатин зафиксировал навершие у уссурийской черепахи и даже зарисовал его. Позже оно куда-то исчезло, зато через некоторое время очень похожее навершие «появилось» у хабаровской черепахи, у которой оно должно было быть уничтожено по приказу Вань-янь-ляна от 1156 г. Таким образом набирается слишком много фактов в пользу принадлежности имеющегося навершия с надписью уссурийской черепахе.

Все сказанное выше свидетельствует в пользу того, что Эсыкуй был похоронен возле Южно-Уссурийского городища, а само оно являлось его резиденцией и местом проживания еланьского мэнъяня. Это

прекрасно согласуется с выводом о времени и причине его возникновения. А вот хозяином хабаровской черепахи должен был быть близкий родственник первого императора Золотой империи Агуды, принимавший участие в подчинении населения Субини влиянию племени Ваньянь, а позже, скорее всего, и возглавивший администрацию губернии Сюйпинь. По крайней мере, ему были посмертно возданы почести как принцу или великому князю [10, с. 73]. Биография этого деятеля должна находиться в соответствующем разделе «Цзинь ши». Наиболее вероятными кандидатами на это могли быть дети старшего сына Угуная, они же – двоюродные братья Агуды – Сагай, Васай, Валу или Вадай, каждый из которых в конце XI – начале XII в. сыграл большую роль в усмирении и подчинении власти Ваньянь населения долины р. Суйфун. А вот Эсыкуй не был близким родственником императорам чжурчжэней, что еще раз свидетельствует в пользу другого человека, похороненного рядом с «черепахой Кафарова».

В заключение несколько слов о Красноярской крепости. Горные городища чжурчжэней Приморья достаточно надежно связываются с государством Восточное Ся, которое было провозглашено в 1215 г. ляодунским наместником Пусань Ваньну. Дабы избежать войны с монголами, он откололся от империи Цзинь, объявил себя правителем, а в 1217 г. ушел с войсками из Ляодуна в Хэлань и обосновался в нижнем течении р. Туманган [12, с. 68], где проживали его родственники. Справедливо предполагая, что монголы не оставят его в покое и на крайнем востоке, он сделал ставку на размещение своих воинов с семьями в горных крепостях, из-за рельефа более труднодоступных, чем равнинные. У нас нет доказательств того, что горные городища чжурчжэней в Приморье начали возникать лишь в 1217 г. Скорее всего, они появляются несколько раньше, но после переселения Пусань Ваньну на восток такие поселения стали основным видом укрепленных городов в Приморье. Не исключено, что Красноярское городище была обустроено главным образом для того, чтобы предоставить более надежное убежище жителям близлежащих равнинных поселений, в том числе и из «двоеградия». Об этом, кстати, может свидетельствовать находка на Красноярском городище бронзовой печати еланьского мэнъяня, выпущенной в 1222 г. [13, с. 111], которую потерял там (или выбросил) переместившийся туда незадолго до взятия противником города глава Южно-Уссурийского городища.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, относительная хронология возникновения указанных трех городищ следующая: За-

падно-Уссурийское (конец XI в.), Южно-Уссурийское (первая четверть XII в.), Красноярское (начало XIII в.). Укажем причины их образования: Западно-Уссурийское – место проживания представителей племени Ваньянь в долине р. Суйфун и необходимость контроля над местными племенами; Южно-Уссурийское – центр дислокации еланьского мэнъяня и его предводителя, а также место проживания наиболее верного центральной власти населения восточных губерний; Красноярское – место проживания верных Пусань Ваньну войск в плодороднейшем районе Восточного Ся и убежище для окрестного населения в военное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // ЗОИАК. Владивосток, 1908. Т. 12. С. 1–66.
2. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1959. 292 с.
3. Артемьева Н.Г. О датировке Южно-Уссурийского городища // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2008. № 2. С. 95–106.
4. Воробьев М.В. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Докл. Геогр. о-ва СССР. 1968. Вып. 5: Этнография. С. 60–73.
5. Артемьева Н.Г. О датировке Западно-Уссурийского городища // Дальневосточные древности: каменный век, палеометалл, средневековье. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. (Тихоокеанская археология; вып. 15). С. 155–161.
6. Малайкин А.Г. Цзинь-ши // Сборник научных работ пржевальцев. Харбин: 1942. С. 41–58.
7. Ларичев В.Е. История чжурчжэней (XI – XII вв.) // Древняя Сибирь: (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964. С. 579–637.
8. Ларичев В.Е. Навершие памятника князю Золотой империи // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. С. 205–225.
9. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
10. Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
11. История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малайкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
12. Мелехов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 62–84.
13. Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. Печать Еланьского мэнъяня // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2000. № 2. С. 109–114.

REFERENCES

1. Busse F.F., Kropotkin L.A. Remains of antiquities in the Amur Region. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya*, 1908, vol. 12, pp. 1–66. (In Russ.)
2. Okladnikov A.P. The distant past of Primorie: (Essays on the ancient and medieval history of the Primorsky Region). Vladivostok, Prim. kn. izd-vo, 1959, 292 p. (In Russ.)
3. Artemyeva N.G. On dating South Ussuriysk fortress. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2008, no. 2, pp. 95–106. (In Russ.)
4. Vorobiev M.V. Jurchen's fortresses as fortifications. *Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR*, 1968, iss. 5, pp. 60–73. (In Russ.)

5. Artemyeva N.G. On dating West-Ussuriysk fortress. *Dalnevostochnye drevnosti: kamennyy vek, paleometall, srednevekov'e*. Vladivostok, 2006, pp. 155–161. (In Russ.)
6. Malyavkin A.G. Jin-shi. *Sbornik nauchnykh rabot przheval'shev*. Kharbin, 1942, pp. 41–58. (In Russ.)
7. Larichev V.E. History of the Jurchens. *Drevnyaya Sibir': (maket I toma "Istorii Sibiri")*. Ulan-Ude, 1964, pp. 579–637. (In Russ.)
8. Larichev V.E. The pommel of the Prince of the Golden Empire monument. *Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir*. Novosibirsk, 1974, iss. 4, pp. 205–225. (In Russ.)
9. Vorob'ev M.V. Jurchens and the Jin State (the X century – 1234). Moscow, Nauka, 1975, 448 p. (In Russ.)
10. Larichev V.E. The secret of the stone turtle. Novosibirsk, West Siber. Bk. Publ., 1966, 254 p. (In Russ.)
11. Larichev V.E. (ed.) History of the Golden Empire. Novosibirsk: Inst. of Archeol. a. Ethnogr. SB RAS Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)
12. Melekhov G.V. Establishing of the power of the Mongol feudal lords in North-East China. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1970, pp. 62–84. (In Russ.)
13. Artemyeva N.G., Ivliev A.L. The Yelan Meng'an seal. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2000, no. 2, pp. 109–114. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.11.2021

Дата рецензирования 08.01.2022

Статья принята к публикации 27.01.2022

DOI: 10.15372/HSS20220105

УДК 902.01 (571.1)

¹Ф.С. ТАТАУРОВ, ²К.О. СОПОВА

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПОСУДА С РУССКОГО НЕКРОПОЛЯ XIX – НАЧАЛА XX в. ЕВГАЩИНО IV В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

¹Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
РФ, 646670, Омская область, р.п. Большеречье, ул. Советов, 29²Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
РФ, 644024, г. Омск, пр. К. Маркса, 15/1

В настоящей статье рассматривается роль глиняной посуды в погребальном обряде славянского населения Западной Сибири XIX – начала XX в. В 2020 г. в Омском Прииртышье изучался некрополь Евгашино IV, в могилах которого обнаружена коллекция погребальной посуды. Она включает 14 целых сосудов и их фрагменты. На основе анализа морфологических характеристик выявлены как традиционные виды посуды – миски, горшки, кринки, так и переходные формы. Практика помещения сосудов в могилы известна с древности и в целом соответствует языческому обряду тризны. По имеющимся западносибирским материалам можно заключить, что керамические сосуды использовались также для окуривания тела умершего, гроба и могилы. Проведенное исследование позволяет проследить культурные различия между русскими старожилами, поселившимися в регионе в XVII–XVIII вв., и переселенцами XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XIX – начало XX в., археология русских, погребальный обряд, погребальная посуда.

¹P.S. TATAUROV, ²K.O. SOPOVA

FUNERARY POTTERY FROM THE RUSSIAN YEVGASHCHINO-IV NECROPOLIS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN THE OMSK IRTYSH REGION

¹ Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”,
29, Sovetov str., Bolsherechye, Omsk region, 646670, Russian Federation² Institute of archaeology and ethnography SB RAS,
Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology,
15/1, K. Marx ave., Omsk, 644024, Russian Federation

Studying the funeral rite of the Russian population of West Siberia has been carried out for many years. Despite the vast array of publications on this topic, periodically, there is a need for new research as the material accumulates. The article objective is to analyze the funerary pottery collection from the Evgashchino-IV necropolis of the XIX – early XX centuries in Omsk Irtysch Region. The collection includes 14 archaeologically intact vessels and a number of individual fragments. The analysis took into account the following parameters: the vessel type, morphological and technological features (corolla shape, vessel production techniques, firing, presence of additional surface treatment). Dimensional characteristics are: corolla diameter, bottom diameter, vessel neck and body maximum diameter, total height, neck height, wall thickness. The authors analyze the origins of the ritual of placing burial utensils in the grave and peculiarities of its existence in different territories based on comparative-historical and analogical methods. The study reveals that the ritual of placing vessels in graves has been known since ancient times, and generally corresponds to

Работа выполнена в рамках задания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Филипп Сергеевич Татауров – канд. ист. наук, заведующий отделом культурного наследия Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская», e-mail: fil_opossum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>.

Кристина Олеговна Сопова – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения e-mail: sopovaukropova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>.

Philipp S. Tataurov – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Cultural Heritage, Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”.

Kristina O. Sopova – Engineer-Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology.

the pagan rite of feasts. In West Siberia, traces of this rite are recorded in the necropolis materials of the XIX – early XX centuries. This is due to the fact that the Russians who came to Siberia in the XVII–XVIII centuries from the northern regions of Central Russia did not practice such a detail of the rite, in contrast to the settlers of the XIX century from the central regions of Russia, Belarus, and Ukraine.

According to the available West Siberian materials, the authors conclude that ceramic vessels were used for fumigating the deceased body, coffin and grave. The existence of the described tradition in the region in the funeral rite illustrates the cultural changes associated with the migration waves of the XIX – early XX centuries during settlement of West Siberia.

Key words: West Siberia, XIX – early XX centuries, Russian archeology, funeral rite, funeral pottery.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение русского погребального обряда по археологическим материалам проводится во всех регионах России и даже за ее пределами. Западная Сибирь не стала исключением, к настоящему времени здесь изучен ряд как городских (Тара, Кузнецкий острог, Томск, Тобольск и др.), так и сельских некрополей (памятники Ананьино-I и Изюк-I в Омском Прииртышье, кладбище с. Ильинского под Кузнецком, Горноправдинский погребальный комплекс в Нижнем Прииртышье и др.). Этой проблеме посвящен ряд работ (напр., [1, 2, 3, 4, 5, 6]), в которых реконструируется планиграфия кладбищ, прослежена эволюция обрядовых практик в ретроспективе, воссоздана схема этапов погребального обряда. По мере изучения русских погребальных комплексов появляются новые материалы, требующие внимания исследователей.

Цель работы – описать и проанализировать коллекцию погребальной посуды, полученную в ходе изучения некрополя Евгачино IV в Омском Прииртышье. Памятник представляет собой заброшенную часть кладбища ныне не существующей д. Красный Яр в Большереченском районе Омской области. Эта деревня была основана в 1776 г. посаженными на землю служилыми людьми. На момент переписи населения 1926 г. в ней проживало 393 чел. обоего пола: 189 мужчин и 204 женщины, в основном русские [7, с. 8].

Кладбище расположено на краю высокого мыса, образованного коренной террасой западного берега р. Иртыш, вытянуто по линии юго-запад – северо-восток на 30 м. Ширина (северо-запад – юго-восток) – 15 м. Высота террасы р. Иртыш в месте нахождения памятника составляет 10 м. С севера и востока погост ограничен краем мыса и обрывом берега реки; с запада и юга – рвом, шириной до 3 м, глубиной до 0,7 м, который был принят за границу памятника, получившего наименование Евгачино IV. При съемке инструментального плана зафиксировано 22 могильных холма подовальной формы, ориентированных чаще запад–восток. По свидетельствам местных жителей, на протяжении многих лет происходит постепенное обрушение могил в реку, по урезу воды фиксируются многочисленные человеческие кости.

В 2020 г. на памятнике на площади 34 м² были проведены аварийно-спасательные раскопки. В про-

цессе исследований изучено 34 погребения (11 взрослых, 23 детских), расположенных в ряд по краю обрыва реки с юго-запада на северо-восток. Обнаруженный в могилах предметный комплекс можно разделить на три группы: погребальная посуда, нательные кресты и элементы костюма (одежда, пуговицы).

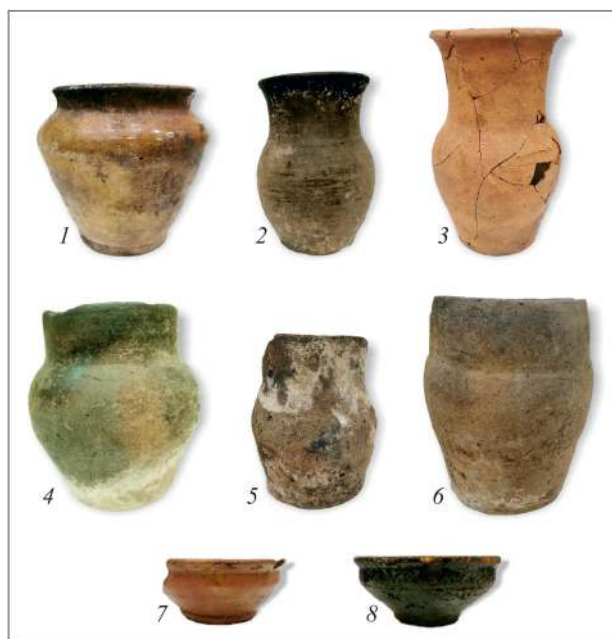
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ

Погребальная посуда обнаружена в 15 из 34 погребений – в 5 взрослых (из 11 всего, 45,5 %) и 10 детских (из 23 всего, 43,5 %). Сосуды в 10 случаях поставлены с правой стороны, рядом с гробом в головах, в трех случаях – целая форма или фрагмент помещены с правой стороны в ногах, в двух эпизодах из-за высокой плотности могил установить расположение керамики невозможно.

Всего обнаружено 14 археологически целых сосудов. Из них 1 горшок (во взрослом погребении), 2 миски (в одном взрослом и одном детском погребении), 4 кринки (все в детских погребениях) и 7 сосудов переходной формы от горшка к кринке (3 – в детских и 4 – во взрослых погребениях) (см. рисунок). Все целые сосуды поставлены на дно, в четырех случаях внутри обнаружены мелкие угли, в одном – щепа. Стоит отметить, что половина из них была бытовой посудой, которую до помещения в могилу использовали по прямому назначению – это фиксируется по следам нагара, на глазированных сосудах видны многочисленные потертости, царапины.

Полученная коллекция керамики проанализирована по единой методике [8, с. 2398]. Учитывались следующие параметры: тип сосуда, морфологические и технологические признаки (форма венчика, способы производства сосуда, обжига, наличие дополнительной обработки поверхности). Изучались размерные характеристики: диаметр по венчику, диаметр дна, максимальный диаметр шейки и тулова сосуда, общая высота, высота шейки, толщина стенок.

Для понимания функционального назначения найденной керамики – бытовая или специальная погребальная – проведен сравнительный анализ материалов из Евгачино IV с предметами из раскопок русских памятников Тарского Прииртышья (сельский комплекс Ананьино I и Тарская крепость). Проанализировано 33 археологически целых горшка, 10 мисок. Кринки – поздний тип посуды, появившейся в

Погребальная керамика Евгашчино IV.

1 – горшок; 2,3 – кринки; 4,5,6 – сосуды переходной формы от горшка к кринке; 7,8 – миски.

Funeral pottery of Yevgashchino-IV.

1 – pot; 2,3 – pottery milk jar; 4,5,6 – vessels of a transitional form from a pot to a milk jar; 7,8 – bowls

XIX в., в ранних археологических материалах не представлены.

Для сопоставления привлечены этнографические коллекции из фондов Тобольского историко-архитектурного музея заповедника, Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» и Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Проанализировано 49 горшков, 26 кринок, и 12 мисок.

Для горшка (рисунок, 1) характерны следующие размеры: диаметр по венчику – 14 см, диаметр дна 10,5, диаметр основания шейки – 13,5, диаметр тулова 17,5 см. Общая высота 16,5 см, высота шейки – от 2,5 см. Толщина стенок – 0,6 см. Технологический анализ показал, что днище сосуда сконструировано способом ручной лепки, а тело вытянуто на ножном гончарном круге, что соответствует шестому этапу развития функций гончарного круга [9, с. 55]. Это видно по концентрическим кругам с внутренней стороны – характерному признаку вытягивания на круге. Снаружи верхняя часть сосуда покрыта глазурью коричневого цвета, он обожжен в окислительной среде. Морфология венчика сосуда вписывается в классификацию В. Ю. Коваля и соотносится со вторым типом 21 класса – это горшки с плавно изогнутым на-

ружу венчиком с закругленным краем [10, с. 105]. По своим технологическим и размерным характеристикам он относится к категории бытовых горшков средних размеров (первой подгруппы) [8, с. 2339–2340]. Судя по нагару на внутренней поверхности, до помещения в могилу горшок использовался в бытовых нуждах. Высокое качество производства позволяет отнести этот сосуд к произведенным в одном из локальных ремесленных центров региона (например, в г. Таре, находящемся в 70 км к северу от памятника). Более ранние сосуды подобного типа (XVII–XVIII вв.) изготавливались методом скульптурной лепки с заглаживанием на ручном гончарном круге (что соответствует первому–третьему этапам развития функции круга). На археологических сосудах из поселения Ананьино I четко видны следы от соединения лент, в большинстве случаев без дополнительной обработки поверхности. В то же время среди этнографической коллекции горшков XIX – начала XX в. мы находим аналогии горшку из могильника Евгашчино IV – они выполнены методом вытягивания на ножном гончарном круге с окислительным способом обжига, и нередко их поверхность покрыта глазурью.

Кринки (рисунок, 2,3), найденные в погребениях, имеют размеры: диаметр по венчику – от 11 до 12,8 см, диаметр дна – от 8,5 до 12 см, диаметр основания шейки – от 9,6 до 11 см, диаметр тулова – от 13 до 14,7 см. Общая высота варьируется от 17,5 до 23 см, высота шейки – от 5 до 9 см. Толщина стенок – 0,4–0,9 см. По технологии изготовления выделяются лепные с восстановительным обжигом с темно-коричневым/черным цветом поверхности (3 экз.) и с использованием гончарного круга с окислительным обжигом и светло-охристым цветом поверхности. Первые сформированы методом скульптурной лепки с последующим профилированием сосуда на круге, что соответствует четвертому–пятому этапам развития функций гончарного круга [9, с. 52–53]. Сосуд окислительного обжига вытянут из куска глины на ножном гончарном круге, что соответствует шестому–седьмому этапам развития функций гончарного круга [9, с. 55–56]. Морфология венчиков кринок соотносится с первым типом 16 класса по классификации В.Ю. Коваля: вертикальная шейка и резкий перелом профиля при переходе в отогнутое наружу устье с закругленным краем [10, с. 105]. Такая кринка могла быть изготовлена в г. Таре.

Сравнительный анализ погребальных кринок из Евгашчино IV с сосудами из этнографических коллекций показал, что по размерным и морфологическим характеристикам погребальная керамика соотносится с категорией бытовых кринок среднего размера. Среди археологической керамики XVII–XVIII вв. таких сосудов не встречено. Наличие на памятнике Евга-

щино IV указанных изделий в погребениях является хронологическим маркером, так как именно с XIX в. ассортимент типов посуды значительно расширяется. Наряду с разноразмерными горшками, корчагами, мисками, кувшинами, кубышками в массовом производстве появляются редкие или неизвестные ранее формы, в том числе кринки [11, с. 323].

Размерные характеристики двух мисок (рисунок, 7,8), найденных в погребениях, следующие: диаметр по венчику – 15 и 15,6 см, диаметр дна – 8,5 и 7,5 см, диаметр основания шейки – 14,5 и 13,5 см, диаметр тулова – 15 и 14,5 см. Общая высота – 6,5 и 7 см, высота шейки – 2 см для обеих мисок. Толщина стенок – 0,6 и 0,9 см. Обе миски окислительного обжига, каждая вытянута на гончарном круге из одного куска глины, донная часть сформирована методом скульптурной лепки, что соответствует шестому этапу развития функций гончарного круга [9, с. 55], с отогнутым наружу округлым венчиком. Одна миска покрыта глазурью коричневого цвета, другая – темно-зеленого и украшена прочерченными косыми линиями под венчиком. Обе миски высокого качества, что позволяет заключить, что они были изготовлены в одном из ремесленных центров региона.

Миски подобной формы из коллекций поселенческих памятников имеют схожие размерные и морфологические характеристики с мисками из погребений, но встречаются и более крупные сосуды. Диаметр мисок варьируется от 14 до 21 см, диаметр дна – 7–9,5 см, высота – 4,5–9,5 см, высота шейки – 1–2 см, толщина стенок 0,6–1 см. Для мисок из поселенческих комплексов характерны разнообразные варианты оформления края сосуда – встречаются загнутые внутрь, наружу и вертикальные венчики. Чаще всего они сформованы методом скульптурной лепки, с восстановительным способом обжига. В качестве дополнительной обработки для мисок использовалась заглаживание поверхности и лощение.

Коллекция мисок находит больше сходства с вышеописанными погребальными аналогичными предметами как в размерных величинах, так и в морфологических и технологических характеристиках. Миски из этнографических коллекций выполнены методом вытягивания из цельного куска глины на ножном гончарном круге (РФК-7), покрыты глазурью коричневого цвета, их венчики отогнуты наружу, как и у погребальных мисок.

Наибольший интерес из погребальной керамики могильника Евгашино IV представляют 7 сосудов, которые мы условно относим к переходной форме от горшка к кринке (рисунок, 4,5,6). Для них характерна высокая шейка, обычно свойственная кринкам, но при этом у них большой диаметр основания шейки – типичный для горшковидных форм.

Анализ сосудов переходной формы выявил следующие размеры: диаметр по венчику – от 10,5 до 13,5 см, диаметр дна – от 9 до 13 см, диаметр основания шейки – от 10 до 14,8 см, диаметр тулова – от 12 до 19,5 см. Общая высота варьируется от 17 до 19 см, высота шейки – от 3,5 до 5 см, толщина стенок – 0,6–1 см.

Эти сосуды отличаются большим морфологическим разнообразием в оформлении края венчика: отогнутый наружу, прямоугольной формы (второй тип класса 22 [10, с. 56]); вертикальный, с округлым краем (второй тип класса 1 [10, с. 100]).

Сосуды переходной формы обожжены в восстановительной среде (цвет поверхности варьируется от коричневого до темно-коричневого). Для них характерно низкое качество производства: неравномерная толщина стенок, бугристая поверхность, неровный край венчика. Сформованы они методом скульптурной лепки, четко читаются следы стыков лент на стенках. Поверхность некоторых изделий заглажена хаотично.

Внутри сосудов этого типа обнаружены мелкие фрагменты угля, что может свидетельствовать об их специальном использовании в погребальной обрядности [12, с. 506–508; 13, с. 92], внутри других типов посуды углей не обнаружено.

На русских поселенческих памятниках Нового времени в Омском Прииртышье (Ананьино I и Тарская крепость), а также в этнографических коллекциях, собранных на территории Прииртышья, аналогичных сосудов переходной формы от горшка к кринке не обнаружено, возможно, потому, что такой тип сосудов не является бытовым.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Традиция, связанная с опусканием в могилу глиняной посуды, известна еще с времен Древней Руси. Исследователи отмечают, что это часть древнейшего обряда, когда в курганы дохристианского периода помещали глиняные горшки с остатками трупосожжения или тризны [14, с. 155]. После принятия христианства традиция сохранилась, причем отдельные периоды ее бытования отмечены рядом особенностей. Так, в захоронениях XI–XIII вв. чаще всего присутствуют не целые сосуды, а их фрагменты. Можно предположить, что в некоторых случаях мы имеем дело со следами обряда «битья посуды» [14, с. 155]. В XIV–XVII вв. целые формы в погребениях встречаются чаще, причем в ряде случаев нахождение в могилах сосудов однозначно связано с обрядом тризны, так как возле горшков зафиксированы остатки пищи – рыбы кости и чешуя, яичная скорлупа [14, с. 156].

Отмечается факт зависимости качества и стоимости посуды от статуса погребенного, в частности, в захоронениях епископов на церковных некрополях XVI в. встречены сосуды из западноевропейского стекла [14, с. 157]. Интересна предметная коллекция, собранная в погребениях XIX в. Тихвинского некрополя Царевококшайска (Йошкар-Ола). Она включает стеклянную, фарфоровую и фаянсовую посуду, которая использовалась в качестве емкости для елѣя. Типология этих предметов достаточно обширна, представлена как специализированная ритуальная, так и столовая посуда [15, с. 279–290]. Стеклянные сосуды для елѣя были также обнаружены в ходе раскопок Нагорного кладбища XIX–XX вв. в г. Барнауле [16, с. 145].

Т.Д. Панова на основании немногочисленных письменных источников трактует традицию помещения сосудов в могилу следующим образом: погребальная посуда применялась в ритуале отпевания покойника в церкви, тело после отпевания крестообразно поливали (или обрызгивали) елеем, а остатки жидкости помещали в гроб в небольшом сосуде. Причем рекомендовалось ставить сосуд в ножной части гроба [14, с. 158]. В современном погребальном обряде, имеющем локальное распространение в ряде деревень Нижегородской области, в могилу помещали сосуд, который использовался для омывания покойного [17, с. 238–239]. В Западной Сибири такого рода практика имела свою специфику. Так, по археологическим и этнографическим материалам XIX в., собранным в Верхнем Приобье, известно, что посуду с углями использовали при окурировании умершего, его жилища и гроба до совершения похорон. Затем гроб несли до кладбища, где окуривали могилу, в которую сосуд опускали вместе с гробом, ставя в ногах или головах покойного [12, с. 506–508; 16, с. 92]. В некоторых вариантах обряда сосуд с углями переворачивали сверху на крышку гроба, разбивали или повреждали [16, с. 148].

Как вариант интерпретации А.А. Воробьев приводит трактовку Б.А. Рыбакова, который по этнографическим данным определял наличие сосуда с углями в погребении как устойчивый символ жилища, домашнего очага, переносимого на новое место [12, с. 507].

Этнографические материалы, собранные в близлежащих к изучаемому некрополю населенных пунктах, свидетельствуют, что горшки с углями в могилу опускались для того, чтобы «греть покойника»; эта традиция сохранялась до недавнего времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция помещать в погребения разнообразную посуду известна на Руси с ранних периодов ее

существования, но при этом была распространена не повсеместно. Изначально она восходит к языческим обрядам (в частности, тризне), сохранившимся и после прихода в страну христианства. В Западной Сибири наличие этого обряда четко фиксируется только по материалам некрополей XIX – начала XX вв., на более ранних памятниках его следы не обнаружены. Как представляется, это связано с тем, что русские, пришедшие в XVII–XVIII вв. в Сибирь в основном из северорусских регионов, такой элемент в обряде не практиковали, в отличие от переселенцев XIX в. из центральных областей России, Белоруссии, Украины.

Сосуды переходной формы были местного производства, в то время как горшок, кринки и миски, судя по высокому качеству их исполнения, сделаны в одном из ремесленных центров региона и позднее были приобретены жителями д. Красный Яр (к которой относится изучаемый некрополь) на ярмарке. Низкое качество большинства сосудов переходной формы, а также отсутствие следов их использования в быту, присутствие в некоторых из них углей, позволяет предположить, что на изучаемом некрополе, согласно бытовавшей традиции, именно этот тип посуды использовался в рамках погребальной церемонии.

Проведенное исследование позволяет заключить, что погребальный обряд в данном контексте представляется одним из индикаторов культурных трансформаций, происходивших в Западной Сибири по мере появления переселенческих волн XIX – начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Татаурова Л.В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.
2. *Зайцева Е.А., Кениг А.В.* Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 2. С. 23–27.
3. *Татауров Ф.С.* Русские погребальные комплексы Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. как источник для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка // *Вестн. Том. ун-та. История*. 2018. № 56. С. 151–157.
4. *Ширин Ю.В.* Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Ом. фил. РГТЭУ, 2011. С. 416–422.
5. *Данилов П.Г.* Православный некрополь XVII–XVIII вв. в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // *Вестн. НГУ. Серия: История. Филология*. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 154–167.
6. *Данилов П.Г.* Некрополи XVII–XVIII вв. в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т.2. С. 19–21.
7. *Список населенных мест Сибирского края*. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. Т. 1: Округа Западной Сибири. 824 с.
8. *Татаурова Л.В., Сопова К.О.* Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты // *Былые годы*. 2020. Т. 58, вып. 4. С. 2396–2408.

9. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

10. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН, 2016. 128 с.

11. Коваль В.Ю. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Ом. ин-та (фил.) РГТЭУ, 2011. С. 317–323.

12. Воробьев А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 506–508.

13. Мамонтова О.С. Керамика как элемент похоронного обряда русского населения Алтая XIX – первой четверти XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. № 362. С. 91–92.

14. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунница, 2004. 181 с.

15. Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С. Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения // Поволжская археология, 2013. № 2(4). С. 279–290

16. Воробьев-Исаев А.А. Погребальные памятники российского освоения Верхнеобского региона XIX – начала XX вв. (по археологическим источникам): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 191 с.

17. Кауркин Р.В. Погребальный обряд у русских Нижегородской области в конце XX – начале XXI в. (по материалам экспедиции «Российская провинция») // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы науч. конф., СПб: Изд-во ЛГУ, 2019. С. 237–245.

REFERENCES

1. Tataurova L.V. Funeral rite of the Russians of the Middle Irtysh Region of the XVII–XIX centuries. Based on Izyuk-I complex materials. Omsk, Apel'sin, 2010, 284 p. (In Russ.)

2. Zaytseva E.A., Kenig A.V. Funeral rites of the Russian old-timers of the Lower Irtysh Region of the XVIII–XIX centuries (based on the excavation materials of Gornopravdinsk burial ground). *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk etc., 2014, vol. 2, pp. 23–27. (In Russ.)

3. Tataurov P.S. Russian burial complexes of West Siberia of the XVII – first half of the XIX centuries as a source to reconstruct the socio-cultural image of the Russian Siberian. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*, 2018, no. 56, pp. 151–157. (In Russ.)

4. Shirin Yu.V. Funeral rite of the Christian cemeteries of Pritomie Region of the XVII–XVIII centuries. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk, 2011, pp. 416–422. (In Russ.)

5. Danilov P.G. The Orthodox necropolis of the XVII–XVIII centuries in Abalak village, Tobolsk District: research results and prospects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 154–167. (In Russ.)

6. Danilov P.G. Necropolises of the XVII–XVIII centuries in urban development structure of Tobolsk based on archaeological and historical materials. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk etc., 2014, vol. 2, pp. 19–21. (In Russ.)

7. List of localities in the Siberian Region. Vol. 1: Districts of West Siberia. Novosibirsk, Soviet Siberia, 1928, 824 p. (In Russ.)

8. Tataurova L.V., Sopova K.O. Russian Ceramics of West Siberia – from the present to the past: methodological aspects. *Bylye gody*, 2020, vol. 58, iss. 4, pp. 2396–2408. (In Russ.)

9. Bobrinskiy A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and methods to study. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.)

10. Koval' V.Yu. Primary fixation of mass ceramic material (on monuments of the Middle Ages and Early Iron Age of Eastern Europe forest zone). Moscow, IA RAS, 2016, 128 p. (In Russ.)

11. Koval' V.Yu. Ceramic production in the central regions of Russia in the XVII–XIX centuries. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, 2011, pp. 317–323. (In Russ.)

12. Vorobyev A.A. Pottery with coals from the Russian burials of the Upper Ob Region and Baraba as an object of archaeological and ethnographic study. *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy*. Barnaul, 2001, pp. 506–508. (In Russ.)

13. Mamontova O.S. Pottery as an element of the funeral rite of the Russian population in Altai of the XIX – first quarter of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2012, no. 362, pp. 91–92. (In Russ.)

14. Panova T.D. The death realm. Medieval Russia Funeral rite of the XI–XVI centuries. Moscow, Radunitsa, 2004, 181 p. (In Russ.)

15. Vorobyeva E.E., Kalygina Zh.S. Burial pottery of Tikhvin necropolis in Tsarevokokshaisk: the study preliminary results. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2013, no. 2, pp. 279–290. (In Russ.)

16. Vorobyev-Isaev A.A. Funerary monuments of the Russian development of the Upper Ob Region in the XIX – early XX centuries (on archaeological sources): diss. theses. Novosibirsk, 2006, 191 p. (In Russ.)

17. Kaurkin R.V. Funeral rite among the Russians of Nizhny Novgorod Region in the late XX – early XXI centuries (on materials of “Russian Province” expedition). *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy nauch. konf.* Saint Petersburg, 2019, pp. 237–245. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021

Дата рецензирования 13.11.2021

Статья принята к публикации 10.01.2022

DOI: 10.15372/HSS20220106

УДК 069

H.K. VIEREGG

MUSEUMS, HERITAGE SITES AND MUSEOLOGY – A NEW APPROACH TO SOCIETY IN THE PANDEMIC

Munich School for Philosophy,
International Museum Sciences and Studies
(Museum History, Museology, Education)
Ottobrunn-Riemerling, 85521, Germany

The pandemic in the XXI century influenced significantly the museums. According to contemporary possibilities, where the virtual meanings play an important role, museum experts have reassessed their chances. Not to lose visitors, but rather to attract new groups of society, they recollected the potentials of outer zones of museums, and the city historic areas with sculpture parks, heritage sites and monuments. The article represents some examples trying to explain how this happened in Munich/Germany, Chimei Museum Tainan/Taiwan, and was earlier presented at archaeological sites in Altai/Siberia/Russia. The article is starting with a contemporary example of the Museum for Egyptian Art in Munich and a motto that is convincing until present times: „All art has been contemporary“ (Maurizio Nannucci). Then the author's historical observations follows, which are related to various periods in the museum history since the ancient Greece, the Chambers of Arts and Curiosities in the European Renaissance, as well as changes caused by the French Revolution and developing the museum typology differentiations in XIX century. Each point is considered under the pandemic conditions. Some examples are described: the Munich's Light Event as a journey and revealing its effects on the social life. The Munich installations are compared with the excellent possibilities in Chimei-Museum/Taiwan. Finally, based on own experiences, materials kindly provided by colleagues from Hie Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University, the author tries to describe the archaeological model of Altai/Siberia/Russia, in the context of ideas before the pandemic, which are now very useful to find new ways in the people education. Possible options for further use of these ways are proposed.

Key words: contemporary art, Chambers of Arts and Curiosities, development of differentiations, museum typology, Light Events Munich, visitors and social life, Chimei Museum Taiwan, archaeological model of Altai/Siberia/Russia.

МУЗЕИ, ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ – НОВЫЙ ПОДХОД К ОБЩЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Мюнхенская школа философии,
международных музейных наук и исследований
(Музейная история, Музееведение, Образование),
Германия, 85521, Оттобрунн-Римерлинг

Пандемия XXI в. существенно повлияла на развитие музеев. В условиях, когда виртуальные смыслы играют важную роль, эксперты по-новому стали оценивать возможности музеев. С целью не потерять посетителей, а скорее привлечь новые группы общества музеи вспомнили о потенциале своих внешних зон и городской исторической территории с парками скульптур, объектами наследия и памятниками. В статье приведены некоторые примеры, показывающие, как это произошло в Мюнхене (Германия), Музее Чимей (Тайвань) и ранее было представлено на археологических объектах на Алтае, в Сибири и в других регионах России. В статье представлен современный пример из Музея египетского искусства в Мюнхене и указано на девиз, который убедителен до сих пор: «Все искусство было современным» (Маурицио Наннуччи). В исторической динамике приводятся наблюдения автора статьи в соответствии с различными периодами истории музея: Древняя Греция, Палата искусств и редкостей в эпоху Европейского Возрождения, а также изменения, вызванные Французской революцией и развитием дифференциации в музейной типологии в XIX в. Каждая позиция рассматривается с учетом условий пандемии. Так, дано представление о Световом мероприятии в Мюнхене как путешествии, определено его влияние на общественную жизнь. Проведено сравнение мюнхенских инсталляций с прекрасными возможностями в музее Чимей (Тайвань). Основываясь на собственном опыте, а также на материалах, любезно предоставленных коллегами Музея археологии и этнографии Алтая, Алтайского государственного университета,

Hildegard K. Vieregk – Doctor, Professor for Museology of University for Philosophy, Munich, Germany, research@dr-vieregg.global; <https://orcid.org/0000-0001-9317-1797>.

Хильдегард К. Виерегг – доктор, профессор музеологии Университета философии, г. Мюнхен, Германия.

автор пытается описать археологическую модель Алтая/Сибири/России в контексте идей, существовавших до пандемии, актуальных для поиска новых путей и вариантов их дальнейшего использования в сфере образования. Предлагаются возможные варианты дальнейшего использования этих путей.

Ключевые слова: современное искусство, Палата искусств и редкостей, типология музеев, события в Мюнхене, посетители, общественная жизнь, Музей Чимей на Тайване, археологическая модель Алтая/Сибири/России.

THE IMPACT TO MUSEUMS

The artist Maurizio Nannucci (born 1939 in Florence/Italy) created the motto: „All Art has been Contemporary“. He determined that the Arts and the Artworks since the ancient times and at any period of time are corresponding with the living contemporary context. He himself has shown these approaches on numerous neon and sound installations. On the occasion of the new presentation and the moving from Munich Residence to the Museum for Egyptian Art in the Kunst Areal (Art Area) this principle was also realized. Exactly, this example indicates the relevance of contemporary events and media to society.

In the pandemic situation museum experts had to check and to evaluate new kinds of impacts and methods of mediation on the encounter between museums and their visitors. And, nevertheless, they had to think over how they could carry on their work. Apart that, they had to follow the idea of a real visit to a Museum or to a Heritage Site to merge with other conditions.

Already many years ago „Museum Standards“ were elaborated by experts of German Museum Association. Now this meritorious organization is going to develop a further form for the future of museums of different typology. Because of the Pandemic nothing in the Museum World remained as before. Therefore, all of us have to think over new potentials to keep the museums not only alive, rather more to deal with the new conditions, to integrate the considerable changes and finally, to use these chances for museum development.

THE IMPACT TO MUSEUM DEVELOPMENT IN HISTORICAL TIMES

Since the ancient „museum-like“ foundations – for example the „holy district“ with the terrace of Treasure Houses in Olympia/Greece – the museum history depended on events, political, social and religious interests and other challenges or input. While the collections in the ancient treasure houses were focused on consecration gifts, portraits or weapons captured in wars, the ecclesiastical church relics and treasures, the Middle Ages had a different focus. Nevertheless, both of them caused great steps in Museum History and the assessment of museum facts. Usually, „revolutionary events“ were so serious from different points that they finally brought about an impact to Museum progress. As one of the results of Reformation and the multiple political changes during the

16th century the idea to create „Chambers of Art and Curiosities“ („Miracles“ etc.) seized each of the Princely Courts in Europe.

During this period of time museum development was influenced by the „New Knowledge of the World Outside“ that came from sailors and merchants, discoverers or missionaries.

The princely courts and ecclesiastical institutions in Europe were very interested in material goods and techniques of the foreign countries. The „Museum Kircherianum“ founded by the Jesuit scholar Athanasius Kircher (1602–1680) in Rome/Italy – installed and curated 1651 in the Collegium Romanum – collected and described the specific Jesuit Missionaries objects. To enrich the collections respected personalities of the Jesuit Order, an „Order for Missionaries“, were worldwide in action – like in Latin American and Asian countries. They collected objects of the material and immaterial cultures of the manifold ethnicities and laid the spiritual ideas down in different written sources.

In Europe the Princely Courts settled Chambers of Arts and Curiosities, and collected systematically Artificialia, Scientifica, Naturalia and Exotica, defined and explained by researchers. They should explain the world. In this regard particularly medical doctors were invited and became advisers at the princely courts, like Samuel Quiccheberg at the Munich Chamber. He became the consultant of the Wittelsbach Duke Albrecht V. (1528–1579) [1, p. 18–28].

There were always new challenges. The 18th century was more an age of „reorganization“ of the collections. They were documented by museological issues in several publications. There were different approaches for example the „Museographia“ (1727) of Caspar Friedrich Neuckelius (1670–1729). Originally he was a merchant. Neuckelius was mainly dealing with the term and the conception of Museums and installed a famous Chamber of Art.

On a completely other way the „Theory of the Fine Arts“ (1771) by Johann Georg Sulzer (1720–1779) considered the common idea of „Museology as a Subject Science“. As director of the Berlin Academy of Sciences he focused on the Museum Sciences. In this regard he translated the publication „Principles of Morals“ provided by the Scottish philosopher David Hume (1711–1776) into German language. This was one of the starting-points for the Museum Ethics which play an important role in present times particularly promoted by ICOM, the International Council of Museums [2]. Museology today

has at any time to involve ethical considerations in its strategies – also in the pandemic. After the French Revolution the focus completely changed. The museum got a new context. Museum development and strategies for education were combined, the museum firstly opened for the citizens. Already 1793 the „Musée central des arts“ in the Paris Louvre was opened as a „model“ for a contemporary museum. At the same time this was one of the most important starting points for the differentiation of museums and the elaboration and advance of the museum-typology during the 19th century.

Because of the Revolution and the Secularisation also churches, libraries, castles and other historical ensembles became museums. In this regard museums experts liked to emphasize on their types as of art collections, museums as from national character, museums of natural sciences, sculpture-museums, museums for the applied arts, museums for ethnology reflecting foreign continents, museums for the techniques and industries, museums representing the culture of one's own home or a region, open-air-museums [3, p. 82–136]. In the 20th century followed other museum types like museums for contemporary history and arts, documentation centers, historical heritage sites and multifunctional museums for cultural history.

In the course of the 20th century and particularly after the Second World War the approaches changed again rapidly. After the dramatic events in the period of National Socialism (1933–1945) and the great challenge to free the country from ideology it was not only because of the intention to keep museums alive, to rebuild or to revive them, rather more to give the museums a contemporary meaning through opening them to the public for the purpose of Education in a democratic future. Education since that period of time has been playing an excellent role. In the pandemic museums reflected particularly the numerous possibilities of educational elements and attached great importance to contemporary forms in order to get in touch between the „inside“ and the „outside“ of Museums and Heritage Sites. Besides, the moral component is emphasized. It is really a moral obligation to reach and attract all groups of society.

For the Museum Sciences, the Museology, again and newly the compelling pandemic situation with all its impairments could become also a chance for museum development and advances in museum didactics.

NEW CONSIDERATIONS AND APPROACHES TO MUSEUMS DUE TO THE PANDEMIC

This unexpected predicament is at the same time a disappointment and a chance. Now (2020/2021) we have to take a look at the influences of the pandemic to our Museum World. The pandemic outbreak of 2020 did not

fully reveal the effects. Even experts from the expertise of medicine or museology were at a loss. Museums were closed in the „lockdown“. Therefore, the importance of outside areas and open spaces of museums and heritage sites received special meanings and forced the museum experts to unconventional procedures. That brought with it that on the one hand the „Friends of Museums“ as habitual visitors expected innovative solutions, and on the other hand new social groups joined the until unfamiliar game. Before the pandemic many of them didn't include museum visits in their leisure or cultural programs. Now, numerous museums remembered of their interesting outside areas or sculpture parks and elaborated digital projects and nano-shows to guarantee the external impact to museums¹. They installed light-arrangements as „an invitation to a journey through the art area.“² Those were and are very helpful regarded to encounter and contact possible museum visitors on the outside area of museums and heritage sites and to make them enthusiastic.

Usually, various social groups of society are strolling in the outside areas more because of the beautiful buildings and the park-atmosphere. They are sometimes only marginally interested in the museum itself and appreciate more „Multi-media“ installations. In this regard there were sometimes talks about a kind of „Deep-Learning-Methods“ [4, p. 75]. Is this really a possibility to learn?

MUNICH'S LIGHT EVENT – INVITATION TO A JOURNEY

A journey through the Munich Art Area was a project of the City of Munich. It was initiated by the artist Betty Mü (video and projection artist), the guest artists Yul Zesser („permanent sculptures in public space“) and Helmut Eding („church-painter and interior-designer“), the Department of Culture/Technology and the Kunstareal (Art Area), and it caused emotional forces. Betty Mü focuses on an „imaginative, poetic style“ and was very successful on this purpose.

The press-release says: „The large-scale lighting action illuminate the Art Area that includes 18 museums, internationally renewed universities and the large number of cultural institutions. The various light and video-installations allow visitors to experience the spatial totality of the Kunstareal (Art Area) by staging its unique combination of art, culture and knowledge with light and video installations.“³

¹ Deutscher Museumsbund – Bulletin (Hg.) (3/21): Call für den DIGAMUS AWARD. S. 19

² URL: [https://www.Munich-travel. \(03.03.2022\).](https://www.Munich-travel. (03.03.2022).)

³ URL: [http://www.munich.travel/en/topics/arts-culture/the-kunstareal.com \(27.01.2022\)](http://www.munich.travel/en/topics/arts-culture/the-kunstareal.com (27.01.2022))

Herewith this open space became the „largest digital museum exhibition“ that ever took place in Munich. The area includes several Classical Museums of the Fine Arts, Museums for Archaeology with artifacts from the Ancient Greece, Museums of Modern and Contemporary Arts, a Museum of Mineralogy, several sculpture Gardens (Alte Pinakothek, Neue Pinakothek, Pinakothek der Moderne, Lenbachhaus ...), monuments and historic sites. Before the pandemic those ideas were never existing. But in the situation of pandemic museums in Munich/Germany together with the other cultural institutions developed many ideas and practicable activities which were relocated to the outside areas of museums.

MUSEUMS AND SOCIAL LIFE IN THE PANDEMIC

While these descriptions related to the pandemic-years 2020/2021 and all of us hoped to finish the pandemic, now in Germany to our disappointment the „Forth Wave“ is going on. In debuty for the Museums in Germany Eckart Köhne the president of the German Museum Association apart from economic considerations expressed the present situation: Even in the pandemic and a new „high-phase“ open cultural areas were important components of the social life. People needed these areas for social gatherings also because of the occasion to interrupt their circles of thoughts around the pandemic⁴. Already since a long time museums are intending to contact people outside. Just think on the sculpture gardens around museums of the Fine Arts, contemporary installations, museum-nights with special attractions, the announcements of exhibitions or other promotional activities as family-events. Now is the question how museums try to contact visitors outside the Museum Halls.

The „King's Place“ (Königsplatz) – related to the founder King Ludwig I. – is surrounded by the Propyläen and two museums: Glyptothek (Museum for Greek Sculptures) and Antikensammlungen (Museum for Greek Vases). The museum buildings and the facades are created as a totality according to the artifacts inside. They imitate Greek temple-buildings.

COMPARISON BETWEEN MUNICH/GERMANY AND CHIMEI-MUSEUM/GREATER TAIWAN REAL AND VIRTUAL APPROACHES

This is an occasion for many museums to use years of experience from Music Festivals on this area, and to think over new conceptions which are capable to combine the resources of museums, the parks and the cities. One of the first purposes is everybody of the citizens become included in the main tasks of museums which are

not restricted to inside museum presentation rooms. In this regard museum curators and culture services of the cities discovered new possibilities of communication and creative methods of educational procedures of mediation and dialogue. Mostly, in this regard, is related and discussed about „virtual museums“. This term is generally used, but doesn't consider that „virtual“ is meaning only a part of the everyday reality. This is a kind of communication accomplished by digital techniques. They lead to a reduced reality. For the curators and the outside visitors arises the problem that everywhere in the World, and particularly in each of the worldwide cultures the terms are understood differently. The „virtual“ is incorporating artificial spaces, produced in comparison to real places.

Since longer than a decade light installations are very usual measures, to bring topics, events, concerts to a virtual sphere inside or to the open air. In such circumstances downright a „Museum Marketing“ took care to attract new museum-visitors.

The extensive museum-areas outside were incorporated in extraordinary light-installations. These were accompanied by screens showing videos about the real presentations inside the museums. In this regard people walking along the museum area experienced an unexpected surprise: the contents of the museum together with the sculpture park/area outside and their individual interests. So far we have possibilities to win new approaches to a museum: People of each social status can walk around and get impulses for a real museum visit.

In the last years many museums of diverse typology developed a website with virtual tours. These, of course, have different conceptions because of various contexts in cities, regions or remote areas and cultural experiences with the public. The Museum itself is never „virtual“, rather at every time characterized by the „tangible“ and the „intangible“ goods. When we study the virtual approaches we find only depicted objects. There is mostly a stringing together of artifacts which are explained or described. But: At the same time the performance of single objects entails a lack of the atmosphere and the feeling if to be in a museum. Museum areas and installations make the „visitor“ more believing he was in a real museum. Experts are going to elaborate also the „atmosphere“.

This is a reciprocal way to the real museum-visits: namely from outside to inside. The outside situation with sculptures and attractive staging can inspire to visit the real museum after the pandemic. Even the smaller museums in the region have similar possibilities.

This procedure is also valid for Museums in South East Asian countries. For example: Chimei-Museum in Tainan/ Taiwan is comparable to the European situation. An extraordinary sculpture Garden is leading to the Chimei Museum. This open space and the museum together are really an internationally important outside area.

⁴ Scherfig, Leon (1. Dezember 2021): Kulturbetrieb in Lockdown-Panik. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). Nr. 280. p. 9.

While the park is more following the style of the outdoor „landscapes“ of Versailles and other castles in Europe, the architecture and the various sections of Chimei Museum itself are designed outside in Roman-Greek styles and inside according to the different typologies of museums in Europe. Particularly the Music Department with its virtual performance could be combined and transferred to the outside park.

There are also very interesting suggestions of Asian colleagues in the Essay-collection „Museology and Culture“ published by ASPAC (2016–2018) under the subtopic „Museums and City“ [5]. Those are for example: How Museums activate the City with the model of a „Street App“ [5, p. 196]. Or the article: „City-Activation: Tourism and Public Participation: Creative Aesthetics in Tainan as a City Living Museum“. This case study discusses how people use the city of Tainan as a kind of Eco-Museum and how they are participating „in the development of the cultural tourism by doing their festival activities, refreshing old buildings moment, and coping with the cultural immigrants.“ [6, p. 471]. Another example is Pilgrimage paths outside which can be linked to museums, temples, monasteries and promote the social, religious and spiritual life. Pilgrimages are a common phenomenon for most of the religions in the great connection between the confession and the believers. Mostly Museums for Religions, churches and temples or pilgrimage gates are dedicated to the ecclesiastical year, to holy saints or emergency helpers, protectors and advocates. Ways around those areas with religious or philosophical instructions are deepening the spiritual understanding, Human beings must best have such communication face to face. Otherwise the contact is imperfect. In this regard the atmosphere between the material and the virtual is important for dialogue and didactical measures.

Relationship between Museum and the „open Area“. According to the challenges caused by the pandemic an external impact can be given to the museums by digital offers. This is really an innovation – not to see the „outside area“ with sculpture parks, monuments and memorials as an „extra topic“. Much more this is an occasion to match up the museum interior and to develop a thematic connection with the outside area. In many cases this is possible because of the different museum typology or the city as a source for a museum – particularly in regional of local museums.⁵

A SHORT VIEW TO ALTAI REGION/RUSSIAN FEDERATION – AND TO AN EXTRAORDINARY SOLUTION

On the occasion of the Barnaul International Forum to the main theme: „Cultural Heritage, Interdisciplinary

Research and Education“ (April 4–8, 2005) was an intensive cooperation between the Committee of Culture and Tourism/Administration of Altai Territory, the International Committee for Museology/ICOFOM/International Council of Museums (ICOM/UNESCO) and the Altai Institute of Arts and Culture. Topic two on the Agenda dealt with: „Museum Studies: Museums of various types in Barnaul and Altai Region“. In this regard the archeology as an extraordinary Area of Expertise played an important role. There were different excursions to the Altai Region and Museums in Altaiski Krai and Gorno Altai: Among others to the State Museum for Archeology in Biysk and the Museum of Zmeinogorsk that is closely connected with the the city situated on a very important medieval merchant's route. Barnaul, Biysk and Zmeinogorsk are in an extraordinary way able to support the museums in the pandemic. Firstly, 2005, a professor for Archeology and museums expert, introduced us in the University Museum of Barnaul Pedagogical University about relics and recent results of excavations. This visit was very exciting for me because I discovered a possibility for a „Mobile Museum“ developed by the Altai experts. There was information that usually in summer excavations take place in the Altai Region. In order to involve visitors and to prepare an educational program a great mobile wooden construction – a covered viewing platform – was invented and created. This was a very new approach for „museum activities“ related to an archaeological site. The expert described this platform as temporarily, suitable to be moved in the course of the summer to different locations and relocated there. It is conceivable to use such a possibility in the face of the pandemic. This brilliant solution could help to interest visitors at the same time in excavation areas at each place and in eventually attached museums on site. Zmeinogorsk is another example based on the history of Altai and the medieval caravan routes which served the merchants for the transport of goods. It is also an archeological place where stone tools were found near the Mountain Zheeva (near Zmeinogorsk). In this case the mining of silver ore, the medieval city and the interesting museum could become connected. Even in the pandemic the outside areas with the each city-history are of great importance as the outside view while in the museums inside the objects there are testimonies for the old times. Apart that, the many open air museums in Altai and the arrangements in the nature can give new impulses for education during the pandemic

CONCLUSION AND PERSPECTIVES

The concern of pandemic all over the World forwarded a series of intercultural issues. Now we can put the question if those experiences are of social effect for museums. Are there new forms of participation in the

⁵ Deutscher Museumsbund (3/21): Bulletin. S. 25.

cultural, artistic or social life? Following the ideas of the „Bulletin“ of „Deutscher Museumsbund“ (German Museum Association) a „Restart Culture“ should promote Regional and Local Museums, „Exhibition Houses“ and publicly accessible memorials.⁶ Otherwise, as numerous examples confirm, museums cooperate with universities, schools and other institutions for education in order to develop possibilities for a transfer of knowledge to our society: transferring archeological knowledge to experts for digital techniques and finally, teaching visitors with the help of an App.⁷ Schmitt/Wiedemann recommended to define reference points of an impact to museums very clearly.⁸ This is also the case for the outside areas which became very important for the museums during the pandemic.

REFERENCES

1. Vieregg H. Geschichte des Museums. Eine Einführung. Wilhelm Fink. München, 2008, 343 p.
2. Murphy B.L. (ed.) Museums, ethics and cultural heritage. New York, Routledge, 2016, 432 p.
3. Vieregg H. Museumswissenschaften. Eine Einführung. Paderborn, 2006, 338 p.
4. Kleine-Engel A., Rentzsch N. Vor uns die Sintflut. *Museumskunde. Museology and Culture*, 2021, Bd. 86, No. 1, p. 68.
5. Museology and Culture. Museum Heritage, City, Sacred and Museum Definition: selected essays from the ICOM ICOFOM ASPAC conferences 2016–2018. Taiwan, New Taipei, 2019, 390 p.
6. Vieregg H. Museums, Churches, Temples and Artifacts – Spirituality, Philosophy, Museology. 2019, pp. 468–480.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022

Дата рецензирования 25.02.2022

Статья принята к публикации 01.03.2022

⁶ Deutscher Museumsbund (3/21): Bulletin. S. 18.

⁷ Deutscher Museumsbund (3/21): Bulletin. S. 25.

⁸ Schmitt, Susanne, Wiedemann, Julia (1/2021): Museen als impactfähige Institutionen. *Museumskunde*. Berlin. S. 68–73.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220107

УДК 94: 332.21 (571.513)"16/17"

¹Е.В. САМРИНА, ²В.Н. АСОЧАКОВА

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII–XVIII ВВ.

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
РФ, 655017, Абакан, ул. Щетинкина, 23

²Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
РФ, 655017, Абакан, пр. Ленина, 90

В статье охарактеризована структура поземельных отношений в Южной Сибири имперского периода. Рассмотрены факторы, влиявшие на ее особенности в различных частях огромной территории: система государственного управления земельными ресурсами, наличие свободного фонда земель, состав населения, доля переселенцев, темпы роста населения, традиционные формы землепользования коренных народов и др. Особое внимание уделяется ключевым факторам эволюции земельной политики России в Южной Сибири во второй половине XVII–XVIII в. Показано, что уменьшение доходности соболиного промысла, изменение геополитической ситуации в регионе во второй половине XVIII в. неизбежно вели к сокращению земельных владений ясачных, поощрению аборигенного населения к оседлости и развитию земледелия.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Русское государство, автохтонное землевладение, землепользование, ясак, геополитика, Джунгарское ханство, Цинская империя.

¹ELENA V. SAMRINA, ²V.N. ASOCHAKOVA

DRIVERS OF EVOLUTION OF RUSSIA'S LAND POLICY IN SOUTHERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XVII – XVIII CENTURIES

¹Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkina str., Abakan, 655017, Russian Federation

²Khakass State University named after N.F. Katanov,
90, Lenin ave., Abakan, 655017, Russian Federation

The government policies and measures that determined this policy's main parameters in the field of land ownership and land use of South Siberian autochthons were not stable. The strategies of the land issue underwent a number of changes over a century – from state paternalism related to aboriginal land ownership to equalization, when the land management of indigenous peoples was aimed at equating their rights with respect to real estate of Russian peasants and subordinating them to the Russian law. The land policy in South Siberia was determined by two main factors: fiscal and geopolitical. Therefore, indigenous peoples' rights in relation to land use were specifically regulated by the state. The state took a dual position

Елена Васильевна Самрина – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, e-mail: esamrina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4748-2460>.

Валентина Нестеровна Асочакова – д-р ист. наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Elena V. Samrina – Candidate of Geography Sciences, Senior Researcher, Khakass Scientific Research Institute Language, Literature and History.

Valentina N. Asochakova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Khakass State University named after N.F. Katanov, e-mail: asocvn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5714-3729>.

in the land ownership field, on the one hand, forbidding settlers to occupy the aboriginal population land, on the other hand, encouraging the expansion of Russian agriculture, which inevitably led to the seizure of "yasak" (tributary) lands by settlers. However land conflicts were usually resolved in favor of yasak, primarily, hunting grounds. But land users could not actually dispose their land plots, as they could not sell, exchange, lease, and so on. The infringement of the land ownership right of Siberian indigenous peoples began in the late XVII century, when land was allocated to serving people and peasants. Legally, these changes were formalized after the yasak reform in 1764. During the reform, the land plots of the yasak people were legally fixed by administrative clans, departments, and uluses, but the State was the supreme owner of all lands.

The systematic approach allows considering the land aboriginal policy in South Siberia in the interrelation of its various aspects: the socio-economic development and fiscal interest of the Russian State, ethnopolitical and geopolitical situation on the South Siberian borders. The study principles are combined according to specifics of research of the policy regarding autochthonous land ownership. Using the historical and genetic method, in order to identify the origins, genesis and drivers of the historical phenomena development, made it possible to identify objective patterns in the policy evolution in the field of aboriginal land ownership.

Key words: Southern Siberia, Russian state, aboriginal land ownership, land use, yasak, geopolitics, Dzungar Khanate, Qing Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблем землевладения и землепользования, их дискуссионность в отечественной историографии, особенно в современной, не вызывает сомнения у историков. В поле зрения исследователей – по-прежнему поземельные отношения, их формы, региональные особенности землевладения, соотношение обычного права и законов Российской империи, эволюция земельной политики и т.п. (см. [1; 2, с. 120–122; 3, с. 167–170]).

Политика российской власти в отношении автохтонного землевладения претерпела изменения на протяжении всего периода освоения Южной Сибири, что было связано с политическим курсом, геополитической ситуацией на южносибирских рубежах, модернизацией страны и т.д. Вплоть до второй половины XVIII в. политика самодержавия характеризуется как охранительная относительно как самих аборигенов, так и территорий их исконного проживания и хозяйствования.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ

Земельная политика в отношении коренных народов Южной Сибири в XVII–XVIII вв., включенных в орбиту интересов Русского государства, в отличие от других сибирских территорий, определялась двумя основными факторами: фискальным и геополитическим. Государство было заинтересовано в поступлении пушного потока в казну. Потому права коренных народов в отношении землепользования регулировались государством особым образом. Первым нормативным актом, определившим землепользование народов Сибири, стала «Жалованная грамота Великому князю Василию III ненцам, живущим по реке Обь, о принятии их в подданство России» (2 апреля 1525 г.). Великий князь взял самоедов «под свою руку», а им велел ему «служити и дань давати» [4, с. 156]. В XVII в. кабинетная и сибирская администрация в вопросах землепользования в Сибири ориентировались на царский указ, нашедший отражение в Соборном уложении 1649 г. согласно которому земли

за инородцами закреплялись на праве постоянного пользования. В частности, статья 43 признавала преимущественные права «ясашных иноземцев» на «породные земли»¹.

Вопрос о землеустройстве был важнейшим в ясачном режиме. Русское государство покровительствовало коренному населению, защищало его права на ресурсы, прежде всего от пришлого населения. Эта позиция власти проявлялась и в конкретных судебных и административных решениях по поземельным спорам, в которых представители автохтонного населения, как правило, получали защиту. Царские указы запрещали русским всякие земельные сделки с ними. Так, по Соборному уложению русские не имели права покупать, менять, арендовать, закладывать земли ясачных. За такие сделки грозились «за то от государя быти в опале»².

Владения ясачных оберегались ради возможности получить ясачную подать. В первую очередь сибирские народы как плательщики ясака имели преимущественные права на охотничьи угодья, которые охранялись от самовольного заселения переселенцев. Власть запрещала притеснения плательщиков ясака, защищая их земельные угодья. Указ 1668 г. повелевал отбирать земли даже у духовенства и монастырей, если они захвачены у ясачного населения [5, с. 110–113].

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЯСАЧНЫЙ ВОПРОС

В середине XVII в. пушной промысел давал России до 33 % государственных доходов [6, с. 60]. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов государственного учреждения. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2 % [7, с. 276]. До середины XIX в. ясак уплачивался преимущественно пушной, а с 1727 г. дозволялось вносить ясак деньгами³.

¹ Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 1. С. 80–81. Соборное Уложение 1649 г. Глава XVI. Ст. 43–46. С. 110–113 / сост. М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

² Там же.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 7. № 5110. С. 819–821.

Заинтересованность государства в ясачной подати и, как следствие, ориентация на пушную специализацию хозяйства автохтонов обусловила государственный патернализм в отношении их землеустройства. Однако отсутствие права распоряжаться своими исконными территориями подчеркивало условный характер ясачного землеустройства [5]. Признавая преимущественное право «ясашных иноземцев» на «породные земли», статья 43 Соборного уложения 1649 г. объявляла их собственностью российского монарха⁴. С точки зрения феодальной земельной собственности, в Российском государстве земельные владения коренных народов Сибири относились к фондам царского домона. Из верховного права собственности вытекало право коренного населения проживать на земле, использовать ее для собственных нужд, распашивать в пределах своих кочевий и кочевать в «породных» землях без каких-либо ограничений.

Документы XVII в. не содержат норм, ограничивающих территорию кочевий и промыслов, ясачные волости не имели четких границ. Сведения о начале официального определения границ угодий ясачных в конце XVII в. содержатся лишь в документах, относящихся к наиболее заселенному району Сибири – Верхотурью [8, с. 120]. Указ Петра I от 22 марта 1703 г., касавшийся решения земельных споров, также подтверждает права ясачных на исконные территории охоты и кочевий. Запрет распространялся и на самовольные захваты этих территорий переселенцами.

Но конфликты в сфере землепользования возникали часто, особенно это касалось территорий вблизи острогов и городов. Например, в 1646 г. казаки Томского острога жаловались царю на то, что самые благоприятные земли общей протяженностью около 15 верст занимают томские татары, которые называют эти земли своими. Около 15 семей (50 чел.), среди которых упоминаются фамилии Тигилдеевых и Горбуновых, владели «на Обь реке вверх и вниз ездой во дву днищах землею и сенные покосы и рыбною ловлею и всякими убои». Казаки жаловались, что татары не разрешают им вторгаться в свои земли и запрещают сено косить, ловить рыбу, «всякими угодьями владеть не дают»⁵. Государство пока занимало сторону коренного населения в вопросах землепользования.

Между тем продвижение в земли «кыргызских улусов» Русским государством рассматривалось как стратегическое направление своей политики. Ко всем князьям неоднократно отправлялись служилые с целью урегулировать процесс продвижения промышленников на южные рубежи. И велено «им гово-

рить чтоб они служилых и промышленных людей на рыбных и хмелевых промыслах не грабили и ... насильств не чинили и что у кого пограблено по б все сыскав отдали»⁶.

В 1654 г. группа из 100 чел. из Красноярского острога прибыла для рыбалки и сбора хмеля на реках Абакан и верхний Енисей. Коренное население – «киргизские и алтырские и керетские и тубинские» – препятствовало такому вторжению: у прибывших отняли предметы утвари, одежды, орудия труда⁷. Князья жестко пресекали попытки промышленников использовать биологические ресурсы на их территории. В частности, князь Коян и его племянники убили промышленного человека Митьку Васильева и Красноярского служилого Офоньку Верхотурца⁸.

Администрация Красноярска потребовала выдачи лиц, причастных к убийству промышленников. Когда выяснилось, что племянники князя Кояна ушли к Алтын-хану, воевода обратился к царю с просьбой вмешаться и отправить казаков к монголам⁹.

Воевода направил гонцов к Алтын-хану, но Мерген-тайша не пропустил их дальше своих кочевий, мотивировав тем, что дорога к Алтын-хану дальняя, занимает около пяти недель, к тому же опасная, и он не ручается за безопасность гонцов. Тогда воевода, опираясь на обычное право тубинцев, предложил заплатить так называемую головщину: «как у них за побитых людей повелось платить из стари по сту коней или по сту скотин рогатых добрых да по десяти.... за человека» [9, с. 206]. Князь Коян сначала согласился, но затем «сказали им, будто один убоец Тойтонко в Мугалах у Алтына царя и умер и в головщине, что было тубинской Коян князец с товарищи по своему челобитию хотели по своей вере платить как у них повелось из стари отказали». После этого случая воевода настаивал на том, чтобы царь своим указом увеличил количество служилых в Красноярском остроге для укрепления военного гарнизона, дальнейшего продвижения «промышленных и гулящих людей» на территории «кыргызских улусов» [9].

Ущемление права землепользования и землеустройства коренных народов Сибири началось в конце XVII в., когда служилым людям и «иноного чина русским людям» стали выделять земли из уплаты «пятинного хлеба», а крестьянам под десятинную пашню. Но начавшиеся волнения местного населения заставили правительство в начале XVIII в. отводить служилым земли «из порожних земель, которая бы была неясачная и не в ясачных землях, и чтобы ясачным иноземцам в том земляном владении никакого

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. С. 80–81.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Д. № 8. Стб. № 252. Л. 18 об.

⁶ Там же. Стб. № 490. Ч. II. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 8.

утеснения и спору не было» [10, с. 72–74]. Юридически эти преобразования были оформлены после изменений в ясачной политике правительства в 1764 г. – в правление Екатерины II. Земельные угодья ясачных были юридически закреплены по административным родам, ведомствам, улусам. Де-юре они являлись собственниками своих угодий и соответственно имели право легального распоряжения ими. Де-факто с конца XVIII в. появляются сомнения власти в обоснованности претензий аборигенов на исключительное владение и пользование столь значительными по размерам угодьями.

Специальные «владельческие грамоты», выдаваемые некоторым ясачным, тоже не давали права на распоряжение землей – продажу и заклад. «Указы, по которым инородцами отводились определенные участки, назывались, подобно указам, выдававшимся русскому люду, владельческими и отличались от них только тем, что относились не к отдельному лицу, а к целой группе – родоначальникам с улусными людьми», «с товарищи» и вместо обозначения податной тягости или указания, что земля дана в оклад или сверх оклада в оброчное содержание, обыкновенно изъясняли цель выдачи документа, – нестеснение в природных промыслах» [11, с. 87]. Владение в таких указах называлось обыкновенно «вечным»... «Указы имели на практике значение чисто временное и, по видимому, служили лишь доказательством того, что пользование землями производится с согласия администрации. Последняя отменяла их, издавала новые и вообще распоряжалась инородческими землями по своему усмотрению» [11].

Несмотря на то, что российское правительство в фискальных целях придерживалось охранительной политики в отношении ясачных угодий, запрещая их хозяйственное использование русским населением, традиционные правила землепользования заметно деформировались. Переселенцы зачастую вытесняли коренное население из обжитых мест. Русские крестьяне заселяли земли, наиболее пригодные для земледелия, – правый берег Енисея, правобережье Абакана и восточные районы Енисейско-Чулымской котловины, т.е. древние земледельческие районы. Запрет селиться на ясачных землях часто нарушался, а разрешение занимать только «излишние» угодья фактически привело к тому, что русские и хакасы проживали бок о бок. Мигранты из Европейской России, подсекаясь в старожильческие хозяйства Минусинского уезда и осваивая лучшие земли в левобережье Енисея, особенно в Койбалльской степи, постепенно оттесняли хакасов вглубь Минусинской котловины, подальше от русла реки. Это приводило к возрастанию плотности расселения как русского, так и хакаского населения, а также дроблению волостей.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ЗЕМЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В XVII–XVIII вв. происходил процесс территориального размежевания «Большой Центральной Азии», затронувший и Южную Сибирь. Геополитическая обстановка была сложной. В силу открытости пограничного вопроса главными участниками в борьбе за влияние в регионе, распределение сфер влияния стали Россия, Китай и Джунгария. Но на южносибирских рубежах основными соперниками стали Россия и Китай, причем отношения между этими государствами в указанное время определял джунгарский фактор. Главные противоречия заключались в претензии на территории, население и природные ресурсы этого региона.

Джунгарское ханство в последней четверти XVII – первой половине XVIII в. становится, с одной стороны, серьезным препятствием на пути русского продвижения на юг, а с другой – главным внешнеполитическим соперником Цинской империи на северо-западном направлении. Ликвидация ханства позволила бы Русскому государству осваивать Южную Сибирь, а Цинской империи – беспрепятственно двигаться в западном и северном направлениях.

Джунгарский фактор не только был составной частью политических, дипломатических отношений России и Китая, но и влиял на отношения Русского государства с народами Сибири. Ханство активно подчиняло себе местные народы, претендовало на их земли и природные богатства [12, с. 3]. Более того, вплоть до второй половины XVIII в. ханство наравне с Россией собирало дань с народов Южной Сибири, большая часть которых уже являлись подданными Российской империи. Острота джунгарского фактора заключалась также в проджунгарской политической ориентации части енисейских кыргызов.

Со своей стороны Русское государство рассматривало Джунгарское ханство в качестве противовеса Цинскому Китаю. Поэтому оно не было заинтересовано в чрезмерном ослаблении ханства, а тем более в его уничтожении, предпочитая все спорные вопросы решать мирным путем. Даже в периоды обострения русско-джунгарских отношений в середине XVIII в., когда ойраты «осуществили налеты на русские поселения в районе Тары, на Колывано-Воскресенский завод и Чакирский рудник», Россия не вступила в открытый военный конфликт [13, с. 35]. В 1722–1724 гг. были организованы посольские миссии капитана И. Унковского в Джунгарию, Борокугана (1721) и Доржа – в Петербург (1724 г.) [14, с. 76]. В письме императрице Екатерине I от 10 мая 1727 г. чрезвычайный посланник в Китае С.Л. Рагузинский-Владиславич подчеркивал необходимость урегулирования конфликтов с джунгарами мирным путем, так как Джун-

гарское ханство может выступать в качестве «щита от экспансии Китая» [15, с. 82–83].

С учетом сказанного двоедланничество аборигенных народов юга Сибири, сохранявшееся вплоть до гибели ханства, следует рассматривать как установление определенного баланса сил между русскими и монголами, а южносибирский регион – как территорию с гибкими границами, что давало возможность предотвратить возникновение крупных военных конфликтов между Российской империей и Джунгарским ханством. В то же время слабость российского военного присутствия в Южной Сибири, агрессивная внешняя политика Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии вынуждали русское правительство придерживаться осторожной политики в отношении коренного населения, в том числе в земельном вопросе.

Следует также отметить, что в начале XVII в. в Русском государстве были сложные внутренние проблемы, связанные, в частности, с польско-шведской интервенцией и ее последствиями и не позволявшие сосредоточить на юго-восточной границе достаточное количество военных сил и обеспечить гарнизоны на юге Сибири необходимым военным снаряжением. В условиях прозрачности границ население могло свободно мигрировать за Саяны, а Россия не имела возможности вмешиваться в этот процесс и поэтому была вынуждена проводить осторожную политику в земельном вопросе. Тем более в 1708 г. Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации. Поэтому приграничное положение Хакасско-Минусинского края требовало от властей гибкости в проведении земельной и ясачной политики, а традиционное требование правительства о «не занятии ясачных угодий» имело для края особое значение [16, с. 35–38].

До подписания Буринского трактата 1727 г. между Россией и Китаем пограничный вопрос на данной территории оставался открытым. Еще в середине XVII в. в планы Китая не входило установление общих границ с Россией [17, с. 49], тем не менее Китай на северном и северо-восточном направлениях придерживался курса активных внешних военных захватов. В этот период население Китая выросло в 3 раза – со 100 до 300 млн чел. Пригодные для земледелия земли закончились. Император Цяньлун однажды прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Население продолжает расти, но земли нет» [17].

К концу XVII в. Китай находился на пике своего политического могущества, начиная с времен империи Мин. У императора Канси было достаточно сил, чтобы заняться северными рубежами. В 1689 г. к Китаю по Нерчинскому договору отошла часть Приамурья.

Для обоснования легитимности своих притязаний на территории Южной Сибири Китай использо-

вал тезис о том, что когда-то регион был составной частью империи Юань. Поэтому в 1708 г. Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога на землях енисейских кыргызов и вхождения этих территорий в состав России. В 1712 г. Китай снова повторил требование о ликвидации острога, адресовав свой протест сибирскому губернатору М. П. Гагарину [18, с. 106].

В 1715–1720 гг. линия русских поселений продвинулась в район верховий Иртыша и Енисея. В этой части Сибири и у оз. Зайсан и Ямышева были заложены Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. В июле 1720 г. русское правительство получило письмо из Лифаньюаня, с жалобой на то, что русские, якобы зашедшие в «китайские» рубежи, построили здесь жилища и, кроме того, «вторглись» в «китайскую область Качинскую» [19, с. 90, 97].

Цинский Китай пытался взять южносибирский регион под свой контроль, лишит своего главного противника – ойратов – источника пополнения людских и материальных ресурсов, создать плацдарм для наступления на Джунгарское ханство, находившееся на пике своего военного и экономического расцвета.

Китай в этот период переживал ряд дипломатических и стратегических проблем. В 1723–1735 гг. Юнчжэн провалил попытки сдержать мощь джунгаров в Средней Азии. Кампании, направленные на устранение угрозы со стороны Джунгарского ханства, противостояние на юго-западе местных народов мяо китайской экспансии опустошили казну империи [20, с. 18–21].

При неблагоприятном развитии сценария для китайской стороны в 1727 г. был подписан Буринский трактат – прелиминарный договор о разграничении границ между Российской империей и империей Цин. В 1728 г. был заключен Кяхтинский договор, согласно которому стороны сохраняли статус-кво в районе разграничения, что отражало равновесие сил договаривавшихся держав.

Закрепление за Россией земель к югу от Красноярска и Кузнецка было большим успехом русской дипломатии, так как Цинский Китай признал за русскими территорию, которую ранее контролировали монголы. Вскоре цинские представители испугались практических результатов демаркации, они стали настаивать на пересмотре положения Буринского договора. Но С.Л. Рагузинский-Владиславич категорически отверг их попытки¹⁰.

Подписание договоров с Китаем изменило ситуацию в отношении сибирских народов. С 1720-х гг.

¹⁰ Мясников В.С. Заключение Кяхтинского договора 1728 года. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_III/pred.htm. (дата обращения: 30.07.2020).

намечается новый подход к землевладению, вводится юридическое оформление поземельного права сибирских «иноземцев». Если ранее они владели землями по праву проживания и хозяйствования на них, то теперь обязаны были получить соответствующий документ от русских властей. Особенно это касалось тех, кто обитал в южных, пригодных к сельскому хозяйству районах, активно заселявшихся крестьянами.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Серьезные изменения в отношении поземельных прав народов Сибири нашли отражение в указе 1734 г., который уравнивал их в поземельных правах с русским населением. Земли аборигенных народов объявлялись казенными и как таковые могли использоваться по усмотрению государства. Документирование прав на землю сопровождалось ее межеванием, определением размеров и границ, что порождало многочисленные поземельные споры между разными категориями земледержателей. В результате аборигены попадали в полную зависимость от русской администрации в земельном вопросе, обычной стала практика земельных переделов в государственных интересах (например, отвод земель аборигенов во владение казакам или крестьянам).

С исторической арены исчезло Джунгарское ханство, которое еще в недалеком прошлом претендовало на южносибирские территории и народы. Кончина Галдана Церена в сентябре 1745 г. положила начало новому этапу в истории Центральной Азии – весьма печальному для ханства. К 1759 г. Цинскому Китаю удалось не только ликвидировать Джунгарское ханство, но и практически полностью истребить ойратский этнос [21]. Крушение ханства привело к опустошению значительных территорий и активизации продвижения Китая на северо-запад, что неизбежно вело к возникновению противоречий в этом регионе между двумя империями.

Вплоть до второй половины XVIII в. охотничьи угодья аборигенов оберегались от посягательств переселенцев. А претензии со стороны крестьянства на земельный участок удовлетворялись при условии отсутствия бобровых гнезд, невозможности ведения охотничьего промысла на данной территории, достоверность которых подтверждали как коренные жители, так и переселенцы, заинтересованные в решении этого вопроса.

В случае возникновения споров по поводу охотничьих угодий государство в силу собственных фискальных интересов занимало сторону ясачного населения¹¹. Однако относительно фонда сельскохозяй-

ственных земель Южной Сибири, не предназначенных для охоты, указанное правило не соблюдалось. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Красноярской воеводской канцелярии от 1756 г. На родовые кочевья качинцев, расположенные по р. Бузим, стали претендовать крестьяне и Рождественский женский монастырь. В урочищах находились бобровые гнезда, и по закону подобные территории не подлежали отчуждению. Но качинцы не смогли подтвердить свои исконные права. «У них на ту землю данных и никаких крепостей не имеетца и не предъявили». Между тем качинцы апеллировали к обычному праву, согласно которому земли их предков на законных основаниях принадлежат им: «...Ясачная татара Есаул Килчин Окунев с товарищи словесно сказали якобы прежде всего у дедов и отцов их на Большом Бузуме имеетца звериные промыслы також и по Миндирле речке бобровые гнезда. И на Малом Бузуме их стойбы...». При обследовании территории бобровые гнезда якобы не были обнаружены и поэтому значительные родовые территории были изъяты. Были опрошены крестьяне и старожилы Миндирлинской деревни, заинтересованные в этих участках и соответственно подтвердившие, что в урочищах не ведется охотничий промысел [22, с. 23–24].

Сами качинцы отказались подписывать документы о межевании и освидетельствовании. В них предписывалась передача урочищ во владение г. Красноярска и Миндирлинской деревне. Всего было отдано под пашни 2 тыс. дес. и под сенные покосы на 10 тыс. копен. Часть территории была выделена под подворные строения [22]. Так качинцы постепенно переселяются в Хакасско-Минусинскую котловину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Земельная политика России в отношении автохтонного землевладения в XVII–XVIII вв. эволюционировала от охранительной (когда сибирские народы имели преимущественные права на свои исконные земли) до уравнивательной с русским населением. На трансформацию политического курса оказывали влияние геополитическая ситуация и открытость пограничного вопроса на южносибирских рубежах. Изменение геополитической ситуации в Южной Сибири, крушение Джунгарского ханства, активизация движения Китая на северо-запад привели к опустошению значительных территорий и усилению позиции Российского государства на южносибирских рубежах.

Во второй половине XVIII в. происходит резкое сокращение доходности соболиного промысла. Сбор ясака пушниной теряет свое значение, государство делает ставку на другие источники казенного дохода, в том числе на разработку серебряных руд, развитие мелкой и крупной промышленности, крестьянского

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.

земледелия. А это неизбежно вело к сокращению земельных владений ясачных, поощряя аборигенное население к оседлому образу жизни, развитию земледелия (особенно с начала XIX в.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX–XX вв.) (историко-этнографическое исследование): автореферат дис. ... канд. ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1997. 22 с.
2. Лемтецкая О.М. Землевладение аборигенов Томской губернии в конце XIX – начале XX в. в условиях сохранения вольнозахватного способа землепользования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 342. С. 120–122.
3. Тычинских З.А. Формирование крупного служилого инородческого землевладения Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Сибирский сборник. Курган, 2015. С. 167–170.
4. Доронина И.А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России. На примере Ненецкого автономного округа: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 197 с.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 2. 538 с.
6. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 469 с.
7. Дамешек Л.М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 303 с.
8. Ковалышкина Е.П. Инородческий вопрос в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 323 с.
9. Самрина Е.В. Хакасско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. Трансформация традиционной деятельности хакасов. Махачкала, 2015. 245 с.
10. Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 184 с.
11. Учрежденная под председательством Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1898. Вып. 5: Исторические сведения / сост. А. Щербачев. 325 с.
12. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 335 с.
13. Батмунх Б., Модоров Н.С. Русско-джунгарские отношения в 1717–1745 гг. // Мир Евразии. 2010. № 2-4 (17-19). С. 34–37.
14. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.
15. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
16. Асочакова В.Н. Русская колонизация и хозяйственное развитие Хакасско-Минусинского края // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 35–38.
17. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 238 с.
18. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М.: Наука, 1978. Т. 1: 1700–1725. 669 с.
19. Бантиш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. 565 с.
20. Шоссанд Д. Китай в XVIII веке. Расцвет империи Цин. М.: Вече, 2016. 286 с.
21. Скобелев С.Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // Вестн. НГУ. Серия: История. Филология. Новосибирск, 2010. Т. 9, вып. 5. С. 219–235.
22. Межэтнические связи Приенисейского региона: сб. док. Красноярск: Арх. агентство администрации Красноярского края, 2007. Ч. 1.: 1609–1916 г. 215 с.

REFERENCES

1. Kydyeva V.Ya. Land relations in the Altai Mountains (the late XIX–XX centuries) (historical and ethnographic research): diss. abstr. Moscow, 1997, 22 p. (In Russ.)
2. Lettetskaya O.M. Land ownership of the aboriginals of Tomsk Province in the late XIX – early XX century under conditions of preserving a free-grabbing technique of land use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 342, pp. 120–122. (In Russ.)
3. Tychinskikh Z.A. Forming a large foreign land ownership in West Siberia in the XVII–XIX centuries. *Sibirskiy sbornik*. Kurgan, 2015, pp. 167–170. (In Russ.)
4. Doronina I.A. Political and legal bases for the formation of territories for the environmental management of indigenous small-numbered peoples of the Russian North. A case of Nenets Autonomous District: diss. theses. Moscow, 2005, 197 p. (In Russ.)
5. Okladnikov A.P. (ed.) The history of Siberia since ancient times to nowadays. Vol. 2. Leningrad, Nauka, 1968, 538 p. (In Russ.)
6. Krushanov A.I. (ed.) History of the USSR Far East in the era of feudalism and capitalism (XVII century – February 1917). Moscow, Nauka, 1991, 469 p. (In Russ.)
7. Dameshek L.M. Yasak in Siberia in XVIII – the early XX century. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 2014, 303 p. (In Russ.)
8. Kovalyashkina E.P. The “inorodtsy” question in Siberia. The concept of state policy and regionalist thought. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2005, 323 p. (In Russ.)
9. Samrina E.V. Khakass-Minusinsk region in the XVII–XVIII centuries. Transformation of the traditional Khakass activity. Makhachkala, 2015, 245 p. (In Russ.)
10. Fedorov M.M. The history of legal status of East Siberian peoples as a part of Russia. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 1991, 184 p. (In Russ.)
11. Shcherbachev A. (comp.) The Commission established under the Kulomzin's chairmanship to study land ownership and land use in Transbaikalian Region. Materials. Iss. 5. Historical data. Saint Petersburg, 1898, 325 p. (In Russ.)
12. Zlatkin I.Ya. The Dzungarian Khanate history. Moscow, Nauka, 1964, 335 p. (In Russ.)
13. Batmunkh B., Modorov N.S. Russian-Dzungarian relations in 1717–1745. *Mir Evrazii*, 2010, no. 2-4, pp. 34–37. (In Russ.)
14. Chimitdorzhiev Sh.B. Russia and Mongolia. Moscow, Nauka, 1987, 233 p. (In Russ.)
15. Moiseev V.A. The Dzungarian Khanate and Kazakhs (the XVII–XVIII centuries). Alma-Ata, Gylm, 1991, 238 p. (In Russ.)
16. Asochakova V.N. Russian colonization and economic development of the Khakass-Minusinsk Region. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2018, no. 25, pp. 35–38. (In Russ.)
17. Aleksandrov V.A. Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Moscow, Nauka, 1969, 238 p. (In Russ.)
18. Tikhvinskiy S.L. (ed.) Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1: 1700–1725, 669 p. (In Russ.)
19. Bantysh-Kamenskiy N. Diplomatic affairs assembly between the Russia and China since 1619 to 1792. Kazan', 1882, 565 p. (In Russ.)
20. Shossand D. China in the XVIII century. The Qing Empire rise. Moscow, Vechе, 2016, 286 p. (In Russ.)
21. Skobelev S.G. Demographic consequences of the Dzungaria conquest by the Qing Empire troops. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 2010, vol. 9, no. 5, pp. 219–235. (In Russ.)
22. Rafikov R.G. (ed.) Interethnic relations of the Yenisei region: document collection. Krasnoyarsk, GAKK, 2007, pt. 1. 1609–1916, 215 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.09.2021

Дата рецензирования 24.09.2021

Статья принята к публикации 17.01.2022

DOI: 10.15372/HSS20220108
УДК 314.122(571.14)"1917/1919"

В.И. ШИШКИН

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НОВНИКОЛАЕВСКА
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(МАРТ 1917 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье предпринята попытка выяснить динамику численности и состава народонаселения г. Новониколаевска во время революций 1917 г. и гражданской войны. Автор выявил и критически проанализировал большой массив противоречивой статистической информации, основными источниками которой являлись органы милиции, статистический отдел и адресный стол городской управы. В статье утверждается, что демографическая сфера Новониколаевска испытала на себе воздействие совокупности внешних военно-политических факторов, под влиянием которых она претерпела значительные изменения и деформации. Наибольшее влияние на численность и состав горожан оказали приток беженцев и размещение в Новониколаевске русских и иностранных войск. С осени 1918 г. Новониколаевск был перенаселен, его инфраструктура не справлялась с возложенными на нее обязанностями, о чем городская управа неоднократно информировала верховную власть и министерство внутренних дел. В конце осени – начале зимы 1919 г. из-за дальнейшего увеличения жителей Новониколаевска и тифозной эпидемии демографическая сфера города оказалась в состоянии глубокого кризиса. Она понесла потери, позволяющие оценить их как преддверие локальной демографической катастрофы.

Ключевые слова: Новониколаевск, население, беженцы, военнотруженики, демографическая сфера, городская управа, тифозная эпидемия, демографическая сфера, деформация, катастрофа.

V.I. SHISHKIN

**POPULATION SIZE AND COMPOSITION OF NOVONIKOLAEVSK
DURING THE REVOLUTIONS AND CIVIL WAR (MARCH 1917 – DECEMBER 1919)**

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to study the population dynamics in Novonikolaevsk during the Russian Revolutions of 1917 and the Civil War due to the lack of information in the academic papers, encyclopedias and other scientific publications. The author identifies and critically analyzes a large amount of conflicting statistical data collected in the police archives, statistical department and information bureau of the municipal council. The paper shows that the demography of Novonikolaevsk demonstrated quite incompatible trends during the Russian Revolutions of 1917. In spring and summer, there was an outflow of the male population from the city due to various reasons – conscription into the army, migration to the countryside and sending the garrison troops to the front line. At the same time, Novonikolaevsk was overcrowded with refugees. However, in the fall the city entered a large number of men demobilized from the army. As a result, the number and composition of the city population were changing incessantly. The city authorities believed that in late summer – early autumn of 1917 the total number of residents in Novonikolaevsk, including refugees and military personnel, exceeded the pre-war level of 1914. During the devastating civil war in Russia, Novonikolaevsk was the counter-revolution stronghold. This role and a combination of external military-political factors strongly influenced, changed and deformed the city demography. At first, the most noticeable impact had the influx of refugees from Volga Region, as well as the establishment and relocation of headquarters, military units and military hospitals of Russian and foreign troops. Already in the fall of 1918, Novonikolaevsk was so overpopulated that the city infrastructure could not cope with the popula-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 20-49-540006.

The research was funded by RFBR and Novosibirsk Region, project number 20-49-540006.

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: patric@academ.org; <http://orcid.org/0000-0002-1462-4805>.

Vladimir I. Shishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of History of the SB RAS.

tion needs. In late autumn – early winter of 1919, a new wave of refugees and retreating White Army busted a further increase in the population in Novonikolaevsk, which eventually led to the collapse of city infrastructure. It led to typhoid epidemic affecting thousands of people. As a result, the demography of Novonikolaevsk fell in the deep crisis and suffered losses that may be considered as an eve of the local demographic catastrophe.

Key words: Novonikolaevsk, population, refugees, military personnel, demographic sphere, city administration, typhoid epidemic, demographic sphere, deformation, catastrophe.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

История Новониколаевска (переименованного в начале 1926 г. в Новосибирск) обогатилась за последнюю четверть века не одним десятком научно-исследовательских и научно-популярных публикаций разных жанров: документального, очеркового, энциклопедического. Эти публикации содержат важный и интересный фактический материал о разных сторонах ранней истории Новониколаевска, в том числе об его известных людях, строительстве и архитектуре, органах самоуправления и общественных организациях, экономике и торговле, народном образовании и культуре, быте и повседневной жизни горожан (см., напр.: [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]).

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в указанных изданиях почти отсутствует информация о численности и составе жителей Новониколаевска, в то время как названные показатели являются ключевыми для характеристики любого поселения. Существует всего лишь одна малоформатная специальная публикация на данную тему – энциклопедическая статья В.И. Пронина [9]. В ней имеются только две заметно различающиеся, но обе мало достоверные цифры о количестве населения Новониколаевска в 1917 г., тогда как какие-либо статистические сведения за 1918–1919 гг. совершенно отсутствуют. Логично было бы обнаружить статистические данные о жителях Новониколаевска в 1917–1919 гг. в статье В.А. Исупова, хронологически охватывающей Сибирь в годы революции и гражданской войны [10]. Однако в названной публикации таких сведений нет, а выводы носят умозрительный характер и не опираются на фактические данные. Восполнить выявленный пробел и в первом приближении показать динамику численности и состава населения Новониколаевска в наиболее сложный и драматический период истории города, пришедшийся на время революций 1917 г. и гражданской войны, когда демографическая сфера Новониколаевска испытала наибольшее воздействие чрезвычайных внешних факторов, – такая задача поставлена и решается в настоящей статье.

Заявленное исследование будет выполнено как случай локальной истории в парадигмальных рамках новой городской истории. Ее отличительные черты – максимальное выявление имеющихся источников и их всесторонний анализ, методологический плюрализм и синтез, широкое заимствование методов смежных социальных и гуманитарных дисциплин, допол-

нение традиционных методов классической исторической науки антропологическим и микроисторическим подходами.

Напомним, что в императорской России фиксацию населения осуществляли разные институты и службы. В силу сложившейся национальной традиции с начала XVIII в. регистрацией рождений, браков и смертей, то есть естественного движения населения, ведала церковь, приходы которой вели метрические книги (акты состояния). Учетом наличного и отсутствовавшего населения занималось полицейское ведомство. С начала XIX в. сбор информации о населении стали осуществлять также государственные статистические учреждения, статистические отделы разных ведомств, органы статистики земских и городских самоуправлений.

Что касается Новониколаевска, то в начале XX в. текущий учет численности и состава его населения вели городские (участковые) приставы, являвшиеся низшим звеном полицейского ведомства, и городской адресный стол, существовавший при управлении полиции. Кроме того, иногда в Новониколаевске проводились переписи общего и специального назначения. 23 октября 1905 г. здесь состоялась первая однодневная «поголовная» перепись горожан. В декабре 1910 г. Новониколаевск оказался в числе поселений, охваченных в России городской переписью. Отрывочные и не всегда достоверные сведения за первые полтора десятилетия XX в. непонятного происхождения, в основном об общей численности жителей Новониколаевска, встречаются в документах городской думы и управы.

Следует сказать о статистических данных численности и составе жителей города за 1893–1920 гг., которые были приведены в кратком очерке истории Новониколаевска, опубликованном в адресно-справочной книге «Весь Ново-Николаевск»¹. Книга сразу же после ее выхода в свет получила отрицательный отзыв со стороны известного партийно-советского функционера – заведующего Сибполитпросветом и заместителя заведующего Сибирским отделом народного образования А. Абова (А.А. Ансона), назвавшего ее «мало кому нужной». Особенно резкой критике А. Абов (А.А. Ансон) подверг безымянного автора

¹ Весь Ново-Николаевск. 1924–1925. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города. Новониколаевск, 1924. 302 с.

исторического очерка, отметив, тем не менее, что «ценны в этой “истории” только цифры»².

Однако вопрос о достоверности приведенных в очерке статистических данных А. Абов (А.А. Ансон) не ставил. Видимо, у него эти цифры не вызвали сомнений, хотя в очерке указание на источники приводимой статистической информации присутствовало лишь однажды. Вот как об этом сообщил сам автор очерка: «В местном музее, основанном в 1920 году, имеется в художественном отображении картина роста населения города Новониколаевска в следующей прогрессии»³. Именно из этой картины автор заимствовал статистические сведения о динамике численности населения за 1893–1920 гг.

Можно предположить, что данные об общей численности и половом составе населения Новониколаевска за 1893–1916 гг. автор очерка приводил, частично ориентируясь на сведения полицейского ведомства, публиковавшиеся в официальных ежегодных «Обзорах Томской губернии», которые являлись приложением к «Всеподданнейшему отчету Томского губернатора», а также в ежегодных «Памятных книжках Томской губернии», которые с разрешения губернатора издавал губернский статкомитет. Но цифры, имеющиеся в адресно-справочной книге и в названных дореволюционных изданиях, в значительной своей части не совпадают. Остается загадкой, откуда автор очерка почерпнул сведения об общем количестве и половом составе населения Новониколаевска за 1917–1920 гг., а также о естественном движении населения города и его сословном составе, которые в опубликованной полицейской службой информации присутствовали только за один 1908 г. Особенно странной выглядит таблица о национальном составе жителей Новониколаевска за 1908–1920 гг., принимая во внимание то обстоятельство, что такой параметр в полицейской статистике в принципе отсутствовал, а учитывался вероисповедный состав населения.

Большое удивление вызывает тот факт, что приведенная безымянным автором исторического очерка о Новониколаевске статистика о движении населения и его составе за 1893–1920 гг. иногда использовалась профессиональными историками, которые не подвергали ее критическому анализу и приводили в своих публикациях, принимая за достоверную (см., напр.: [4, с. 372–374; 11, с. 286]).

Ситуация с наблюдением за естественным и механическим движением населения в России резко изменилась после Февральской революции. С весны 1917 г. в связи с ликвидацией полиции и созданием милиции учет наличного населения и его механического движения были возложены на милицию.

После Октябрьского переворота, поскольку церковь была отделена от государства, фиксация естественного движения населения стала обязанностью органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

В Новониколаевске с марта по ноябрь 1917 г. наряду с милицией работу по учету населения попутно вели также статистический отдел комитета порядка и безопасности, продовольственная комиссия и статистическая секция при городском народном собрании, а с ноября 1917 г. – статистический отдел и адресный стол городской управы. В соответствии с постановлением городского народного собрания от 20 мая 1917 г. 12–16 июня в Новониколаевске проводилась перепись постоянно проживавшего в нем наличного гражданского населения. Замышлялась она «для правильного ведения муниципального хозяйства и распределения предметов продовольствия»⁴. В августе 1917 г. в Новониколаевске осуществили новую перепись населения для составления списков избирателей в городскую думу, в соответствии с которыми прошли выборы в ноябре 1917 г.

В 1918–1919 гг., несмотря на неоднократную перемену властей, наблюдение за постоянно и временно проживавшим населением Новониколаевска постоянно вела милиция. Эта задача была возложена на нее сразу же после свержения Советов гражданскими и военными властями Временного Сибирского правительства⁵ [12, с. 12]. Одновременно учетом жителей занимались также статистический отдел и адресный стол городской управы. Кроме того, в марте 1919 г. по решению городской думы в Новониколаевске в очередной раз была проведена перепись населения, имевшего право участвовать в выборах в местную думу.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СФЕРА НОВОНИКОЛАЕВСКА В 1917 г.

В результате о численности населения Новониколаевска в 1917 г. имеется несколько существенно расходящихся между собой опубликованных и архивных статистических данных. Оперативно произведенный предварительный подсчет материалов июньской городской переписи наличного гражданского населения показал, что в Новониколаевске проживало 50 371 чел. Правда, достоверность полученных данных сразу же была поставлена под сомнение. «Цифра эта, – утверждал хорошо осведомленный в теме заведующий статистическим отделом городской управы И.Н. Введенский, – более чем неточная»⁶. Она была намного ниже, чем зафиксировало на 1 ян-

² Сибирские огни. Ново-Николаевск, 1923. № 3. С. 226.

³ Весь Ново-Николаевск... Первый отдел. С. 30.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 221. Л. 77.

⁵ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 240. Л. 114.

⁶ Там же. Л. 47.

варя 1914 г полицейское ведомство, насчитавшее тогда в городе 89 319 чел.⁷, 49 820 из которых были мужского и 39 499 – женского пола⁸.

Имелось несколько причин резкого уменьшения численности постоянных жителей Новониколаевска к середине 1917 г. по сравнению с довоенным временем. Наверное, главная из них – это мобилизация в вооруженные силы взрослого мужского населения. В среднем по Российской империи удельный вес призванных в армию за время Первой мировой войны составлял 22,6 % от числа всех мужчин. Если ориентироваться на эту цифру, то в Новониколаевске за первые три года войны в вооруженные силы было мобилизовано примерно 11 тыс. чел.

Еще одна причина – это возвращение с началом войны части горожан в деревню. Население Новониколаевска, являвшегося поселением молодым и стремительно растущим, вместе с тем не отличалось достаточной устойчивостью. Необходимо напомнить, что по полицейской статистике в 1908 г. 64,2 % новониколаевских жителей по сословному признаку относились к разряду крестьян. С началом войны, когда обнаружилась нехватка мужских рабочих рук в сельском хозяйстве, значительная часть мужского населения Новониколаевска, еще не укоренившегося в городе, вернулась в родные деревни. Эта миграция никем не учитывалась и составить представление о ее масштабах невозможно. Но счет идет на тысячи человек, поскольку покинувшие город жители должны были в значительной мере компенсировать убыль крестьян, мобилизованных в армию.

На результатах июньской переписи 1917 г. жителей Новониколаевска серьезно сказалась также неполнота охвата объектов учета. Вскоре выяснилось, что в трех основных районах города – Вокзальном, Центральном и Закаменском – регистраторы-переписчики совершенно не описали около 400 домов, что при среднем количестве 12,5 жильцов в каждом доме давало прибавку почти в 5 тыс. чел.

Точно так же они не учли население, жившее в полосе отчуждения железной дороги, дач, Военного поселка, почти всех домов по течению р. Каменка, Сухарного завода, Холодильника и так называемой Нахаловки. Даже в некоторых описанных регистраторами-переписчиками домах трех основных районов имелось по несколько неописанных квартир, а в описанных квартирах – неучтенных жильцов. Количество таких жителей один из специалистов суммарно определил примерно в 8 тыс. чел.⁹. Следовательно, число постоянного гражданского населения Новониколаев-

ска в середине 1917 г., как минимум, должно было составлять не меньше 63,4 тыс. чел. Но в любом случае (даже с учетом призванных в армию и мигрировавших в деревню) сохраняется большой разрыв в статистических данных о численности горожан на 1 января 1914 г. и на середину 1917 г., который в настоящее время рационального объяснения не имеет.

Разработка статистическим отделом Новониколаевской городской управы части переписи избирателей, проведенной в августе 1917 г., позволила его сотрудникам сделать вывод о том, что к 1 сентября 1917 г. численность населения Новониколаевска составляла 97 977 чел¹⁰.

Можно назвать две главные причины столь стремительного увеличения числа горожан всего лишь за два летних месяца. Одна из них – более полный охват объектов учета, другая – включение в число горожан временно проживавших здесь и даже не прописанных. Как следствие такого подхода к проведению переписи особенно большой прирост был достигнут благодаря причислению к жителям города нескольких тысяч военнослужащих запасных полков Новониколаевского гарнизона и беженцев войны из прифронтовой полосы, в основном латышей и поляков. Их включения в перепись настойчиво добивались «левые» радикалы из числа местных социалистов, которые делали ставку на предстоявших выборах в городскую думу не на постоянное, укорененное население, а на пришлое, надеясь получить его голоса¹¹. «<...> У нас в Ново-Николаевске в комитете порядка и общественной безопасности при разработке положения о выборах, – вспоминал об этом год спустя крупный общественный деятель, правый эсер-оборонец А.В. Сазонов, – чуть-чуть было не прошло предложение дать право голоса китайским подданным». А один из участников совещания о выборах высказался даже за то, чтобы «дать право голоса всем военнопленным»¹².

В конечном итоге вслед за статистическим отделом городская управа и дума признали, что общая численность жителей Новониколаевска в конце лета – начале осени 1917 г. составляла 97 977 чел. В последующем со ссылкой на городскую управу эта цифра неоднократно публиковалась в местной периодической печати и тем самым фактически получила официальное признание¹³. Появившиеся в начале

¹⁰ Там же. Л. 44 об.

¹¹ Городской голова считал, что в 1917 г. в Новониколаевске осело около 5,0 тыс. беженцев (см.: ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 258. Л. 177 об.).

¹² Сазонов А. К вопросу о необходимости перевыборов в городские и местные самоуправления // Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 17 окт.

¹³ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 327. Л. 4; Численность городского населения // Народная Сибирь. 1918. 16 окт.; К выяснению количества жителей города // Русская речь (Новониколаевск). 1918. 16 нояб.

⁷ В источнике ошибочно: 84 319 чел.

⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915. Вторая пагинация. С. 4.

⁹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 244. Л. 47 об. – 48.

1920-х годов в печати другие статистические данные (69 827 чел. в одном случае, 107 129 чел. – в другом)¹⁴ не имеют ни точной датировки, ни указания на укорененность жителей (постоянные или временные) и, самое главное, указаний на источники информации. Они не могут считаться объективно характеризующими состояние народонаселения Новониколаевска в 1917 г.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В 1918 г.

В первые пять месяцев 1918 г. в демографической сфере Новониколаевска интенсивно шли два разнонаправленных процесса. С одной стороны, она довольно быстро сокращалась за счет демобилизации и отпуска по домам военнослужащих запасных полков местного гарнизона. С другой стороны, не столь активно, но происходило ее пополнение бывшими горожанами, которые возвращались из армии на постоянное место жительства, беженцами Мировой войны из прифронтовых районов, а также спасавшимися от голода, охватывавшего города европейской части России.

В конце весны – начале лета 1918 г. положение Новониколаевска на геополитической карте России резко изменилось, а его роль в текущих событиях – увеличилась. В ночь на 26 мая 1918 г. в результате вооруженного выступления легионеров Чехословацкого корпуса, поддержанного местными добровольческими отрядами Временного Сибирского правительства, советская власть в городе была свергнута. 28 мая в Новониколаевске было введено военное положение. С этого времени и по 9 июня здесь находился командующий войсками Западно-Сибирского военного округа Временного Сибирского правительства полковник А.Н. Гришин-Алмазов, с 5 по 12 июня дислоцировался Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, являвшийся тогда верховной властью на освобожденной от большевиков территории. Почти две недели в Новониколаевск тянулись все нити военного и гражданского управления. После переезда Западно-Сибирского комиссариата в Омск город стал превращаться в своеобразную опорную базу для Сибирской армии и антибольшевистского фронта.

В Новониколаевске активно формировались и дислоцировались штабы, воинские части, училища и госпитали, велась заготовка для армии продовольственных продуктов и обмундирования, осуществлялась приемка раненых, больных и беженцев. Нагрузка на Новониколаевск, органы его самоуправления, ин-

фраструктуру и жителей неуклонно возрастала. Ситуация усугублялась тем, что 30 июля в городе и его окрестностях появились первые заболевшие холерой, количество которых через месяц достигло 114 чел. 41 из них скончался, но возникновение эпидемии тогда удалось предотвратить¹⁵. Очень плохо было в Новониколаевске с санитарией. Точнее, по оценке местной газеты «Народная Сибирь» от 11 сентября 1918 г., «город находится в отвратительных условиях».

Из-за угрозы эпидемических заболеваний, безработицы, вызванной снижением деловой активности, и жесткого военного положения Новониколаевск стал терять свою привлекательность как место проживания. 8 сентября в «Народной Сибири» появилась статья с весьма симптоматичным названием «Тяга из города». В ней со ссылкой на городскую управу сообщалось, что за август Новониколаевск покинуло 394 чел., главным образом безработных неженатых мужчин.

Городская управа, однако, опираясь на данные своего статистического отдела, считала, что к осени 1918 г. численность жителей Новониколаевска стала больше, чем была год тому назад. Основанием для такого вывода стало дополнительное обследование жителей, вернувшихся к 1 сентября 1918 г. в город с окраин, дач, хуторов и других местечек, в ходе которого переписчикам удалось зарегистрировать еще 12 923 чел. Эти вновь выявленные жители были приплюсованы к зафиксированным в августе 1917 г. 97 977 чел., что в совокупности дало основание считать количество горожан равным 110 900 чел.¹⁶ Причем, как утверждал 23 сентября 1918 г. в своем выступлении на заседании городской думы заведующий статистическим отделом управы И.Н. Введенский, «произошли сильные изменения в самом составе населения»¹⁷. Однако в чем эти изменения заключались, И.Н. Введенский не объяснил.

Осенью 1918 г. жилищная ситуация в Новониколаевске продолжала ухудшаться. Особенно неблагоприятное влияние на нее оказали три фактора. Прежде всего сказался отвод в город воинских частей с фронта для отдыха и переформирования. Уже 28 сентября состоялось совместное совещание по квартирному вопросу присутствия городской управы и представителей 1-го Новониколаевского, 2-го Барабинского кадровых полков и военно-топографического училища. Оно приняло решение об уплотнении населения города, взяв за норму 3 куб. сажени помещения для взрослого и 1,5 куб. сажени – для детей до 12-летнего возраста¹⁸. Вскоре в город передислоцировался

¹⁴ Ново-Николаевская губерния. Статистический очерк. (Труды Сибирского статистического управления; вып. 6). [Новониколаевск, 1921.] С. 27; Весь Ново-Николаевск... Первый отдел. С. 30.

¹⁵ Случаи холеры в Новониколаевске // Народная Сибирь, 1918. 7 авг.; Хроника. Холера // Народная Сибирь, 1918. 6 сент.

¹⁶ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 310а. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 274. Л. 29.

¹⁸ Там же. Д. 243. Л. 120.

отряд полковника А.П. Степанова бывшей Народной армии Комитета членов Учредительного собрания (6-я Казанская стрелковая дивизия), а затем еще несколько более мелких частей, что обострило квартирную проблему.

Большой нагрузкой на Новониколаевск, его инфраструктуру, бюджет и постоянных жителей стало превращение города в распределительный пункт беженцев. Городская дума категорически, но безуспешно протестовала против этого решения министерства внутренних дел, резонно предлагая сделать таким пунктом Челябинск или, в крайнем случае, Омск, и просила не допустить хлынувшую из Поволжья волну беженцев до Новониколаевска¹⁹. Однако добиться изменения позиции министерства ей не удалось.

Еще одним правительственным решением, усугубившим ситуацию в Новониколаевске, стало постановление Совета министров Временного Сибирского правительства от 21 октября о формировании в городах Сибири национальных лагерей военнопленных дружественных для России наций с последующим созданием на их основе добровольческих национальных вооруженных сил. При распределении потенциальных союзников по городам Новониколаевску достались поляки, поскольку здесь имела их большая колония и в середине октября был проведен первый Всесибирский съезд поляков²⁰.

Основываясь на данных своего статистического отдела и уплотнительной комиссии, городская управа считала, что только за сентябрь – октябрь 1918 г. в Новониколаевск прибыло 49 650 чел. гражданского населения, а численность расквартированных воинских частей достигла 29 450 чел. Общую численность живущих в Новониколаевске на 1 ноября 1918 г. городская управа определяла в 190 тыс. чел.²¹ При этом в докладе, направленном в середине октября 1918 г. министру внутренних дел Временного Сибирского правительства, городской голова сообщил, что количество населения Новониколаевска «в настоящий момент доходит до 130 000 человек»²².

Иные данные приводила авторитетная и хорошо информированная местная газета «Русская речь». Она утверждала, что за вторую половину 1918 г. в Новониколаевск прибыло 20 348 чел., из них 10 757 мужчин, 6167 женщин и остальные – дети. В основном это были русские (16 995 чел.) по национальности и православные (16 797 чел.) по вероисповеда-

нию. Кроме того, имелись католики (1066 чел.), иудеи (711 чел.), протестанты (500 чел.) и мусульмане (424 чел.). Среди новоселов многие (8784 чел.) являлись холостяками, 7698 чел. имели семьи, 65 оказались разведенными, семейное положение остальных выяснить не удалось. Большинство приехавших (12 893 чел.) заявили, что знают грамоту, 6409 чел. назвали себя неграмотными. Свою профессиональную принадлежность определили немногие: 3344 чел. назвали себя чернорабочими, 1867 чел. – рабочими и ремесленниками и 1592 чел. – торговцами. Тремя самыми многочисленными группами в числе приехавших в Новониколаевск оказались жители Западной Сибири (8254 чел.), европейской части России (6697 чел.) и Восточной Сибири (2438 чел.). Всего, по сведениям газеты, на 1 января 1919 г. гражданское население Новониколаевска составляло 115 842 чел.²³ Подсчитывая в середине января 1919 г. количество необходимых для горожан предметов снабжения, статистический отдел городской управы исходил из цифры в 115 631 чел.²⁴ Скорее всего, две последние цифры наиболее правильно отражают численность гражданского населения Новониколаевска в конце 1918 г.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ НОВНИКОЛАЕВСКА В 1919 г.

Несмотря на значительные расхождения в определении количества жителей Новониколаевска в разных источниках, можно согласиться с автором, который специальную статью о жилищной кризисе, опубликованную в конце ноября 1918 г., начал такими словами: «Жилищный кризис в г. Ново-Николаевске, достиг своей остроты»²⁵. Еще более эмоционально высказался на заседании городской думы 2 декабря хорошо знавший ситуацию член управы Ф.Е. Панкратов, заявивший, что «город в квартирном отношении [был] вконец задушен»²⁶. Естественным следствием высокой мобильности населения, уплотнения жилых помещений Новониколаевска и переполнения их мигрантами и военнослужащими стала очередная вспышка тифа в начале ноября. 6 ноября врачебно-санитарный совет признал город «неблагополучным по тифу»²⁷. 11 ноября городской голова А.К. Скворцов послал военному министру и министру внутренних дел телеграмму, в которой просил о приостановке дальнейшего размещения в Новониколаевске воин-

¹⁹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 258. Л. 177; Городская дума // Народная Сибирь, 1918. 16 окт.

²⁰ Первый Всесибирский съезд поляков // Народная Сибирь, 1918. 16 окт.; Военные кредиты и местные финансы // Там же, 1918. 27 окт.

²¹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 310а. Л. 3; Хроника // Русская речь (Новониколаевск), 1918. 16 нояб.

²² ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 258. Л. 177–178 об.

²³ Хроника // Русская речь, 1919. 5 февр.

²⁴ В чем нуждается Ново-Николаевск // Русская речь, 1919. 17 янв.

²⁵ Х-кий П. Жилищный кризис в г. Н[ово]-Николаевске // Народная Сибирь, 1918. 23 нояб.

²⁶ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 267. Л. 88.

²⁷ Там же. Д. 274а. Л. 103 об.; Выработка мер по борьбе с тифозной эпидемией // Народная Сибирь, 1918, 9 нояб.

ских частей и о крайней необходимости хотя бы частичного вывода польских войск²⁸.

В июне 1919 г. городская управа признала, что с 1 ноября 1918 г. она не располагала достоверной информацией о количестве населения Новониколаевска, поскольку ежедневные сведения о его движении не обрабатывались статистическим отделом. Причины такого положения она не называла. Дело же заключалось в том, что сначала был мобилизован в армию заведующий отделом И.Н. Введенский, имевший звание прапорщика, а потом 8 ноября возник конфликт между управой и сотрудниками отдела, завершившийся увольнением всех его служащих²⁹.

В принципе гласные городской думы понимали необходимость иметь статистический отдел и справочный стол. Но управа не смогла быстро набрать на работу специалистов по статистике, что обусловило отсутствие в ее распоряжении точной информации. Однако с учетом того, что в течение декабря 1918 – мая 1919 г. беженцы и военнослужащие продолжали прибывать в город, управа с уверенностью утверждала, что «народонаселение города Ново-Николаевска в настоящее время достигает до 200 000 человек»³⁰.

Совершенно очевидно, что сведения городской управы о росте численности жителей Новониколаевска всего за два месяца, за сентябрь – октябрь 1918 г., почти на 50 тыс. чел. являлись явно завышенными. Тем более невозможно признать достоверным ее утверждение о том, что к лету 1919 г. количество живущих в городе – даже с учетом беженцев, русских и иностранных военнослужащих – достигло 200 тыс. чел. Хотя, безусловно, демографическая сфера города уже подверглась существенной деформации. Во всяком случае удельный вес его постоянного населения не достигал и половины количества проживавших в городе.

Имеется один косвенный показатель, позволяющий скорректировать оценки городской думой количества населения Новониколаевска весной 1919 г. В качестве такового можно использовать данные о числе избирателей, полученные в ходе специальной переписи, проведенной в городе в марте 1919 г. Напомним, что право принять участие в выборах тогда получили только постоянные жители Новониколаевска в возрасте от 21 года и старше. Отвечающих этим требованиям горожан оказалось всего 24 794 чел.³¹. Скорее всего, количество постоянных жителей Новониколаевска к весне 1919 г. по сравнению с концом лета – началом осени 1918 г. даже несколько сократи-

лось, а рост численности городского населения происходил за счет временно проживавших, главным образом беженцев и военнослужащих.

Не исключено, что городская управа Новониколаевска, на протяжении полугода добивавшаяся от Российского правительства финансирования общегосударственных мероприятий, в том числе военного постоя, содержания милиции и учебных заведений, сознательно преувеличивала количество населения для того, чтобы добиться от министерства внутренних дел финансовой поддержки, с одной стороны, уменьшения потока беженцев и сокращения размещенных в городе многочисленных воинских контингентов – с другой. Однако единственное, чего городская управа достигла таким образом, стало признание министерством внутренних дел того, что «рост города Ново-Николаевска является исключительным»³².

Если верить сообщению местной газеты, указанная тенденция сохранилась и летом 1919 г. «С 28 июня, – сообщалось в хроникальной заметке, – население города с каждым днем увеличивается, и к концу июля увеличилось почти в два раза»³³. Это утверждение основывалось на совершенно ненадежном источнике информации: выручке, полученной адресным столом от продажи адресных знаков и справок частным лицам. В действительности никаких серьезных внешних факторов, которые могли бы вызвать такой приток мигрантов в Новониколаевск, в это время не существовало. К тому же демографическая сфера города к данному времени была настолько переполнена, что городской голова отказался выполнить просьбу даже верховных властей о приеме тысячи беженцев из Воткинского завода. Принять их, телеграфировал он 25 сентября 1919 г. министру внутренних дел и управляющему губернией, «возможно только [при] условии выселения коренных жителей по деревням»³⁴.

Другое дело – конец лета – начало осени 1919 г., когда после поражения колчаковских войск в Уфимской и Челябинской операциях появились беженцы сначала с Урала, потом из Зауралья и, наконец, – из Омска. Но большинство из них не рассматривали Новониколаевск как пункт своего пребывания, не пытались обосноваться и закрепиться в нем в качестве жителей. Для них Новониколаевск являлся транзитным городом в дальнейшем передвижении на восток. Местные врачи, которые лучше всех остальных представляли масштабы демографической сферы Новониколаевска, считали, что в декабре 1919 г. численность его населения достигла примерно 200 тыс. чел. [13, с. 23].

²⁸ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 246. Л. 8.

²⁹ Увольнение служащих статистического отдела гор[одской] управы // Народная Сибирь, 1918. 12 нояб.

³⁰ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 310а. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 327. Л. 140.

³² Реур А. Надежды и печальная действительность // Русская речь. 1919. 17 янв.

³³ Хроника // Русская речь, 1919. 13 авг.

³⁴ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 258. Л. 95, 160.

В ПРЕДВЕРИИ ЛОКАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Прибытие в ноябре – первой половине декабря 1919 г. в Новониколаевск нескольких десятков тысяч беженцев и отступавших колчаковских военнослужащих привело к тому, что инфраструктура города перестала справляться с возложенными на нее задачами, а сам город приобрел вид человеческого муравейника, переполненного военнослужащими, детьми, пожилыми, ранеными и больными тифом. По официальной статистике, в начале декабря в городе насчитывалось около 2 тыс. тифозных гражданских и военных. На самом деле их количество было на порядок больше. В это время имели место случаи, когда военные власти практиковали так называемую «разгрузку»: для размещения подчиненных им офицеров и солдат они принуждали горожан покидать свои жилища и переселяться в близлежащие деревни. Фактически демографическая сфера Новониколаевска вступила в состояние глубокого кризиса, который усугублялся тем, что по времени совпал с управленческим, транспортным и санитарно-медицинским коллапсами.

В конечном счете названные невзгоды обернулись для населения города колоссальными потерями, реальный масштаб и структуру которых никто, конечно, статистически не зафиксировал и даже не пытался это сделать. Лишь несколько месяцев спустя в результате проведенной 28 августа 1920 г. демографической переписи было установлено, что в Новониколаевске осталось всего 67 989 чел., 33 029 из которых были мужчинами и 34 960 – женщинами³⁵. Такая численность населения была на 21 тыс. чел. меньше, чем в довоенном 1914 г., и почти на 30 тыс. чел. меньше, чем в революционном 1917 г. Другими словами, в середине декабря 1919 г. народонаселение Новониколаевска оказалось на пороге локальной демографической катастрофы, которая разразилась на рубеже 1919 и 1920 гг. Имеющиеся статистические источники свидетельствуют о том, что во время революции и гражданской войны демографический потенциал Сибири пострадал значительно меньше, чем других областей России. Судя по всему, население Новониколаевска из-за огромных масштабов поразившей город эпидемии сократилось значительно больше, чем остальных городов Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новосибирск. Энциклопедия. Новосибирск, 2003. 1071 с.
2. История города. Новониколаевск–Новосибирск: исторические очерки: в 2 т. Новосибирск. 2005. Т. 1. 864 с.; 2006. Т. 2. 640 с.

³⁵ Население Сибири: по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.: погубернские, поездные и поволостные итоги. Т. 1, вып. 1. (Труды Сибирского статистического управления; вып. 5). Новониколаевск, 1921. С. 13; Ново-Николаевская губерния: стат. очерк (Труды Сибирского статистического управления; вып. 6). Новониколаевск, 1921. С. 28.

3. Новосибирск: люди, годы, жизнь. Новосибирск, 2007. 388 с.
4. 10 лет на службе городу. Новониколаевская городская дума в документах и материалах, 1909–1919. Новосибирск, 2008. 566 с.
5. Косякова Е. Неизвестные страницы городской истории. Ново-Николаевск – Новосибирск: быт и повседневность первой половины XX в. Новосибирск, 2009. 274 (288) с.
6. Ладыгин И.В. Ново-Николаевск в военном мундире (1904–1920 гг.). Новосибирск, 2013. 152 с.
7. Голодяев Н.А. Старый Новосибирск. Новосибирск, 2016. 321 с.
8. История города Ново-Николаевска. 1893–1908: сб. док. Новосибирск, 2020. 320 с.
9. Пронин В.И. Население Новониколаевска // Новосибирск. Энциклопедия / глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2003. С. 555–556.
10. Исупов В.А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. IV. С. 78–111.
11. Горюшкин Л.М., Боханова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. 296 с.
12. Сибирская милиция (1918–1919): сборник нормативно-правовых документов. Кемерово, 1997. 96 с.
13. Чекаertif: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 – апрель 1920): сборник документов и материалов. Новосибирск, 2021. 200 с.

REFERENCES

1. Lamin V.A. (ed.) Novosibirsk: encyclopedia. Novosibirsk, 2003, 1071 p. (In Russ.)
2. Kosenkov A.F. (ed.) History of the city. Novonikolaevsk – Novosibirsk: historical essays. In 2 vols. Novosibirsk, 2005–2006, vol. 1. 2005, 864 p.; vol. 2. 2006, 640 p. (In Russ.)
3. Klimenko N.V. (ed.) Novosibirsk: people, years, life. Novosibirsk, Voyazh, 2007, 388 p. (In Russ.)
4. Bayandin V.I. (ed.) 10 years in the service of the city. Novonikolaevsk City Duma in documents and materials, 1909–1919. Novosibirsk, Tsentr arkhivnykh tekhnologiy, 2008, 566 p. (In Russ.)
5. Kosyakova E. Unknown pages of urban history. Novonikolaevsk – Novosibirsk: everyday life of the first half of the XX century. Novosibirsk, Sib. Gornitsa, 2009, 288 p. (In Russ.)
6. Ladygin I.V. Novo-Nikolaevsk in a military uniform (1904–1920). Novosibirsk, Sib. knizh. izd-vo, 2013, 152 p. (In Russ.)
7. Golodyaev N.A. Old Novosibirsk. Novosibirsk, Museum of Novosibirsk, 2016, 321 p. (In Russ.)
8. Posadskov A.L. (ed.) History of Novo-Nikolaevsk city. 1893–1908: collection of documents. Novosibirsk, Novosib. izd. dom, 2020, 320 p. (In Russ.)
9. Pronin V.I. Population of Novonikolaevsk. Novosibirsk. Encyclopedia. Novosibirsk, 2003, pp. 555–556. (In Russ.)
10. Isupov V.A. The population of Siberia during the years of wars and revolutions (1914–1922). *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri*. Novosibirsk, 2015, iss. 4, pp. 78–111. (In Russ.)
11. Goryushkin L.M., Bochanova G.A., Tsepilyaev L.N. Novosibirsk in the historical past (the late XIX – early XX centuries). Novosibirsk, Nauka, 1978, 296 p. (In Russ.)
12. Zvyagin S.P., Petrusheva L.I. (copms.) Siberian militia (1918–1919): collection of normative legal documents. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997, 96 p. (In Russ.)
13. Simonov D.G., Savin A.I. (eds.) Chekatif: Tomsk (Novonikolaevsk) provincial extraordinary commission for the fight against typhus (December 1919 – April 1920): a collection of documents and materials. Novosibirsk, 2021, 200 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.12.2021

Дата рецензирования 15.01.2022

Статья принята к публикации 02.02.2022

DOI: 10.15372/HSS20220109
УДК 94:338.43(47)"192/193"

В.А. ИЛЬИНЫХ

СОВЕТСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА В 1920 – 1930-е гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Задачей настоящей статьи является аналитическая репрезентация советской и постсоветской историографии проблемы достоверности советской сельскохозяйственной статистики в 1920–1930-е гг. Научный анализ этой проблемы начался в конце 1950-х гг. Исследователи выявили, что одни и те же показатели сельскохозяйственного производства в разных статистических источниках изучаемого периода часто определялись разными величинами. В этих условиях основные усилия ведущих историков были направлены на отбор тех данных, которые, по их мнению, имели наиболее достоверный характер. В итоге к началу 1970-х гг. был составлен перечень статистических источников, сведения которых были признаны надежными.

В постсоветский период исследование проблемы возобновилось. Наиболее интенсивно обсуждались вопросы достоверности статистики посевных площадей и урожайности зерновых культур. Несмотря на существенное приращение исторических знаний, данная проблема по-прежнему остается дискуссионной и требует дальнейшего анализа.

Ключевые слова: сельское хозяйство, нэп, коллективизация, государственная статистика, посевные площади, урожайность, поголовье скота, источники, сельскохозяйственные переписи, Сибирь.

V.A. IL'INYKH

SOVIET AGRICULTURAL STATISTICS IN 1920s–1930s: HISTORIOGRAPHY ISSUES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to provide an analytical representation of Soviet and post-Soviet historiography on the problem of Soviet agricultural statistics reliability in 1920s–1930s. The scientific analysis of the issue began in the late 1950s. Researchers found that the same indicators of agricultural production for the same year in different statistical sources of the studied period have often quite different values. Under these conditions, main efforts of leading historians were directed at selecting most reliable data. As a result, by the early 1970s historians had compiled a list of official collections of statistical materials, which were found to be reliable. Analyzing the problem of yield statistics, researchers opposed to the transition to a biological tool for defining yield.

In the post-Soviet period, the study of the problem resumed. Questions of the statistics reliability of sown areas started being discussed. Some researchers have come to conclusion that official data on the cultivated area size in 1920s were overestimated due to manipulative amendments. Their opponents believe that the reason to introduce amendments into the processed data of agricultural censuses was concealing real size of their farms by peasants. At the same time, improving the methodology to determine the underestimation amount led to periodic correction of the officially adopted indicators.

Article focuses on organization of yield statistics in 1930s. Most historians believe that accounting to yields these years had a low confidence level. Amendments were tendentious. Size of the officially approved gross collection did not depend on the real barn weight, but on political situation. Basic indicator of its definition was biological productivity. However, there is an opposite point of view as well. Despite a significant increase in historical knowledge, the problem of reliability of agricultural statistics in the 1920s–1930s still remains controversial and requires further analysis.

Key words: agriculture, NEP, collectivization, statistical monitoring, cultivated area, crop yield, livestock, agricultural censuses, Siberia.

Владимир Андреевич Ильных – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>

Vladimir A. Il'inykh – Doctor of Historical Science, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения результативности аграрных преобразований. К числу наиболее значимых проблем современной отечественной историографии относятся социально-экономические последствия новой экономической политики и коллективизации. Определение тенденций развития сельского хозяйства в целом невозможно без анализа динамики его отраслей.

В изучаемый период базовой отраслью аграрной экономики России в целом и Сибири в частности оставалось земледельческое хозяйство, основной специализацией которого являлось выращивание зерновых культур (хлебов). Второй по значимости отраслью сельского хозяйства региона было животноводство. К интегральным показателям развития растениеводства относятся посевные площади зернового хозяйства – площадь посева, урожай (валовый сбор) и урожайность (сбор с единицы площади пашни), животноводства – поголовье основных видов сельскохозяйственных животных.

В качестве информационной основы для определения тенденций развития отраслей аграрной экономики традиционно применяются динамические ряды. Базовым источником для построения рядов динамики служат материалы опубликованной статистики, которые основываются на результатах обработки массовых источников, полученных в ходе статистического мониторинга. Однако проблема достоверности советской сельскохозяйственной статистики имела и имеет дискуссионный характер.

Задачей настоящей статьи является аналитическая репрезентация советской и постсоветской историографии проблемы достоверности советской сельскохозяйственной статистики в 1920–1930-е гг.

СОВЕТСКИЙ ЭТАП ИСТОРИОГРАФИИ

Определение динамики развития сельского хозяйства СССР и его регионов в 1920–1930-е гг. было одним из приоритетных направлений проводимого в это время статистического мониторинга. Вслед за сбором и обработкой массовой статистической информации осуществлялась ее публикация. Презентация сельскохозяйственной статистики сопровождалась аналитическим обобщением полученных материалов, которое имеет историографическое значение.

Собственно историографию проблемы следует вести с конца 1950-х гг., когда к ней обратились советские историки. Начав научный анализ сельского хозяйства, они столкнулись с ситуацией, которую В.П. Данилов определил как «статистическую разногласицу» [1, с. 279]. Один и тот же показатель сель-

скохозяйственного производства за один и тот же год в разных статистических источниках исследуемого периода часто определялся разными, а иногда существенно различающимися величинами.

Ситуация еще больше осложнилась после проведенного в конце 1950-х гг. ЦСУ СССР исправления ранее принятых данных об урожайности и валовых сборах зерновых культур в 1933–1939 гг. В свою очередь отправной точкой для внесения правок стал осуществленный по инициативе Н.С. Хрущева отказ от метода определения урожайности, который официально определялся как биологический¹. Валовый сбор зерна стали устанавливать в так называемом амбарном весе. Поскольку амбарный урожай² был существенно ниже биологического, при публикации данных без пересчета могло создаться впечатление, что в постсталинский период ситуация в зерновом хозяйстве страны не улучшилась. Инициатива статистических новаций также принадлежала Н.С. Хрущеву.

В опубликованных в конце 1950-х гг. официальных статистических изданиях были приведены отличные от обнародованных в 1930-е гг. данные о среднегодовых валовых сборах зерна и среднегодовой урожайности в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.), которые были пересчитаны в амбарном весе: 72,9 млн т. и 7,1 ц/га³. Применительно ко второй пятилетке показатели остались прежними: 73,6 млн т. и 7,5 ц/га.⁴

В начале 1960-х гг. изменение ранее обнародованных сведений вызвали сомнения в их корректности. Оппоненты считали новые данные об урожайности в годы второй пятилетки заниженными, поскольку они уступали показателям первой пятилетки. В связи с этим ставился вопрос, как в условиях снижения валового сбора зерновых советскому государству удалось в конце 1934 г. отменить карточную систему на хлеб, добиться увеличения натуральных выдач зерна колхозникам на трудодни, а в конце десятилетия нарастить экспорт хлеба (см.: [2, с. 468, 469, 470].

¹ Биологический урожай, или урожай на корню, – выращенный, но еще не убранный урожай, который определяется на стадии завершения созревания хлебов (перед началом уборки) либо экспертным путем, либо выборочным ручным или машинным обмолотом.

² Амбарный урожай – зерно, фактически поступившее (оприходованное) после обмолота в распоряжение хозяйства. Это зерно может быть складировано для внутрихозяйственных нужд либо отправлено на государственные заготовительные пункты.

³ По данным официальной статистики конца 1930-х гг., в 1933–1937 гг. среднегодовая урожайность в СССР составляла 9,1 ц/га, а среднегодовой урожай – 94,6 млн т. (Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М., 1939. С. 97–98; Сельское хозяйство Союза ССР: стат. справочник. М., 1939. С. 246; Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 83).

⁴ Народное хозяйство СССР в 1958 году: стат. ежегодник. М., 1959. С. 352. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 196.

С критикой подобной позиции выступил И.Е. Зеленин. Он полагал, что отменить карточную систему позволило наращивание объемов государственных хлебозаготовок. В конце 1920-х гг. «в государственные закрома поступало очень мало хлеба», в том числе из-за организованной кулацкими элементами «хлебной стачки». Рост заготовок «к концу периода сплошной коллективизации» был связан в том числе со снижением потребности деревни в хлебе. Значительная часть бывших крестьян ушла в город, резко сократилось поголовье скота. Увеличение размеров распределяемого между колхозниками зерна в 1933–1934 гг. обуславливалось, по его мнению, уменьшением отчислений в различные виды натуральных фондов, упорядочиванием системы распределения, улучшением хранения собранного урожая и другими факторами [2, с. 470, 472].

Комментируя точку зрения И.Е. Зеленина, отметим, что одной из основных причин наращивания объемов государственных хлебозаготовок в первой половине 1930-х гг. действительно являлось увеличение товарности колхозного производства. Однако эта товарность в значительной степени имела принудительный характер.

Ю.А. Мошков и М.А. Вылцан также считали указанный пересчет данных о валовых сборах и урожайности зерновых культур в целом корректным [3, с. 270; 4, с. 481]. Вместе с тем были обоснованы различные позиции по времени перехода к биологическому методу определения урожайности, методам его исчисления, соотношению биологического и амбарного урожая. По мнению Ю.А. Мошкова, начиная с 1933 г. валовые сборы зерновых оценивались не по действительному сбору, а по «оптимально-хозяйственному», а с 1939 г. – по биологической урожайности [3, с. 466]. И.Е. Зеленин полагал, что с 1933 г. урожай на корню определялся с помощью метровок⁵. При этом при его исчислении предусматривались некоторые скидки на неизбежные потери. С 1939 г. был осуществлен переход к определению «чисто» биологической урожайности. Но поскольку «на практике и в 1933–1938 гг. «скидки» носили номинальный характер», фактический переход к биологическому методу был осуществлен уже в 1933 г. [2, с. 466].

М.А. Вылцан считал, что основным методом урожайной статистики в 1933–1935 гг. являлось определение урожайности на корню с помощью метровок. Полученные данные корректировались «небольшими

скидками на неизбежные потери». С 1936 г. стал применяться новый метод исчисления урожая, основой которого являлось определение среднего сбора по результатам массовых обмолов с учетом потерь в хозяйстве. Выводимые таким образом показатели урожайности «находились где-то посередине между биологическим и амбарным, а значит, и фактическим урожаем. В 1939 г. произошел переход к учету урожайности на корню без каких-либо скидок» [4, с. 476, 478, 479].

И.Е. Зеленин негативно оценивал переход к биологическому методу исчисления урожая. По его мнению, подобный метод учета зерна «порождал [у властей] настроения самоуспокоенности, позволял скрывать бесхозяйственность и видеть успехи там, где их фактические не было. Для колхозов применение биологической урожайности означало более высокую оплату за работы МТС <...>, искусственное повышение товарности» [2, с. 466]. Аналогичной позиции придерживался М.А. Вылцан. Он считал, что одной из причин перехода к учету урожайности на корню являлось «стремление создать картину благополучия, “подтянуть” отстающую отрасль сельского хозяйства до плановых заданий» [4, с. 479].

И.Е. Зеленин также проанализировал проблемы статистического мониторинга животноводства. Он кратко осветил ход и итоги дискуссии 1933 г. между начальником ЦУНХУ В.В. Осинским и редакцией «Правды» (см. [5, с. 184–185]). По мнению И.Е. Зеленина, опубликованные в 1930-е гг. данные о динамике поголовья скота в целом являются достоверными. Но поскольку они приводятся на середину года, их недостаточно для характеристики животноводства. «Предпочтение следует отдать аналогичным данным на конец года, учитывающим осенний забой скота в связи с мясозаготовками» [2, с. 465].

Дискуссии по проблемам источников по истории сельского хозяйства в 1920-е гг. имели менее острый характер. Исследователи сосредоточили свое внимание на отборе тех данных о сельхозпроизводстве, которые, по их мнению, имели наиболее достоверный характер [1, с. 279]. По итогам изысканий В.П. Данилов [6, с. 91, 95], Ю.А. Мошков [7, с. 20], Ю.А. Поляков [8, с. 58, 478] пришли к выводу, что таковым требованиям в наибольшей степени отвечают показатели динамики посевных площадей, урожайности и валовых сборов по СССР в целом, опубликованные в 1934 г. статистическом ежегоднике «Социалистическое строительство СССР»⁶.

Аналогичной позиции придерживался И.А. Чермерисский, осуществивший наиболее фундированную репрезентацию статистических изданий, в кото-

⁵ Метровки представляли собой деревянные квадратные рамки со стороной 1 м. Их накладывали на созревшее зерновое поле через равные промежутки. Колосья внутри срезались, просушивались, лущились руками и взвешивались. Результаты, полученные на отдельных метровках, суммировались, и на их основе вычислялась урожайность в ц/га.

⁶ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1934. М. 1934. С. 176–177.

рых публиковались сведения о динамике сельхозпроизводства в СССР в 1920-е гг. [9]. В своей статье он также осветил ход дискуссии о методике исчисления посевных площадей и валовых сборов, развернувшейся в первой половине 1920-х гг. между ЦСУ и Госпланом.

В круг «канонических» статсборников, в которых публиковались данные о поголовье скота в 1920-е гг., также входили изданный в 1935 г. статистический ежегодник «Социалистическое строительство СССР»⁷ (на него ссылался Ю.А. Поляков [8, с. 479]) и статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1961 году»⁸ (В.П. Данилов [1, с. 298], И.А. Чемерисский [9, с. 461]).

Позиция мэтров советской аграрной историографии стала общепринятой. В 1977 г. В.П. Данилов с удовлетворением отметил, что «статистическая разногласица» в характеристике сельскохозяйственного производства за 1920-е гг. «в значительной мере преодолена» [1, с. 279].

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЭТАП ИСТОРИОГРАФИИ

Исследователи вновь обратили внимание на проблему достоверности урожайной статистики 1930-х гг. в поздний советский и постсоветский периоды в связи с обсуждением причин массового голода в СССР в 1932–1933 г. [10, с. 40–41; 11, с. 8, 18; 12; 13, с. 98–112; 14, с. 110–112; и др.]

Сторонники концепции рукотворности голода, опираясь на данные советской официальной статистики первой половины 1930-х гг., которые были подтверждены в постсталинский период, указывали, что урожай 1932 г. (69,9 млн т.) по СССР в целом был не хуже, чем в 1931 г. (69,5 млн т.) [15, р. 264; 16, с. 36, 43]. Марк Таугер не доверял официальным данным и, основываясь на неопубликованных годовых отчетах колхозов, утверждал, что валовый сбор зерновых в 1932 г. составлял всего лишь 50,1 млн т., а возможно, и меньше [12, с. 315].

Наиболее детальный анализ урожайности в советской статистике начала 1930-х гг. выполнил С. Уиткрофт [17; 18]. Он определили ее следующие закономерности: «Предварительные оценки [урожая] были очень высоки, власти использовали их в течение всего заготовительного года (с конца июня до конца календарного года и первых месяцев следующего года), чтобы оправдать государственный план

хлебозаготовок. Позже окончательная цифра значительно снижалась, иначе урожай следующего года выглядел бы весьма неудовлетворительным. Однако и она превышала справедливую оценку» [17, с. 450]. Проведенный нами совместно с В.Б. Лапердиным ретроспективный анализ хлебозаготовительных кампаний 1930-х гг. в Сибири подтвердил выявленную С. Уиткрофтом сезонную закономерность советской статистики урожайности [19].

Итоговые официальные данные о размерах валовых сборов в 1930–1932 гг. С. Уиткрофт считал завышенными и не отражавшими реальный амбарный урожай. Он также назвал парадоксальной ситуацию со статистикой валового сбора зерна в 1933 г. После отказа от расчетов, основанных на биологическом методе, размеры урожая этого года в официальной советской статистике уменьшили с 89,8 до 68,4 млн т. В то же время сбор предыдущего года остался неизменным – 69,9 млн т. В результате этого урожай 1933 г., который «несомненно, был намного лучше урожая 1932 г., в постсталинских публикациях указывался как «уступающий прошлогоднему на 1,4 млн т.» [17, с. 453].

Проблемы статистики урожайности в СССР в середине и второй половине 1930-х гг. затронул С.А. Нефедов. По его мнению, в 1933–1935 г. сначала с помощью метровок устанавливалась биологическая урожайность, затем в полученные результаты вносились скидки на потери. С 1936 г. за исходную величину брался амбарный урожай (намолот), а к нему прибавлялись поправки на недоучет. С 1939 г. поправки были увеличены до разницы между урожаем на корню и намолотом. Фактически это означало определение биологического урожая. При этом вносимые в первичные данные надбавки делались для того, чтобы приблизить реальность к указанной И.В. Сталиным цели – получению 7–8-миллиардного урожая [20, с. 35–37]. Проанализировав составленные специалистами ЦУНХУ хлебофуражные балансы за 1937/38–1940/41 гг., С.А. Нефедов пришел к выводу о их недостоверности, поскольку отраженная в них биологическая урожайность не соответствует реальной. Тем не менее, по его мнению, они «легко «очищаются» от виртуальных величин». Рассчитанные С.А. Нефедовым размеры валовых сборов зерновых фактически совпадают с цифрами амбарного урожая, полученными специалистами ЦСУ в результате переосчета конца 1950-х гг. (см. выше) [21, с. 158–162].

Несмотря на неофициальный характер публикации, на наш взгляд, историографическим событием второй половины 2010-х гг. стала размещенная на сайте «Исторические материалы» работа А.В. Башкина «Урожайи тридцатых или украденные достижения» [22]. По его мнению, биологический метод

⁷ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1936. М. 1936. С. 354.

⁸ Народное хозяйство СССР в 1961 году: стат. ежегодник. М., 1962. С. 381. В этом издании приводились данные о поголовье скота на 1 января каждого года, а в статистическом «Социалистическое строительство СССР. 1936» – на 1 июля.

оценки урожайности для 1930-х гг., который основывался на применении метровок, «был вполне адекватен и давал достаточно точные показатели урожайности». Измерение потерь на всех этапах сбора, осуществляемое после определения размеров урожая на корню, «способствовало получению достаточно точных цифр» валового сбора зерновых культур. При переходе на измерение в амбарном весе пересмотру должна была подлежать «вся линейка урожаяев». Однако «под нож попал» лишь период после 1933 г. Неизменность официальных показателей валовых сборов в годы первой пятилетки только добавила «несуразности в общую картину». В итоге урожаи с 1933 по 1939 г. оказались частично «украденными». И инициатором «кражи» стал Н.С. Хрущев.

Мы в целом высоко оцениваем штудии А.В. Башкина. И согласны с ним в том, что метровки были наиболее объективным инструментом измерения урожайности. Все остальные методы можно определить как манипуляции, в том числе и в негативном значении этого слова. Однако в реалиях 1930-х гг. результатам наложения метровок власти придавали лишь вспомогательное значение. В качестве базового измерителя и после 1933 г. по-прежнему использовалась оценка урожая на корню, которая оставалась объектом манипуляций. А одним из главных похитителей биологического урожая в 1930-е гг., как, впрочем, в предыдущие и последующие годы, являлась природа. Длительное ненастье, наступившее после начала уборочной кампании, могло привести к огромным потерям зерна в поле, а также в местах первичного хранения и обмолота. От последствий немилоостей природы в полной мере не застрахованы и современные аграрии, обладающие более совершенными технологиями и необходимой материально-технической базой для выращивания и сохранения зерна по сравнению с предшественниками.

Особенности организации статистического мониторинга сельского хозяйства в 1930-е гг. в Сибири и его результаты реконструированы в работах автора настоящей статьи и В.Б. Лапердина [5, 19, 23, 24].

По нашему мнению, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга сельского хозяйства. Систему статистического учета посевных площадей и поголовья скота, которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг.

Учет урожайности в начале 1930-х гг. также имел низкую степень достоверности. Поправки носили субъективный характер. Их величина определя-

лась выбором поведенческих стратегий руководителей районов и регионов. Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы учета в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер.

В отличие от статистики 1930-х гг., признанные каноническими данные о динамике сельхозпроизводства в предыдущее десятилетие длительное время никто под сомнение не ставил. Однако пришел и их черед. В 2000 и 2001 гг. были опубликованы статьи И.В. Кочеткова [25, 26], который сделал вывод о завышенности официальных данных, касающихся размеров посевных площадей в 1920-е гг., в том числе опубликованных в статистическом ежегоднике 1934 г. «Социалистическое строительство СССР», в результате внесения в них поправок не недоучет. Кочетков заявил, что подобные манипуляции являются «откровенной статистической фальсификацией», и призвал «освободить» от них результаты выборочных сельхозпереписей 1920-х гг. Реализовав собственный призыв, автор построил «беспоправочный» погодовой ряд динамики посевных площадей в 1920–1926 гг. По результатам данного анализа И.В. Кочетков пришел к выводу о «стагнации посевных площадей под зерновыми культурами»: в 1920 г. – 59,5 млн дес., в 1926 г. – 57,6 млн дес. При этом «типичный уровень урожайности зерновых в 1920-е гг. был значительно ниже довоенного» [25, с. 86, 89, 90].

Позицию И.В. Кочеткова поддержал И.А. Тропов, который также призывает исследовать «реальные процессы» в аграрной сфере первой половины 1920-х гг. «без пресловутых поправок на недоучет». По его мнению, на внесении поправок настаивали специалисты Госплана и Конъюнктурного института Наркомата финансов, исходя из своих узковедомственных интересов, совпадавших с «фискально-политическими интересами власти»⁹. Руководство ЦСУ считало аргументы своих оппонентов несостоятельными и согласилось с необходимостью использования поправок лишь под давлением политического руководства страны [27].

⁹ Отметим, что на необходимости внесения поправок на недоучет настаивали в том числе В.Г. Громан и Н.Д. Кондратьев, обвинение которых в следовании «фискально-политическим интересам власти» выглядит весьма фантазмагоричным.

С критикой позиции И.В. Кочеткова выступили С.А. Нефедов [28] и автор настоящей статьи [29, 30]. По мнению Нефедова, «усредненные данные весенних опросов не дают реальной величины посевов». Для устранения ошибок, допускаемых при усреднении результатов выборочных сельскохозяйственных переписей, носящих систематический, а не случайный характер, необходимо было ввести поправочные коэффициенты [28, с. 136].

Мы полагаем, что внесение поправок в итоги выборочных сельскохозяйственных переписей было вызвано позицией крестьян, которые приумаживали размеры посевов в своих хозяйствах, опасаясь, что реальные показатели их состоятельности будут использованы властями для усиления тяжести налогового обложения. Недоучет посевов в ходе переписей подтверждается материалами бюджетных обследований и контрольных мероприятий. При этом наша убежденность в необоснованности базовых посылок И.В. Кочеткова не означает признания абсолютной корректности принимаемых ЦСУ поправочных коэффициентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на существенное приращение исторических знаний, проблема достоверности советской сельскохозяйственной статистики в 1920 – 1930-е гг. по-прежнему остается дискуссионной и требует дальнейшего анализа. Актуальным на современном этапе историографии представляется специальное монографическое исследование темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Зеленин И.Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 464–473.
3. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозно-строительства в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 255–272.
4. Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 474–481.
5. Ильиных В.А. Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг. // ЭКО. 2020. № 11. С. 174–192.
6. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 452 с.
7. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. (1929–1932 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 232 с.
8. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 512 с.
9. Чемерисский И.А. Сельскохозяйственное производство СССР в 1920–1925 гг. по статистическим источникам // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 453–463.

10. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в годы коллективизации 1927–1932 гг. М.: Политиздат, 1989. С. 9–50.
11. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
12. Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995. С. 298–332.
13. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
14. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
15. Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986. 411 p.
16. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–1 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. 1981 с.
17. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
18. Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 842–865.
19. Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 507 с.
20. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.
21. Нефедов С.А. О хлебофуражных балансах 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 148–163.
22. Башкин А.В. Урожай тридцатых или украденные достижения // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/21358>.
23. Лапердин В.Б. Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 253–255.
24. Ильиных В.А. Статистический мониторинг посевных площадей в Сибири в 1930-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 186–197.
25. Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2000. С. 80–104.
26. Кочетков И.В. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1. С. 131–141.
27. Тропов И.А. ЦСУ и тайны советской сельскохозяйственной статистики первой половины 1920-х гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 257–263.
28. Нефедов С.А. К проблеме достоверности статистических данных ЦСК МВД Российской империи и ЦСУ СССР // Историко-экономические исследования. 2008. № 1. С. 131–144.
29. Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32.
30. Ильиных В.А. Сельскохозяйственные переписи 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 261–272.

REFERENCES

1. Danilov V.P. The Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy. Moscow, Nauka, 1977, 320 p. (In Russ.)

2. Zelenin I.E. The main indicators of agricultural production in 1928–1935. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1965 g. Moscow, 1970, pp. 464–473. (In Russ.)
3. Moshkov Yu.A. Grain problem in the years of agriculture collectivization. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolhoznogo stroitel'stva v SSSR*. Moscow, 1963, pp. 255–272. (In Russ.)
4. Yylcan M.A. Methods of calculating grain production in 1933–1940. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1965 g. Moscow, 1970, pp. 474–481. (In Russ.)
5. Il'inykh V.A. Statistical monitoring of livestock production in Siberia in the 1930s. *EKO*, 2020, no. 11, pp. 174–192. (In Russ.)
6. Danilov V.P. Creation of material and technical prerequisites for agriculture collectivization in the USSR. Moscow, 1957, 452 p. (In Russ.)
7. Moshkov Yu.A. Grain problem during collectivization in USSR (1929–1932). Moscow, 1966, 232 p. (In Russ.)
8. Polyakov Yu.A. The transition to the NEP and the Soviet peasantry. Moscow, 1967, 512 p. (In Russ.)
9. Chemerissky I.A. Agricultural production of the USSR in 1920–1925 according to statistical sources. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1965 g. Moscow, 1970, pp. 453–463. (In Russ.)
10. Danilov V.P., Ivnitkiy N.A. The village on the eve and course of continuous collectivization. *Dokumenty svidetel'stvuyut: iz istorii derevni nakanune i v gody kollektivizatsii 1927–1932 gg.* Moscow, 1989, pp. 9–50. (In Russ.)
11. Zelenin I.E. On some “white spots” of the final stage of continuous collectivization. *Istoriya SSSR*, 1989, no. 2, pp. 3–19. (In Russ.)
12. Tauger M.B. The harvest of 1932 and the famine of 1933. *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva*. Moscow, 1995, pp. 298–332. (In Russ.)
13. Kondrashin V.V. The famine of 1932–1933: tragedy of Russian village. Moscow, ROSSPEN, 2008, 519 p. (In Russ.)
14. Kondrashin V.V. Grain procurement policy during the first five-year plan and its results (1929–1933). Moscow: ROSSPEN, 2014, 350 p. (In Russ.)
15. Conquest R. The harvest of sorrow: Soviet collectivization and the terror-famine. London, 1986, 411 p.
16. The Holodomor of 1932–1933 in Ukraine: causes and consequences. International Scientific Conference. Kiev, September 9–11, 1993. Kiev, 1995, 1981 p.
17. Davis R., Whitcroft S. Years of hunger: agriculture in USSR. 1931–1933. Moscow, 2011, 543 p. (In Russ.)
18. Whitcroft S. On grain balances and yield estimates in the USSR in 1931–1933. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy*. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 842–865. (In Russ.)
19. Il'inykh V.A., Laperdin V.B. Grain collection in Siberia in the 1930s. Novosibirsk, 2020, 507 p. (In Russ.)
20. Nefedov S.A. The standard of living of the population and the agrarian development of Russia in 1900–1940. Moscow, 2017, 432 p. (In Russ.)
21. Nefedov S.A. About grain and fodder balances of the 1920s–1930s. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2013, no. 1, pp. 148–163. (In Russ.)
22. Bashkin A.V. Harvests of the thirties or stolen achievements. *Istoricheskie materialy*. URL: <http://istmat.info/node/21358>. (In Russ.)
23. Laperdin V.B. Grain yield determination system in Western Siberia in the early 1930s. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2015*. Irkutsk, 2015, pp. 253–255. (In Russ.)
24. Il'inykh V.A. Statistical monitoring of acreage in Siberia in the 1930s. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2020 god. Sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.: zemel'nye sobstvenniki/zemlevladel'tsy i zemledel'tsy*. Voronezh, 2020, pp. 186–197. (In Russ.)
25. Kochetkov I.V. Grain production in the years of the NEP: reality and opportunities. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: sovremennyy vzglyad*. Moscow, 2000, pp. 80–104. (In Russ.)
26. Kochetkov I.V. On the question of the causes of the grain procurement crisis of 1927/28. *Obshchestvo i vlast'*. Saint Petersburg, 2001, vol. 1, pp. 131–141. (In Russ.)
27. Tropov I.A. CSU and the secrets of Soviet agricultural statistics of the first half of the 1920s. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 257–263. (In Russ.)
28. Nefedov S.A. On the problem of reliability of statistical data of the Central Committee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the Central Committee of the USSR. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2008, no. 1, pp. 131–144. (In Russ.)
29. Il'inykh V. Dynamics of sown areas in Siberia in 1917–1929: sources of reconstruction. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008, no. 2, pp. 28–32. (In Russ.)
30. Il'inykh V.A. Agricultural censuses of the 1920s: corrections for under-accounting of crops. *Aktual'nye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya: materialy XXXII sessii simp. po agrar. istorii Vost. Evropy*. Ryazan', 2012, pp. 261–272. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.12.2021

Дата рецензирования 13.01.2022

Статья принята к публикации 17.02.2022

DOI: 10.15372/HSS20220110

УДК 94: 38(47)"1964"

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

**«НЕОНЭП» ДЛЯ КОММУНИЗМА:
ЗАПИСКА АКАДЕМИКА С.Г. КОЛЕСНЕВА О СПОСОБАХ ПОДЪЕМА
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (ОКТАБРЬ 1964 г.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В научный оборот автором статьи вводится записка академика Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина Самуила Георгиевича Колеснева, направленная в Президиум ЦК КПСС 30 октября 1964 г. Он раскрывает причины текущего кризисного состояния сельского хозяйства страны и призывает верховную власть использовать в качестве антикризисных мер экономические механизмы, похожие на те, которые действовали в 1920-е гг. в рамках нэпа. Анализ источника позволяет лучше понять особенности функционирования совхозно-колхозной системы СССР, существенно конкретизировать позицию и деятельность советских экономистов-«рыночников», к которым относился С.Г. Колеснев, а также сделать более обоснованным вывод о том, что в середине 1960-х гг. в СССР существовала возможность для создания устойчивой и сбалансированной аграрной модели, однако она не была реализована.

Ключевые слова: С.Г. Колеснев, «рыночники», ученые-экономисты, рыночный социализм, сельское хозяйство, аграрная экономика.

S.N. ANDREENKOV

**“NEONEP” FOR COMMUNISM:
A NOTE BY ACADEMICIAN S.G. KOLESNEV ON WAYS TO RAISE AGRICULTURE
IN THE USSR (OCTOBER 1964)**

Institute of history SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Publication represents the note by Academician of All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V.I. Lenin Samuil Georgievich Kolesnev, sent to Presidium of CPSU Central Committee on October 30, 1964. Author of the document reveals the reasons for the current state agriculture crisis and calls on supreme power to use economic mechanisms similar to those that were involved in the 1920s as anti-crisis measures within the NEP. Analysis of document makes possible better understanding of the features of state and collective farm system in the USSR. Publication could specify position and activities of Soviet “market” economists, to whom S.G. Kolesnev belonged, and also make more reasonable conclusion that in the middle of 1960s there was a possibility of creating a sustainable and balanced agricultural model, but it was not realized.

Key words: S.G. Kolesnev, “market economists”, economists, market socialism, agriculture, agrarian economy.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта No 21-09-43020.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020.

Сергей Николаевич Андреевков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>

Sergey N. Andreenkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of history of the Siberian branch of the Russian, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

1960-е гг. стали для СССР временем выбора пути дальнейшего развития страны. Начало десятилетия было ознаменовано принятием грандиозного плана построения коммунизма. В новой редакции Программы КПСС, принятой XXII партийным съездом (октябрь 1961 г.), говорилось о том, что «КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения – обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма» [1, с. 90–91]. В достижение этой цели, однако, верилось с трудом: предпосылки будущего изобилия материальных благ не просматривались. Предприятия легкой, химической и пищевой промышленности не удовлетворяли растущие потребности населения в потребительских товарах. Уменьшались поставки в магазины мясных и молочных продуктов, снижалось качество хлебобулочных изделий. Росли цены на продукты питания, реализация которых осуществлялась через рыночную торговлю. Все это воспринималось гражданами весьма болезненно.

Дефицит продовольствия возник вследствие неудовлетворительной работы совхозов и колхозов, а также ограничения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения. Ставка на массовое строительство совхозов, наиболее близкой к идеалам коммунизма формы хозяйств, не оправдала себя. В крупных государственных сельскохозяйственных предприятиях организовать оперативное внутрихозяйственное сообщение и управление подразделениями оказалось крайне сложно. С аналогичными проблемами сталкивались и колхозы, особенно после их укрупнения. Многие хозяйства не располагали средствами, способными обеспечить быстрое развитие производства. Работники совхозов и колхозов теряли связь с результатами своего труда. Несмотря на повышение уровня его оплаты, подлинная заинтересованность в развитии хозяйства у большинства селян так и не появилась. Колхозники, несмотря на значительное увеличение платы за труд на общественных полях и фермах, оставались в стране самой низкооплачиваемой категорией населения.

Было бы ошибкой полагать, что глава партии Н.С. Хрущев не видел проблем в развитии сельского хозяйства и не пытался их решить. Активная антикризисная работа верховной власти началась в 1960 г. после того, как вскрылась «рязанская афера»¹.

¹ В 1960 г. страна узнала о грубой фальсификации отчетности по мясозаготовкам в Рязанской области. Первый секретарь обкома А.Н. Ларионов, чтобы сдержать обещание увеличить в течение 1959 г. производство мяса в 4 раза, распорядился забить весь приплод, большую часть молочного стада и производителей, а также включить в отчет весь скот колхозников. Но этих мер оказалось недостаточно, в связи с чем были организованы закупки скота в соседних областях за счет средств из общественных фондов, предназначенных для приобретения машин, строительства школ и т.п. Не выдержав позора, А.Н. Ларионов застрелился.

Преодоление негативных явлений в аграрном производстве связывалось с проведением административных преобразований: централизации системы закупок, подчинения хозяйств специально созданным сельскохозяйственным областным и краевым комитетам партии и территориальным производственным управлениям, переноса в сельскую местность ряда аграрных вузов и Министерства сельского хозяйства СССР (с существенным ограничением полномочий и функций), распространения «чудо-культур» (кукурузы, бобовых, свеклы) и распахки под них паров и посевов трав («вторая целина»), ужесточение политики по отношению к ЛПХ. Но осуществление этих мер нужных результатов не давало.

Верховная власть пыталась применять и экономические рычаги для подъема сельского хозяйства. Совхозы получили от государства дополнительные финансовые ресурсы для пополнения собственных оборотных средств и ускоренного развития производства. Снизилось налогообложение колхозов, уменьшились их «выкупные платежи» за технику, полученную от машинно-тракторных станций (МТС), увеличилось кредитование хозяйств. В июне 1962 г. были подняты закупочные цены на скот, птицу, животное масло и сливки.

После отставки Н.С. Хрущева, решение о которой утвердил октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., попытки верховного руководства повысить продуктивность колхозов и совхозов за счет мер экономического порядка были продолжены. Программа развития сельского хозяйства с опорой на экономические механизмы была утверждена пленумом ЦК КПСС в марте 1965 г. Она являлась частью так называемой косыгинской реформы, в рамках которой, в частности, предполагалось использовать такую категорию стоимости, как прибыль, а также перейти от совнархозовской к усовершенствованной министерско-ведомственной системе управления народным хозяйством. В конце октября 1964 г. руководство партии приняло постановление, которое останавливало гонения на ЛПХ.

Вторая половина 1960-х гг. стала одним из самых успешных периодов советской истории в плане развития экономики. Положительные сдвиги, как полагают исследователи, обуславливались не только и не столько реализацией предусмотренных реформой мер, сколько временным ослаблением административно-командного контроля над предприятиями (диктат совнархозов ослаб, а министерский еще не набрал силы) и появившейся у плановиков возможностью опереться на объективные экономические знания и не обращать внимания на идеологические установки [2, с. 342–343].

В середине 1960-х гг. популярными становятся идеи, которые генерировались советскими учеными-

экономистами, разделявшими принципы рыночного социализма. За использование его элементов в сельском хозяйстве выступали такие экономисты-шестидесятники, как В.Г. Венжер, И.Н. Буздалов, Г.С. Лисичкин, Г.И. Шмелев, Л.Н. Кассиров, М.Я. Лемешев и др. [3, с. 334–338]. Оппонентами «рыночников» являлись «централисты» Г.С. Гапоненко, В.А. Абрамов, П.С. Иващенко, В.Н. Гаврилов и другие ученые, защищавшие планово-распределительные начала в управлении сельским хозяйством. Теоретический спор между «рыночниками» и «централистами» велся в 1964–1966 гг. на страницах журнала «Вопросы экономики» и на научно-практических конференциях. В 1966 г. в полемику вмешались партийные органы, выступившие на стороне «централистов» [4, с. 78–84; 5, с. 43–51]. В последующие годы идеи последних стали доминировать в экономической литературе.

Самым последовательным из «рыночников» (по мнению А.А. Никонова – главой их группы [3, с. 334]) являлся сотрудник сектора политической экономии Института экономики АН СССР В.Г. Венжер. Известным на всю страну В.Г. Венжер стал благодаря публичной критике И.В. Сталиным его предложений продать технику МТС колхозам и расширить в деревне сферу товарно-денежного обращения (1952 г.). Пики популярности В.Г. Венжера – середина 1950-х гг. и середина 1960-х гг., т.е. первые годы после смены верховных правителей, когда новая власть поддерживала либерализацию хозяйственной системы.

Ученики В.Г. Венжера чтят память о своем наставнике. В 2015 г. в свет вышла книга «Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель» [6], в которую включены работы, посвященные его творчеству, воспоминания, а также материалы круглого стола «Какой общественный строй нужен России?», проведенного в 2014 г. и приуроченного к 115-летию со дня рождения ученого. Встречаются и другие публикации о деятельности ученого (см., напр.: [7]). Немалое количество работ посвящено творчеству ученицы В.Г. Венжера Т.И. Заславской (см., напр.: [8, 9]). Судьбы других советских ученых, выступавших за использование в сельском хозяйстве экономических механизмов, меньше интересуют современных исследователей. В настоящее время наиболее крупной работой по истории советской аграрной и аграрно-экономической науки является книга А.А. Никонова, основанная главным образом на воспоминаниях автора [3]. Значимыми при анализе указанной темы, безусловно, следует считать работы В.А. Ильиных и Д.С. Орлова [4; 5].

В изучении темы происходят существенные подвижки. И.Е. Зеленин в своей монографии об аграрной

политике Н.С. Хрущева и развитии сельского хозяйства СССР уделит внимание предложениям ряда ученых, которые были изложены в их записках, направленных в ЦК КПСС в 1962–1964 гг. Речь идет о записках директора ВНИИСХОЗа К.П. Оболенского, консультанта сельхозотдела ЦК КПСС Н.Я. Ицкова, упомянутого выше М.Я. Лемешева, главы сектора экономических проблем сельского хозяйства Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР, а также профессора Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, академика ВАСХНИЛ С.Г. Колеснева [8, с. 187, 189, 193, 246, 251, 253–254]. В этих документах верховной власти рекомендовалось отрегулировать уровень цен на производимую колхозами продукцию и на изделия, получаемые колхозами от промышленности; предлагалось поднять оплату труда колхозников, соблюдать принцип планирования «снизу», прекратить политику ограничения ЛПХ. Содержание записок и их влияние на аграрную политику государства более детально проанализированы в одной из наших статей [9]. Мы полагаем, что экономические меры, принятые правительством в первой половине 1960-х гг., являлись результатом реализации части рекомендаций, указанных выше учеными.

Наиболее интересными представляются антикризисные предложения Самуила Георгиевича Колеснева², сформулированные в публикуемой ниже его записке от 30 октября 1964 г. «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства СССР». На наш взгляд, рекомендации ученого довольно рельефно отражают суть представлений «рыночников». Академик прямо говорит о необходимости использования нэповских механизмов, адаптированных к текущей реальности. Введенный в 1921 г. продналог являлся для него прообразом твердого пятилетнего планирования сельхозпроизводства, к которому правительство намеревалось перейти. Этот посыл дополняется аргументами в защиту идеи расширения ЛПХ (не в ущерб, конечно, общественному сектору аграрной экономики). Развитие ЛПХ, по мнению академика, позволит селянам получать дополнительный заработок, с пользой для дела проводить свободное время, а также в районах с высокой плотностью населения (в основном западные окраины СССР) трудоустраивать селян, не задействованных в совхозно-колхозном производстве. С.Г. Колеснев предлагал также продолжить переселение сельских жителей из трудноизбыточных в трудodeфицитные регионы, т.е. из западноевропейских районов страны в Сибирь и на

² Более подробно о биографии и творчестве ученого см., напр. [10].

Дальний Восток. Ученый выступал за создание в деревнях или возле них пищевых предприятий, на которых могли бы работать селяне, а также считал необходимым развитие агропромышленной интеграции. Эти и другие меры должны были обеспечить рост производства аграрной продукции. По мнению автора записки, «необходимо поощрять всякое мероприятие, которое ведет нас к изобилию, так как это приближает, а не удаляет нас от коммунизма». Более подробно о видении ученого перспектив роста и путей развития сельского хозяйства читатель узнает в публикуемом ниже документе.

Важно отметить, что одновременно с предложениями С.Г. Колеснева 30 октября 1964 г. в ЦК КПСС была направлена еще одна аналитическая записка «О некоторых вопросах, связанных с проведением экономической политики в области сельского хозяйства»³ за подписью К.П. Оболенского. Предложения С.Г. Колеснева и К.П. Оболенского, сформулированные в этих записках, совпадали в анализе причин аграрного кризиса, но отличались в части антикризисных рекомендаций. В записке К.П. Оболенского заметное место занимала проблема реализации коллективных основ колхозного хозяйства и обновления устава сельхозартели. Новый устав следовало принять в 1965 г. Развитие совхозов должно было пойти по пути более активного вовлечения в управление производством сельскохозяйственных рабочих. Рекомендовалось шире использовать зарубежный опыт организации деятельности сельхозпредприятий, поднять авторитет отечественной экономической науки, в том числе академической, вернуть прежний функционал и полномочия Министерству сельского хозяйства СССР, применять в управлении отраслью автоматизированные информационно-вычислительные системы.

Таким образом, в середине 1960-х гг. в СССР разрабатывались адекватные текущей ситуации научно обоснованные и перспективные стратегии развития сельского хозяйства и экономики страны в целом. Однако «окно возможностей» для глубокого продуманного реформирования хозяйственного механизма было позже наглухо закрыто консерваторами, которые укрепили свои позиции во власти. Верховное руководство вернулось к централизованному управлению, но не к централизации, улучшенной за счет обновления корпуса руководителей и применения информационно-вычислительных технологий, а к привычному административно-бюрократическому диктату, который стал тормозить развитие экономики.

³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 45. Д. 366. Л. 16–36.

Докладная записка академика С.Г. Колеснева
в Президиум ЦК КПСС
«О неотложных мерах
по подъему сельского хозяйства СССР»

г. Москва
30 октября 1964 г.
В ПРЕЗИДИУМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

О неотложных мерах
по подъему сельского хозяйства СССР

Успешное строительство коммунистического общества возможно только на базе быстрого и всестороннего развития производительных сил во всех отраслях, в том числе в особенности в сельском хозяйстве. Народное хозяйство нашей страны – это единый организм, в котором господствующим принципом должны быть гармония, пропорциональность и четкое взаимодействие всех его частей. Сама социалистическая система хозяйства обеспечивает объективные условия для этого.

Однако, за последние десять лет произошло резкое отставание темпов развития сельского хозяйства от общих темпов развития народного хозяйства. Если за период с 1954 по 1958 год включительно ежегодный прирост валовой продукции сельского хозяйства составлял 9,85 %, то уже в 1962 году он составил только 1,3 %. Таким образом, хотя ежегодно происходит увеличение валовой продукции сельского хозяйства, однако темпы настолько резко снизились, что это внушает большую тревогу и свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях, мешающих успешному развитию.

Одной из наиболее крупных причин, сдерживающих развитие, является укоренившаяся за сорок лет традиция административного руководства, вместо экономического. Опыт показал, что административное, бюрократическое руководство является далеко не лучшим. Поэтому надо искать других путей. Наиболее верным из них для выведения сельского хозяйства из тяжелого положения, в котором оно находится, является путь, подсказанный в свое время В.И. Лениным. А именно переход от административного к экономическому руководству, при котором отношения государства с отраслями народного хозяйства, в том числе и с сельским хозяйством (колхозы и совхозы) устанавливаются на принципе эквивалентного обмена. Для этого, очевидно, необходимо пересмотреть цены как на продукты сельского хозяйства, так и на продукты промышленности, снабжающей сельское хозяйство машинами, удобрениями, ядохимикатами и другими. Особое внимание при пересмотре цен необходимо уделить ценам на молоко, минеральные удобрения и сельскохозяйственную технику.

При существующих зональных ценах на молоко даже в колхозах и совхозах с удовлетворительной организацией молочного хозяйства трудно свести концы с концом. Поэтому получается так – чем больше молока производит хозяйство, тем более оно терпит убытки. Некоторое увеличение закупочных цен – до 16 – 17 копеек за литр молока – не потребует изъятия из бюджета, так как, продавая молоко по 28 копеек за литр, у государства останутся еще значительные резервы.

Вызывает большую тревогу чрезмерно высокая и при этом растущая из года в год себестоимость продуктов жи-

вотноводства. Известно, что в структуре себестоимости продуктов животноводства корма составляют от 50 до 80 %. Поэтому главные усилия должны быть направлены на удешевление кормов и на увеличение их общего количества.

Во многих районах нечерноземной зоны чрезмерное насаждение кукурузы, где она по своим биологическим особенностям не может давать дешевый корм, привело к тому, что старые традиционные культуры были выведены из оборота и животноводство лишилось устойчивой кормовой базы, а это в свою очередь привело к ежегодному дефициту кормов в пределах от 30 до 50 % потребности за последние пять лет. Поэтому организация устойчивой и достаточной кормовой базы с использованием достижений как отечественной науки и практики, так и всего мирового опыта должно стать в ближайшие годы важнейшей задачей колхозов и совхозов при активной помощи государства.

В первую очередь необходимо поднять продуктивность природных кормовых угодий, которые при наименьших затратах могут в короткий срок обеспечить резкое увеличение кормовых ресурсов животноводства.

Как известно, СССР занимает одно из последних мест в Европе по уровню урожайности основных сельскохозяйственных культур. Это объясняется не только неблагоприятными погодными условиями многих районов страны, но главным образом низкими дозами как органических, так и минеральных удобрений, вносимых на поля. До самого последнего времени в СССР применялись самые низкие нормы внесения минеральных удобрений на единицу площади из всех Европейских стран. И кроме того, цены на минеральные удобрения были самыми высокими в Европе.

Проведенные нами расчеты для юго-востока (Ставропольский край) показали, что, например, при существующей цене на аммиачную селитру в шестьдесят с лишнем рублей, ее доставка, хранение, измельчение и внесение обходится более тридцати рублей, а всего 90–95 рублей за тонну, а прибавка урожая, по данным Ставропольского института сельского хозяйства и областных опытных станций, не превышает 2–2,5 тонн при внесении одной тонны аммиачной селитры. При существующих ценах на зерно 40 рублей общая стоимость прибавки урожая также составляет 90–95 рублей. Отсюда ясно, что необходимо принять все меры для снижения себестоимости производства минеральных удобрений и на этой основе снижения продажных цен. Высоки также цены и на многие сельскохозяйственные машины и орудия.

Едва ли не самой крупной причиной, тормозящей прогрессивное развитие сельского хозяйства, является резкое ослабление материальной заинтересованности непосредственных производителей в общественном производстве в первую очередь в колхозах, то также и в совхозах. Причиной этому является неправильное соотношение накопления и потребления в сельском хозяйстве. В 1962 году, который был вполне удовлетворительным по природным условиям производства, соотношение между заработной платой промышленных рабочих, расположенных в сельскохозяйственных районах, было такое: если принять за сто заработок промышленного рабочего, то заработная плата рабочих в совхозах в среднем составляла 65 %, а заработная плата колхозников только 35 %. Если к этому еще добавить непрерывное наступление со стороны государства на свертывание личного подсобного хозяйства колхозников

и рабочих совхозов, то получится, что непосредственные производители в деревне находятся в неизмеримо худшем положении не только в смысле общих условий культуры, но и в смысле чисто материальной обеспеченности. Такое положение не может не сказаться на резком ослаблении материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в результатах общественного производства, что в свою очередь ведет к резкому снижению темпов роста валовой продукции, о чем было сказано выше.

Для того, чтобы преодолеть отставание сельского хозяйства, необходимо поднять уровень оплаты труда в первую очередь в колхозах путем установления гарантийного минимума оплаты до уровня стоимости простого воспроизводства рабочей силы с тем, чтобы ни один колхоз не имел права платить ниже этого уровня. Одновременно необходимо усовершенствовать оплату труда и в совхозах. Несмотря на то, что оплата труда работников совхозов выше, чем в колхозах, тем не менее дела там идут не всегда хорошо, в результате чего большинство совхозов являются из года в год убыточными. Только тогда, когда труд непосредственных производителей будет хорошо оплачен, можно заранее сказать, что положительные результаты скажутся уже в первые два года. Для этого не потребуются делать большие изъятия из государственного бюджета.

У нас есть замечательный опыт, предложенный нам Великим Лениным, когда в 1921 году стало ясно, что костлявая рука голода способна придушить не только город, но и деревню, В.И. Ленин принял смелое решение о переходе к новой экономической политике, принцип которой по своей простоте и ясности был доступен не только каждому рабочему, но и каждому крестьянину.

В.И. Ленин знал, что на базе новой экономической политики и в деревне, и в городе будут расти кулаки и нэпманы. Но он не побоялся этого, он знал, что по мере того, как будет достигнут достаток, вся эта накипь легко может быть снята, потому что в руках государства все рычаги. В результате такого крутого поворота сельское хозяйство страны настолько быстро пошло вверх, что в четыре года были покрыты все величайшие разрушения в сельском хозяйстве и страна получила в достатке продукцию сельского хозяйства. Это явилось прямым и непосредственным результатом перехода от административного к экономическому руководству сельским хозяйством. Государство установило твердый, заранее определенный минимум изъятия сельскохозяйственной продукции по эквивалентным ценам для покрытия общенациональных потребностей (обеспечение потребления городского населения, создание резервов и на другие нужды). Остальной же продукцией крестьяне могли распоряжаться как им угодно. Были сняты все рогатки для свободной торговли продукцией сельскохозяйственного производства сверх определенного плана продажи государству.

Сейчас, когда страна не только завершила построение социалистического общества, но и вступила в стадию развернутого строительства материально-технической базы коммунизма, нам нечего и некого бояться, ни кулаки, ни нэпманы нам больше не угрожают. Поэтому переход к прямым экономическим эквивалентным отношениям между государством и сельским хозяйством стал настоятельной необходимостью. Для этого только нужно укрепить руководящие кадры сельского хозяйства образованными, талантливыми организаторами, развязать их инициативу и уста-

новить на предстоящие 3–5 лет научно рассчитанные и обоснованные нормы продажи государству натуральной продукции сельского хозяйства представить право распоряжаться остальной продукцией колхозов и совхозов в соответствии с экономической целесообразностью и выгодой для хозяйств.

В сельском хозяйстве наряду с творческой деятельностью человека действуют и неконтролируемые человеком силы природы. Об этом надо всегда помнить, в особенности в нашей стране, большинство районов которой находится в условиях выраженного континентального климата с большим колебанием урожаев. Поэтому перед государством может возникнуть необходимость увеличить норму продажи [продукции] для районов с более высокими урожаями. В этих условиях за продажу продукции сверх заранее установленного плана необходимо платить дороже, как это делают ряд стран социалистического лагеря (ГДР, Венгрия, Румыния, Болгария).

Для того, чтобы дать научно обоснованные задания на 3–5 лет, необходимо разработать и ввести Государственный земельный кадастр с экономической оценкой каждого гектара площади сельскохозяйственных угодий. Это позволит не только более обоснованно планировать размещение сельскохозяйственного производства, но и углубить специализацию, усовершенствовать нормы налогового обложения и т.д.

Для более быстрого подъема сельского хозяйства необходимо значительно усилить капитальные вложения в сельское хозяйство как из государственного бюджета, так и за счет самих колхозов и совхозов. По данным 1962 года на одного среднегодового работника в сельском хозяйстве в Соединенных Штатах Америки приходилось 10 тысяч долларов основных фондов (без земли), а в СССР только 1900 рублей. В Соединенных штатах Америки в том же году на один гектар приходилось основных фондов 350 долларов, а в СССР только 210 рублей [а]. В таких странах интенсивного земледелия, как Голландия, Дания, ФРГ, обеспеченность основными фондами еще ниже. Поэтому, очевидно, настало время, когда необходимо обратить пристальное внимание на установление более правильных пропорций капитальных вложений в промышленность и сельское хозяйство.

По данным ЦСУ в 1961 году в подсобном хозяйстве колхозников, рабочих и служащих производилось 44 % всего производства молока, 42 % мяса и 48 % яиц. В структуре товарной продукции подсобное хозяйство давало хотя и меньше, но около четверти всей товарной продукции животноводства.

Ряд мер, принятых государством по ограничению личного подсобного хозяйства, привел к падению продукции личного подсобного хозяйства, а рост общественного производства продукции сельского хозяйства в колхозах и совхозах не компенсирует еще до сих пор этого уровня. Стало быть, ставка не выиграла на этом, а проиграла. Получилось так, что сельскохозяйственного население не обеспечивает своих жизненных потребностей производством в подсобном хозяйстве и вынуждено закупать продукты в городе, уменьшая тем самым и без того ограниченные государственные фонды натуральной продукции.

Из программы нашей партии известно, что построение коммунистического общества возможно только на базе изобилия. Поэтому необходимо поощрять всякое меро-

приятие, которое ведет нас к изобилию, так как это приближает, а не удаляет нас от коммунизма. Надо снять рогатки, мешающие существованию подсобного хозяйства, и создать условия для его нормального развития, не урезая, а увеличивая ресурсы производства в колхозах и совхозах. Это мероприятие не потребует от государства ни одной копейки средств, а продукции станет больше. Конечно, и в этом деле нельзя терять чувство меры, нельзя допускать чрезмерного увеличения подсобного хозяйства в ущерб общественному производству.

Некоторое расширение личного подсобного хозяйства колхозников и рабочих совхозов позволит производительно занять их свободное рабочее время.

Год тому назад особой запиской я поставил Президиум ЦК нашей партии в известность о том, что в сельском хозяйстве из года в год накапливаются большие ресурсы неиспользованной рабочей силы, особенно в областях с высокой плотностью населения [б]. По данным ЦСУ в Брестской области Белоруссии среднее количество человеко-выходов на одного трудоспособного колхозника составляет 124 человеко-дня, в Ровенской области Западной Украины – 120, в Мордовской АССР – 132, в Чувашской АССР – 134 и т.д. Количество человеко-дней, отработанных в общественном производстве, из года в год падает. Это объясняется не тем, что колхозники не желают работать, а тем, что общественное хозяйство не в состоянии использовать весь запас рабочей силы. Рост механизации в сельском хозяйстве сокращает потребность в рабочей силе. Промышленность, которая ранее ежегодно потребляла все избыточное количество население деревни, в настоящее время в связи с ростом механизации и переходом на автоматическое поточное производство не нуждается, кроме восточных регионов, в большом количестве рабочей силы. Поэтому перед государством стоит огромной важности задача – найти пути разумного использования рабочей силы, так как по Советской конституции государство обязано каждому трудоспособному гражданину предоставить работу и тем самым осуществить его право на труд.

Частично эта задача может быть решена путем организованной передвижки избыточной рабочей силы из районов высокой плотности в восточные районы. Но для этого необходимо приложить большие усилия, чтобы передвигаемое население закреплялось в восточных районах, где условия жизни и быта более суровые. Проводимые государством за последний период меры организованного набора рабочей силы для восточных районов не всегда давали должный эффект. Так, например, за период с 1961 по 1964 год с Дальнего Востока уезжало в полтора раза больше трудоспособного населения, чем туда приезжало.

Значительной мощью в решении этой важной задачи может послужить создание промышленных предприятий в районах с высокой плотностью, а также расширение в самом сельском хозяйстве отраслей, требующих относительно больших затрат рабочей силы. Важным мероприятием в решении этой задачи может служить также организация различных промыслов, которые раньше были широко распространены во многих районах СССР и давали не только занятия рабочей силы в период, свободный от сельскохозяйственных работ, но и приносили стране немало валюты. Но раньше эти промыслы были организованы кустарно. Сейчас их можно возродить на новой основе с необходимым уровнем механизации производства.

Одним из важных мероприятий в решении этой задачи может стать организация аграрно-промышленных объединений, таких где производство и переработка сельскохозяйственной продукции объединяются под единым руководством. Это позволит не только улучшить использование трудовых ресурсов, но и значительно улучшить использование отходов производства. Промышленные предприятия будут непосредственно заинтересованы в формировании своей сырьевой базы и окажут помощь колхозам и совхозам, производящим для них сырье. Это поможет также более высокой концентрации производства сырья в непосредственной близости от заводов по переработке, что даст большую экономию на транспортных издержках.

Сошлемся на пример. На свеклосахарном заводе в Усть-Лабинске в 1963 году в период сахароварения работало 1800 человек, а после окончания периода сахароварения на заводе осталось 820 человек, причем использование оставшейся рабочей силы не превышало 45 %.

Хорошим примером агро-промышленного объединения может послужить опыт бывшего сахарного треста, где под одним руководством было сосредоточено и производство, и переработка сахарной свеклы, а также организация откорма скота на жоме. Сахарные заводы оказывали большую помощь производителям сырья не только консультациями высококвалифицированных агрономов, но и помогали в снабжении удобрениями, техникой и др. Кроме того, работники сахарных заводов в периоды, свободные от производства, оказывали значительную помощь в производстве сахарной свеклы, работая на плантациях.

Из опыта известно, что сельскохозяйственное производство в сахаротрестах было самым образцовым в нашей стране: в них были самые высокие урожаи не только сахарной свеклы, но и всех остальных культур, самые высокие удои коров и привесы крупного рогатого скота. Очевидно, настало время, когда организации аграрно-промышленных объединений необходимо придать большое значение и государственный размах.

В заключение следует остановиться еще на одном мероприятии, которое также необходимо осуществить для быстрого развития сельского хозяйства. Речь идет о том, что большое количество совхозов настолько велики по своим размерам, что являются малоправляемыми хозяйствами. Это является одной из причин большой убыточности совхозов. Необходимо разукрупнить многие совхозы.

Несомненно, что указанные мероприятия не исчерпывают всех неотложных мер по подъему сельского хозяйства. Однако, на наш взгляд, указанные мероприятия являются наиболее важными.

Профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, академик ВАСХНИЛ, заслуженный деятель науки

КОЛЕСНЕВ С.Г.

РГАН. Ф. 5. Оп. 45. Д. 366. Л. 39–50. Машинопись. Подпись: автограф

Комментарии

^{a)} Соотношение доллара и рубля приводится по курсу 1:1.

^{b)} Документ не выявлен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1974. 144 с.

2. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление: кол. моногр. / Е.Т. Артемов, А.Э. Бедель, К.И. Зубков, В.П. Карпов, Г.Е. Корнилов, Н.Н. Мельников, М.В. Михеев, А.И. Тимошенко, В.П. Тимошенко. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 368 с.

3. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

4. Ильиных В.А., Орлов Д.С. 1960-е – начало 1990-х гг.: дискурс и выбор // Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

5. Ильиных В.А., Орлов Д.С. Аграрный вопрос в СССР в середине 1960-х гг.: дискурс и выбор // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 43–51.

6. Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель: сб. стат. / под ред. Т.Е. Кузнецовой и Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН, 2015. 306 с.

7. Крюков В.А. Спасибо «товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.» // ЭКО. 2014. № 5(479). С. 2–4.

8. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 305 с.

9. Андреевков С.Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 109–120. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf>; DOI: 10.31518/2618-9100-2021-4-10

10. Тушканов М.П. С.Г. Колеснев и его научные школы // Доклады ТСХА: сб. стат., Москва, 01 января – 31 декабря 2015 г. М.: Рос. гос. аграр. ун-т – МСХА, 2016. С. 554–558.

REFERENCES

1. The program of the Communist Party of the Soviet Union: Adopted by the XXII Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1974, 144 p. (In Russ)

2. Artemov E.T., Bedel A.E., Zubkov K.I. (Eds.) Economic development of the Urals and Western Siberia in the XX century: planning and management: a collective monograph. Yekaterinburg: UrO RAN, 2018, 368 p. (In Russ)

3. Nikonov A.A. Spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (XVII–XX centuries). Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven, 1995, 574 p. (In Russ)

4. Il'inykh V.A., Orlov D.S. 1960s – early 1990s: discourse and choice. *Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX veke: vybor putey i metodov modernizatsii*. Novosibirsk: Sibprint, 2015, 298 p. (In Russ)

5. Il'inykh V.A., Orlov D.S. The Agrarian question in the USSR in the Mid-1960s: Discourse and Choice. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2015*. Irkutsk, 2015, pp. 43–51 (In Russ).

6. Kuznetsova E.T., Nikiforova L.V. Vladimir Grigoryevich Venger: thinker, researcher, teacher. Moscow, 2015, 306 p. (In Russ).

7. Kryukov V.A. Thank you “to comrades Sanina A.V. and Venger V.G.”. *ECO*, 2014, no. 5(479), pp. 2–4 (In Russ).

8. Zelenin I.E. N.S. Khrushchev's agrarian policy and agriculture. Moscow, 2001, RI RAN, 305 p. (In Russ.)

9. Andreenkov S.N. State and Collective Farm System in the First Half of the 1960s: Development Problems and Anti-Crisis Recommendations of Scientific Economists. *Istoriicheskij kur'er*: 2021, no. 4(18), pp. 109–120. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf> (In Russ.)

10. Tushkanov M.P. S.G. Kolesnev and his scientific schools. *Doklady Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. Moscow, 2016, pp. 554–558.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021

Дата рецензирования 13.01.2022

Статья принята к публикации 03.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220111

УДК 94: 004+929 (47+57)"1931/1988"

И.А. КРАЙНЕВА, А.Г. МАРЧУК

**АКАДЕМИК А.П. ЕРШОВ И ИСТОРИЯ ИНФОРМАТИКИ В СССР
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. акад. Лаврентьева, 6

В статье освещены некоторые страницы биографии академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988), вписанные в историю информатики. В основу исследования легли источники из Электронного архива ученого. Проект по созданию Электронного архива выполнялся в ИСИ СО РАН с 2000 по 2007 г. Было оцифровано более 170 тыс. документов, которые ученый собирал, будучи сотрудником Академии наук СССР. Данный ресурс является одним из трех Открытых архивов СО РАН, которые выполняют функцию аккумуляции персональных архивов ученых и архивов по истории науки в России и Сибири. Они характеризуют новый этап в работе историка науки на основе междисциплинарности и сетевой организации коммуникаций. Архив академика Ершова обладает значительным эпистемологическим потенциалом. Эти материалы позволяют изучать историю информатики с нескольких ракурсов: персонального, институционально-дисциплинарного, локального и международного. Мы выявляем и представляем когнитивный потенциал ресурса, которым пользуются историки науки в России и за рубежом.

Ключевые слова: качественная информация, национальная программа информатизации школы, открытые архивы, междисциплинарность, история науки, персональная история.

I.A. KRAYNEVA, A.G. MARCHUK

**ACADEMICIAN A.P. ERSHOV AND A HISTORY OF INFORMATICS IN THE USSR
(MARKING THE 90TH ANNIVERSARY)**A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS,
6, Lavrentjev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Any scientific discipline is a social-cognitive phenomenon, in this case, informatics, is structured as a certain system. The authors postulate that the history of a scientific discipline comprises several system blocks, or aspects: personal, institutional-disciplinary (cognitive), national (local), and international ones. Each of them can become an independent object to study. Using a relevant array of sources, including the electronic archive, and research tools, it is possible to reconstruct the history of a scientific discipline at an actor position. The personal approach allows revealing the inner motives of an actor in science, his/her reaction to external challenges, and the degree of psychological and social stability. In this study, the life of Andrei P. Ershov, who experienced the realities of the late Stalin period, provides the researchers with rich material. The institutional-disciplinary aspect reflects the role of a person in establishing and developing a scientific discipline. Again, there is a remarkable opportunity to trace this influence by the example of starting a new discipline, Computer Science. This discipline emerged and established itself over, at the early Cold War years. Being physically remote from the center, Ershov had an essential, if not decisive, effect on its shape and theoretical foundations. Moreover, he contributed largely to popularizing Computer Science by bringing it to education and culture. The local perspective of functioning informatics within the national state framework had its specific features: catching-up nature of the economy and influencing the ideological metaphor expressed in the class approach to scientific activity. This approach, adopted by Ershov, contradicted the international status of science. At the same time, Ershov did his best to absorb the best foreign ideas, pursue international contacts and defend their importance before the authorities. At that time, ambiguous conflicts in international cooperation were not rare. The authors have considered a few in order to demonstrate how Soviet scientists managed to find a way out when dealing with the scientists from other countries, with different mentality.

Key words: high-quality information, open archives, national program of informatization, interdisciplinarity, history of science, personal history.

Ирина Александровна Крайнева – д-р ист. наук, старший научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, e-mail: krayneva55@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>

Александр Гурьевич Марчук – д-р физ.-мат. наук, заведующий лабораторией, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, e-mail: mag@iis.nsk.su; <https://orcid.org/0000-0001-8455-725X>

Irina A. Krayneva – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS.

Alexander G. Marchuk – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher, Head of Laboratory, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ: **HISTORIA – MAGISTRA VITAE**

Научное наследие академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988) включает не только его публикации, сохраняющие свою актуальность, но и архив¹, библиотеку, научную школу, а также инфраструктуру по подготовке научно-практической смены, в которую входят кафедра программирования ММФ НГУ, Летние школы юных программистов, олимпиады по программированию. Периодическая и работающая Международная научная конференция «Перспективы систем информатики» позволяет апробировать локальные исследования в международной аудитории.

В 2021 г. исполнилось 90 лет со дня рождения академика, чья научная, научно-организационная и общественная деятельность представляет неизменный интерес для историков науки в России и за рубежом. В этом отношении его научный архив имеет особое значение. Судя по той тщательности, с которой создавался бумажный архив, можно сделать вывод, что историзм стал одной из определяющих черт личности А.П. Ершова как ученого. Практически с первых шагов своей деятельности в Академии наук в первой половине 1950-х гг. он приступил к формированию архива документов, связанных с историей информатики, тогда еще неназванной науки. Корпус документов типологически представлен делопроизводственной документацией, в которой наибольший интерес имеют отчеты различного содержания и назначения; научными трудами (статьи, монографии, аналитические записки), источниками личного происхождения (исторические интервью, личная переписка, дневники), отечественной и зарубежной периодикой, публицистикой, изобразительными и фотоматериалами. Значительную часть коллекции составляет переписка с зарубежными и отечественными специалистами, помимо чисто деловой переписки с различными инстанциями. В архиве можно найти материалы по всем значимым форумам советских программистов, международным контактам в области computer science (IFIP, ACM, IRIA, ICM, UNESCO). Несмотря на значительный эвристический потенциал, данный корпус нельзя считать самодостаточным. Недосказанности, встречающиеся в отдельных материалах коллекции, требуют привлечения документов из других архивов. В случае успеха расширяются возможности исторической реконструкции важных событий, в частности при исследовании истории первых отечественных ЭВМ [1, 2].

Репрезентативность архива А.П. Ершова, его наукоемкость привлекают исследователей и в нашей стране, и за рубежом. Документы архива использо-

ваны при написании статей, книг [3, 4, 5, 6] и диссертаций [7, 8, 9]. В данных работах рассматриваются вопросы становления программирования в СССР (направление исследований заложено самим А.П. Ершовым), развитие вычислительной техники (А.П. Ершов впервые в истории вычислительного дела провел интервью с академиком М.А. Лаврентьевым, стоявшим у истоков создания отечественной вычислительной техники, тем самым заложив основы устной истории в этом науковедческом направлении). Кроме того, поднимаются проблемы подготовки кадров программистов на всех уровнях образовательной лестницы.

Изучая историю информатики, нельзя обойти вниманием такую коллекцию архива, как материалы Комиссии по системному математическому обеспечению Координационного комитета по вычислительной технике АН СССР (КОСМО КК ВТ АН СССР, 1978–1988). Комиссия стала своеобразным форумом для обмена опытом, мнениями и для аккумуляции сведений об основных направлениях развития школ и центров отечественного программирования в АН СССР и связанных с ней организациях. Историки науки и техники постоянно находят в архиве А.П. Ершова источник информации, вдохновения и стимул к новым исследованиям.

Статья посвящена тем направлениям исследований, которые обеспечены возможностями архива Ершова на персональном, институционально-дисциплинарном, локальном и международном уровнях становления и развития программирования в СССР.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: **«Я ИМЕЮ ДЕЛО С ЭВМ С 1952 г. И РОС СРЕДИ НИХ, КАК КОГДА-ТО СЕЛЬСКИЕ ДЕТИ РОСЛИ СРЕДИ ЛОШАДЕЙ И ПРОЧЕЙ ЖИВНОСТИ»**

Андрей Петрович Ершов мечтал стать физиком. Возглавив отдел программирования ВЦ СО АН СССР, он получил довольно обширный кабинет, где собирал и хранил не только архив, но и библиотеку. Книжки по физике в ней составляют внушительную коллекцию. Вспоминая юность, ученый говорил своему интервьюеру – журналисту Карлу Левитину парадоксальные вещи: «В школе я очень хотел заниматься ядерной физикой. Правда, интерес к математике у меня тоже был, но где-то на втором плане... Выбор [Физтеха. – *Авт.*] был предопределен не столько глубоким интересом к физике, а тем, что туда вступительные экзамены были в три тура, и мне очень захотелось их все пройти» [10, с. 26].

Ершов поступил на физический факультет Московского государственного университета, но после года учебы он и еще несколько студентов были переведены на мехмат. Для участия в ядерной программе СССР (Советский атомный проект, САП) после окончания университета нужно было иметь безупречную,

¹ Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/> (дата обращения: 15.12.2021).

с точки зрения властей, биографию. Тщательный отбор выявлял «неблагонадежных»: Ершов в свои 11 лет вместе с родителями находился на оккупированной территории Донбасса с августа 1942 г. по февраль 1943 г. [4, с. 15]. Анализируя данный факт, видим, как менялось отношение власти к специалистам. Если до середины 1930-х гг. главным препятствием социальному лифту было происхождение, артикулированное в терминах «чуждых» и «лишенцев», то в 1950-е гг. таким препятствием стали другие факты биографии, на основании которых человек попадал в разряд «неблагонадежных». Естественно, Ершов не мог опротестовать решение о переводе на другой факультет, довольный уже тем, что остался в университете [10, с. 15].

Встретив сокурсника, который специализировался на кафедре вычислительной математики МГУ, Ершов нашел свой путь². В то время Ляпунов был в числе немногих, кто видел «живую» ЭВМ – в Феофании под Киевом у С.А. Лебедева (1902–1974). Ляпунов разработал операторный метод программирования, но работать в Атомном проекте не стал. Его ожидала карьера заведующего отделом программирования в отделе прикладной математики М.В. Келдыша в МИАН³. Но уже в октябре А.А. Ляпунов просил освободить его от должности; так как обслуживание вступающей в строй ЭВМ «Стрела» отвлекало от теоретической работы. Познакомившись с работой американского математика Н. Винера «Кибернетика», А.А. Ляпунов увлекся этой новой наукой.

С 1950-х гг. А.П. Ершов начал вести дневник. Благодаря некоторым достаточно регулярным записям мы знаем основные проблемы, с которыми сталкивался молодой ученый. Были и успехи, и непреодолимые обстоятельства. Еще в студенчестве Ершов начал работать в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, а в 1955 г. перешел в Вычислительный центр АН СССР, в 1954 г. стал аспирантом Ляпунова. В августе 1958 г. в Издательстве АН СССР вышла первая монография Ершова «Программирующая программа для быстродействующей электронной счетной машины» (тираж 4 тыс. экз.). Через месяц она была распродана: «ПП в магазинах нет! Автору слышать приятно»⁴. Книгу перевели и на китайский язык: в это время СССР активно помогал экономическому развитию КНР, в том числе в создании ЭВМ.

² Создана в 1949 г., здесь в 1952–1953 гг. А.А. Ляпунов прочитал «Принципы программирования». См.: Конспекты лекций А.А. Ляпунова. Электронный архив А.П. Ершова. <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/795235> (дата обращения: 15.12.2021).

³ Архив ИПМ им. М.В. Келдыша. Ф. 350, л. Оп. 4 Д. 87. Л. 133.

⁴ Дневник Ершова 1953–1964, запись 12.09.1958. Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/660663> (дата обращения: 15.12.2021).

А.П. Ляпунов поощрял своего аспиранта в защите кандидатской диссертации, шла работа над текстом. Оппонентом был выбран известный алгебраист А.А. Марков (1903–1979). Сотрудничество не переросло в симбиоз: Марков задерживал рецензируемую рукопись, придирчиво разбирал текст. Нормальные и операторные (вычислительные) алгоритмы вступили в эпистемологическое противоречие: «Кое-в чем он прав, особенно, когда говорит о неточности программистской терминологии, но, кажется, некоторых вещей он не понимает»⁵. В итоге А.А. Марков отказался оппонировать, А.П. Ершов – защищаться.

Конец 1950-х. Уже формируются коллективы институтов СО АН СССР. В начале 1961 г. Ершов не без колебаний переехал в Новосибирск⁶. Здесь молодой ученый встретил поддержку руководства в лице директора ВЦ, чл.-кор. Г.И. Марчука (1925–2013), своего учителя А.А. Ляпунова. Защита диссертации А.П. Ершова состоялась в январе 1962 г. А.А. Маркова заменил А.И. Мальцев (1909–1967).

В 1967 г. Андрей Петрович защитил докторскую диссертацию. Проекты отдела программирования – Альфа-транслятор, многоязыковая транслирующая система БЕТА, система разделения времени АИСТ-0 и другие – привлекают внимание мировой программистской элиты. В архиве отложились практически вся проектная документация, протоколы семинаров, научные публикации по данным проектам. Мы можем отследить успехи и трудности их реализации от чисто научных проблем до личностных отношений в коллективах. Последний большой научный проект А.П. Ершова – исследование в области смешанных вычислений и связанный с ним Коллоквиум по смешанным вычислениям в Дании (1987). Проектом большого общественного значения стала реализация национальной программы информатизации образования (1984–1988).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: «ПРОФЕССОР ПЕЙПЕРТ НАВСЕГДА ОБРАТИЛ МЕНЯ В СВОЮ ВЕРУ»

Помимо разработки теоретических вопросов программирования, собственно программистских проектов важной компонентой научного наследия А.П. Ершова является его вклад в формирование компьютерной грамотности – направления, известного в СССР/России как «школьная информатика». Это был проект социального значения на новом институциональном уровне – выполнялась национальная программа ин-

⁵ Там же, запись 06.05.1959. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/660670> (дата обращения: 15.12.2021).

⁶ Электронный архив академика А.П. Ершова URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/lists_front/35 (п. 35, л. 108-1) (дата обращения: 15.12.2021).

Рис. 1. А.П. Ершов, Москва, 1950-е гг.*
A.P. Ershov, Moscow, 1950s.

Рис. 2. А.А. Ляпунов, Москва, 1950-е гг.*

* Комментарий: см к фото А.П. Ершова.

* См.: Фотоархив СО РАН. URL: http://www.soran1957.ru/soran1957.aspx?id=da3_0001_0587; http://www.soran1957.ru/soran1957.aspx?id=da2_0002_0944 (дата обращения: 15.12.2021).

Рис. 2. Первые сотрудники Отдела программирования Института математики с Вычислительным центром СО АН СССР (слева направо): А.П. Ершов, В.Т. Дементьев, И.А. Виткина, О.К. Омельченко, А.П. Меренков, В.Ф. Скрипник, М.М. Безжанова. Москва, 1958 г.*

The first employees of the Programming Department of the Institute of Mathematics with the Computing Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (from left to right): A.P. Ershov, V.T. Dementiev, I.A. Vitkina, O.K. Omelchenko, A.P. Merenkov, V.F. Skripnik, M.M. Bezhanova. Moscow, 1958).

* См.: Фотоархив СО РАН URL: http://www.soran1957.ru/soran1957.aspx?id=PA_folders100-111_0002_0206 (дата обращения: 15.12.2021).

форматизации образования. Здесь Ершов занимает достойное место среди тех ученых, чье влияние и формирующая роль в продвижении инициатив компьютерного образования в мире столь высоки. Мы имеем в виду Сеймура Пейперта (1928–2016) в США и Жан-Жака Серван-Шрайбера (1924–2006) во Франции [8].

По мнению этих пионеров информатизации образования, компьютерная грамотность, или компьютерная культура, означала нечто большее, чем развитие практических навыков в использовании компьютера⁷. Речь шла о преобразовании человека. Каждый из протагонистов информатизации предполагал свой особый способ включения ЭВМ в образ мышления и бытия отдельного человека: в качестве улучшения когнитивного развития – в Соединенных Штатах, как элемента культуры – во Франции и как партнера в работе – в Советском Союзе. Примерно в одно и то же время в этих странах компьютер рассматривали в роли инструмента, способного модернизировать общество, расширяя возможности людей (вместо рыбы надо дать удочку, как считали французские социалисты, озабоченные экономическими проблемами общества) [8, с. 39]. В указанных странах путь к трансформации личности и общества видели в том, чтобы сделать компьютер доступным для образования и детей, и взрослых. В США внедрение компьютеров в систему образования шло под лозунгом «компьютерной грамотности», во Франции – «информационной культуры», а в Советском Союзе – «второй грамотности» [8, с. 35, 41].

Помимо собственной убежденности в продвижении компьютерной грамотности среди школьников А.П. Ершов был особо вдохновлен деятельностью Сеймура Пейперта, разносторонние интересы которого проявились в математике, программировании, в области искусственного интеллекта, в психологии и педагогике. Выходец из еврейской семьи эмигрантов из Литвы, Пейперт некоторое время жил в Претории. В 1952 г. он получил докторскую степень по математике в Университете Витватерсранда (ЮАР), вторую – в Кембридже в 1958 г. Он стал сотрудничать с известным швейцарским психологом Жаном Пиаже (1896–1980), создателем теории когнитивного развития. Именно это знакомство привело Пейперта в педагогику. Пиаже придерживался теории конструктивизма, которая утверждала, что обучение возникает в результате построения ментальных моделей, основанных на опыте, и эта теория оказала влияние на представления Пейперта о детях и обучении⁸.

⁷ Персональные компьютеры появились в США и Европе в середине 1970-х гг, в СССР – к концу 1980-х.

⁸ Seymour Papert. <https://www.britannica.com/biography/Seymour-Papert> (дата обращения: 15.12.2021).

Полагая, что компьютеры могут произвести революцию в обучении, в конце 1960-х гг. Пейперт изобрел язык программирования Logo, на котором дети могли рисовать картинки, управлять роботоподобными существами или участвовать в другой учебной деятельности. Позже он сотрудничал с компанией LEGO над MINDSTORMS, линейкой программируемых игрушек, в которой кубики LEGO дополнены датчиками и пультами управления, позволяющими создавать полностью автоматизированную игрушку⁹. Олимпиады по программированию на языке Logo популярны в России с 1990-х гг.

Первое знакомство Ершова с Пейпертом состоялось в 1970 г., во время длительной поездки в США. Вскоре Ершов получил приглашение принять участие в работе Весенней Объединенной вычислительной конференции (SJCC, Атлантик Сити, май 1972 г.) и выступить на ней с так называемой Банкетной речью (Lancheon Adress)¹⁰. Ершов тогда стал первым иностранным ученым, получившим такое предложение. Председатель программного комитета конференции Джекоб Шварц (1930–2009) советовал Ершову осветить роль компьютеров в экономике, но свое выступление, текст которого до сего дня считается своеобразным манифестом программистов, ученый назвал «Эстетический и человеческий фактор программирования»¹¹. В этом выступлении Ершов впервые высказал мысль о программировании как второй грамотности, ее он разовьет позже в другом выступлении [11]. Здесь же он сослался на опыт работы С. Пейперта и его коллеги М. Минского (1927–2016), которые «выбросили в корзину ходячее представление, что дети учатся бессознательным методом подражания. Они доказывают, что человек научается чему-либо только в том случае, если в голове складывается блок-схема действия, выделены программы и проложены информационные связи. Профессор Пейперт навсегда обратил меня в свою веру на примере жонглирования двумя мячами, когда, апеллируя к моим способностям программиста, он за десять минут научил меня тому, чего бы я сам не сделал за несколько часов».¹²

Главным содержанием школьного курса информатики, согласно разработанному командой А.П. Ер-

⁹ Название игры было получено из влиятельной работы Пейперта «Mindstorms: Children, Computers, and Powerful Ideas» (Harvester Press, 1980, 238 p.). В ней ученый аргументирует преимущества обучения компьютерной грамотности в начальных и средних школах.

¹⁰ Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/783015> (дата обращения: 15.12.2021).

¹¹ Там же. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/782649> (дата обращения: 15.12.2021).

¹² Там же. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/579116> (дата обращения: 15.12.2021).

шова научно-методическим основам являлось алгоритмическое мышление, способность учащихся построить план действий и предвидеть их результат. Знакомство с ЭВМ, понимание ее роли в обществе отошло на второй план. К этому образу действия Ершов и его коллеги пришли в результате педагогического эксперимента, работы со школьниками, которая велась в отделе программирования с момента отделения Вычислительного центра от Института математики в 1962 г. В Академгородке заработал Совет по проблемам образования, общегородской семинар «ЭВМ и учебный процесс», объединив таких исследователей, как Ю.А. Первин, Г.А. Звенигородский, С.И. Литерат, Н.А. Юнерман (Гейн), Н.А. Садовская, Л.В. Городняя и др. Постепенно экспериментальная деятельность переросла в фундаментальное научное направление, решение задач государственного уровня. Сформировалось несколько блоков программы: создание концепции информатизации образования, формирование кабинета информатики, разработка специализированных ЭВМ, разработка специальных языков и пакета прикладных программ «Школьника» и т.п.

Первый опыт работы по компьютеризации школы позволил А.П. Ершову и его ближайшим соратникам Г.А. Звенигородскому и Ю.А. Первину сформулировать основные подходы к раннему обучению программированию. Был подготовлен документ «Школьная информатика: концепция, состояние, перспективы», опубликованный в 1979 г. [12]. Авторы считали, что навыки и стиль мышления, которые формирует информатика (умение алгоритмически мыслить, строить информационные структуры для описания объектов и систем, организовать поиск информации для решения поставленной задачи и т. п.), необходимы в современном мире практически каждому человеку, независимо от его образовательного уровня и сферы приложения профессиональных интересов. Стратегия преподавания информатики в школе, выбранная авторами концепции, состояла в решении как общеобразовательных задач, так и более специфической задачи дальнейшего профессионального изучения программирования. Рассматривая подходы к преподаванию программирования, они пришли к выводу, что обучение с помощью специально разработанного языка, отражающего все основные концепции современного программирования и созданного на базе родного естественного языка, является наиболее приемлемым для общеобразовательной школы.

Позже на основе данной концепции строилась реализация национальной программы информатизации школы в 1984–1988 гг. Ей предшествовало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности

учащихся средних учебных заведений и широкому внедрению электронно-вычислительной техники в учебный процесс» в марте 1985 г., в подготовке которого Ершов принял непосредственное участие. Он предлагал трехэтапное осуществление школьной реформы, поскольку отечественная промышленность не могла обеспечить школы персональной вычислительной техникой даже на базе одного кабинета, не было достаточного количества учителей, но сработал принцип жесткой централизации отечественного образования: курс «Основы информатики и вычислительной техники» вводился одновременно и повсеместно.

В курсе «Основ...» Андрей Петрович наиболее глубоко проработал именно тему «Алгоритм и алгоритмический язык». Он считал, что эти важнейшие понятия программирования учащиеся смогут освоить в период начального, «безмашинного», срочного введения в курс информатики как теоретическую его часть, что будет способствовать «выработке взгляда на алгоритмизацию и программирование как на новый вид математической практики». Поскольку даже общешкольный вычислительный кабинет еще не стал достоянием массовой школы, предлагалось опираться на традиционные формы урока. Конечно, это обстоятельство рассматривалось как слабое место реформы. Однако не все так однозначно. Современный подход к предмету информатики состоит не столько в освоении пользовательских навыков работы с компьютером. В нем много мыслительных задач, что развивает умственные способности, воображение, абстрактное и логическое мышление, к чему стремились протагонисты данной дисциплины [13].

Аналогичный подход обнаружили наши коллеги, исследуя деятельность еще одного энтузиаста математического просвещения – алгебраиста В.А. Успенского (1930–2018)¹³. В своей книге для школьников и учителей он использовал некий формализм – машину Поста, предложенный американским логиком/польским эмигрантом Эмилем Постом (1897–1954) в качестве инструмента овладения формальным мышлением, средства обучения детей программированию, начиная с дошкольного возраста [14]. Абстрактная (т.е. не существующая как техническое средство) вычислительная «машина Поста» может выполнять самые элементарные действия, ее описание и выполнение простейших программ могут быть доступны ученикам начальной школы. На ней можно програм-

¹³ Tatarchenko K., Yermakova A., De Mol L., Russian Logics and the Culture of Impossible: PART I: Recovering Intelligentsia Logics; PART II, Reinterpreting Algorithmic Rationality. URL: <https://hal.univ-lille.fr/hal-03081260/document>; Op. cit. PART II: Reinterpreting Algorithmic Rationality. URL: <https://hal.univ-lille.fr/hal-03328539/document> (accessed: 14.12.2021).

мировать алгоритмы, что позволяет пройти начальный этап обучению теории алгоритмов и программированию. Успенский считал, что введение в фактическое использование вычислительного устройства должно быть отложено до тех пор, пока выполнение программ не будет усвоено на бумаге. По Успенскому, как и по Ершову, практический аспект приобретения знаний не подразумевал необходимости иметь доступ к определенному компьютеру – формальное мышление позволяет работать с любым представлением или материализацией, которая делает возможным включить воображение (перформатив). Этот способ обучения, названный «оперативным» или «перформативным», как показали исследования, применялся в отечественной традиции образования уже в конце XIX – начале XX в.¹⁴

Таким образом, информатика с середины 1980-х гг. прочно вошла в школьные программы СССР/России, в течение жизни одного поколения с 1951 по 1985 г. пройдя траекторию институционализации от возникновения навыков немногих посвященных до школьного предмета и массовой профессии. Кроме того, сочетание отечественного и зарубежного опыта в деле модернизации школы на основе информатизации принесло хорошие плоды. И хотя порой новое оказывалось хорошо забытым старым, мы видим, как конвергентные процессы проявляли себя в неожиданных обстоятельствах. Будь то конструктивизм Пиаже, «черепашка» и LEGO Пейперта или «перформатив» Успенского и Ершова. В основе этих приемов лежали общие подходы к раннему развитию детей, обучению формальному мышлению, алгоритмизации не только как математической абстракции, но как необходимому элементу общей культуры. Будет ли сохранен вышеописанный опыт – это не вопрос происхождения или заимствования идей, а вопрос востребованности обществом соответствующих путей развития образования и основанных на нем компетенций.

ЛОКАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ: ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ НАУКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Сотрудничество отдела программирования ВЦ СО АН СССР с корифеями Computer Science – факт непреходящего значения. Дж. Маккарти, сэр Э. Хоар, А. ван Вейнгаарден, Э. Дейкстра, Дж. Шварц, М. Нива, З. Манна, Д. Кнут, Х. Земанек, С. Клини и другие – многие из них были дружны с А.П. Ершовым и его сотрудниками, участвовали в совместных иссле-

дованиях, научных мероприятиях, проходили стажировку в отделе программирования¹⁵.

Следует отметить, что, несмотря на факт признания интернациональности научных открытий, как и самой науки в целом, существование государственных границ, национального законодательства, идеологии и прочих обстоятельств, в которых работали советские и зарубежные ученые, всегда оказывало свое влияние на их деятельность и взаимоотношения. Антагонизм политических систем СССР и западных стран, особенно США, который укладывался в глобальное противостояние «холодной войны» (1946–1985), не только сдерживал научные контакты, но порой ставил их под вопрос. Тем не менее внимание к передовым технологиям США никогда не ослабевало ни у политиков, ни в среде ученых.

Существует несколько типов апелляции к международному научному сообществу: прагматический, репутационный, коммуникативный и конкурентный. В новейшее время они постоянно коррелируют с другими процессами, внутренними и внешними по отношению к науке: с укреплением национальных институтов знания и образования, ростом их роли в межгосударственной конкуренции [15, с. 59]. В конкретном институциональном поле Computer Science XX в. эти процессы также имели влияние. А.П. Ершов отдавал должное всем трем типам взаимодействия с зарубежными коллегами (прагматический, репутационный и коммуникативный), которые должны были развивать и укреплять четвертый (конкурентный). Это было актуально в условиях догоняющего характера развития нашей вычислительной техники и ее математического обеспечения, как представляли ситуацию корифеи информатики¹⁶.

Первый же длительный контакт Ершова с американскими специалистами в 1965 г. во время его триумфальной поездки на конгресс ИФИП-65 завершился гневным письмом президента АН СССР М.В. Келдыша директору ВЦ Марчуку. Поездка состоялась 24 мая – 5 июня 1965 г. Выступление на конгрессе и последующее турне по Америке, во время которого Ершов посетил несколько организаций, связанных с разработкой и эксплуатацией вычислительной тех-

¹⁵ Отчет А. Ершова, Дж. Маккарти «Набросок состава БЭТА-языка», 1967. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/778505>; Письмо Д. Кнута: идея паломничества на родину Аль Хорезми, 1976. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/node/766369>; Отчет о пребывании в ВЦ СО АН профессора Дж. Шварца, 1971. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/804710> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁶ Дороницын А.А. О состоянии математического обеспечения ЭВМ. Июль 1969 г. // Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/796853> (дата обращения: 15.12.2021); Число типов и количество ЭВМ в СССР и США в первой половине 1950-х гг. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 512. Л. 20.

¹⁴ Tatarchenko K., Yermakova A., De Mol L. Op. cit. PART II: Reinterpreting Algorithmic Rationality. <https://hal.univ-lille.fr/hal-03328539/document> (accessed: 14.12.2021).

ники, были встречены весьма доброжелательно. Это было важно, поскольку в начале визита советской делегации Госдепартамент США ограничил программу советских ученых, отказав им в возможности путешествовать по стране по окончании конгресса. Дипломатические проблемы возникли в отношении советской делегации не случайно: еще жива была память о Карибском кризисе в октябре 1962 г.

Благодаря поддержке видных американских ученых Ершов посетил ряд центров вычислительной науки после конгресса. Выступая в Лос-Анджелесском отделении Ассоциации вычислительных машин (Association for Computing Machinery, ACM), Ершов отвечал на вопросы корреспондентов. Помимо прочего, он критически отзывался о советских ламповых ЭВМ: «У нас множество проблем с нашими ламповыми компьютерами», – сказал он, в частности, заметив, что его американские пользователи давно забыли о таких проблемах. Имея дело только с подконтрольной прессой, Ершов говорил о некоторых вещах «не для протокола», рассчитывая на сдержанность журналистов. Однако корреспондент газеты *Electronic News* Р. Хенкель опубликовал статью под названием «Советский эксперт о советских компьютерах: недостаточно и не очень хорошие»¹⁷. И хотя Ершов не привел сведений, которые не были бы известны советскому научному сообществу, тем более таких, которые сдержали бы государственную тайну, информация об этой публикации доведена была до сведения президента Академии наук СССР М.В. Келдыша как о неприемлемой.

Директор ВЦ Г.И. Марчук поддержал написание А.П. Ершовым 300-страничного отчета о поездке [16]. Ершов, кроме того, пространно ответил Келдышу, выдвинув конкретные предложения по расширению международных контактов, усилению позиций СССР в международном научном сотрудничестве [9, с. 119–122]. Затронув в своем интервью для американской прессы весьма болезненный вопрос о качестве и количестве отечественной вычислительной техники, Ершов вторгся на чужую территорию. Возможно, поэтому реакция руководства была столь резкой, не исключено, что с подачи создателей ЭВМ.

В упомянутой поездке Ершов второй раз встретился с Дж. Маккартни (1927–2011). Они познакомились еще в 1958 г. на Международной конференции «Механизация процессов мышления» в Великобритании. Дружба с будущим лауреатом премии Тьюринга (1971), автором термина «искусственный интеллект», создателем языка Lisp (1958), основоположником

функционального программирования прошла проверку временем и политическими коллизиями.

Одна из таких коллизий сложилась при организации 4-й Международной объединенной конференции по искусственному интеллекту (МОКИИ-4), которая состоялась в Тбилиси в начале сентября 1975 г. 1970-е гг. – период расцвета советского диссидентства, деятельности правозащитников, роста национальной активности евреев и их стремления покинуть Советский Союз. Репрессии в отношении этих категорий социально активных людей, среди которых было немало ученых, вызывали сочувственную реакцию на Западе, звучали призывы к ограничению сотрудничества с советскими учеными. Здесь и далее мы будем опираться на документ, содержащий анализ проблем организации и проведения МОКИИ-4, автограф которого отложился в архиве Ершова¹⁸. Уже после принятия решения о проведении МОКИИ-4 в СССР (против чего голосовал и Дж. Маккарти) в августе 1974 г., затем в июле 1975 в открытой печати от имени «Комитета озабоченных ученых» (Committee of Concerned Scientists, Inc.) выступил профессор Мэрилендского университета Дж. Минкер (1927–2021) с призывом либо бойкотировать МОКИИ-4, либо перенести ее в другую страну²⁰. Аргументом в пользу такого решения проф. Минкер считал ограничение эмиграции из СССР и притеснение диссидентов. В результате советские специалисты А.П. Ершов, С.И. Самойленко и В.М. Брябрин, посетившие США в апреле 1975 г. в том числе с целью обсуждения программы МОКИИ-4, решительно отвергли кандидатуру Дж. Минкера в качестве руководителя панельной дискуссии «Искусственный интеллект, математика и кибернетика» в пользу Дж. Маккарти²¹.

Собственно, основная интрига конференции сформировалась вокруг персоны Александра Яковлевича Лернера (1913–2004) – д-ра техн. наук, сотрудника Института автоматики и телемеханики АН СССР (ныне Институт проблем управления РАН; на сайте ИПУ размещена краткая биография А. Лернера весьма комплементарного содержания). А.Я. Лернер – один из основоположников теории и практики оптимального управления, а также фундаментального направления теории управления – управления система-

¹⁸ Справка о политической кампании в США, связанной с 4-й Международной объединенной конференцией по искусственному интеллекту (МОКИИ-4). Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/769965> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁹ Так в источнике, см. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/769965> (дата обращения: 15.12.2021).

²⁰ Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/770390> (дата обращения: 15.12.2021).

²¹ Там же. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/541066> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁷ Henkel R. Soviet Expert on Soviet Units: Not Enough and Not Very Good. Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/600400> (дата обращения: 15.12.2021).

ми с распределенными параметрами. В 1970-х гг. он приступил к изучению роли человека в системе управления и сформулировал вместе с В.Н. Бурковым принцип открытого управления в теории активных систем. В это же время он принял решение о выезде в Израиль, разрешение на которое получил только в 1987 г. Таким образом, он противопоставил себя лояльному научному сообществу, и его участие в МОКИИ-4 оказалось под вопросом. Аргументы советских посланцев в США против участия А. Лернера в МОКИИ-4 состояли в следующем: первое, «люди, типа Лернера, поставили себя вне советской науки и научной деятельности вообще. Они предоставили себя в распоряжение различных организаций [...], проводящих политическую деятельность анти-советской направленности». Второе, «в СССР давно сложился порядок, при котором тот или иной участник представляет не столько себя лично, как делегировавший его научный коллектив или организацию». Поскольку ни одна научная организация не изъявила намерения выдвигать Лернера в качестве участника данной конференции, то он и не мог получить статус делегата «ни при каких обстоятельствах».

Однако усилиями Международного оргкомитета и в результате достигнутого компромисса А.Я. Лернер был допущен на конференцию, выступил на панели. Накануне конференции Дж. Маккарти, как руководитель (модератор) панели «Искусственный интеллект, математика и кибернетика», обратился с письмом к президенту АН СССР М.В. Келдышу с требованием допустить Лернера на конференцию. Кроме того, американские активисты оплатили оргвзносы ряду советских ученых еврейской национальности, чтобы гарантировать и им возможность участия. Была достигнута договоренность: участие в конференции в обмен на отказ от политических демаршей, что и было соблюдено А. Лернером, но не некоторыми другими протеже Международного оргкомитета. Спецслужбам пришлось нелегко, поскольку столь представительное участие иностранцев (около 80 чел.) не позволяло вводить жесткие ограничения. Конференция благополучно завершилась, плотный график и насыщенная культурная программа оказали свое благотворное влияние на ее участников.

Как мы уже заметили, удерживать дружеские отношения с зарубежными коллегами Ершову было весьма непросто. Скептический настрой Маккарти к проведению МОКИИ-4 в СССР объяснялся не только его мнением о низком уровне развития искусственного интеллекта в СССР. В 1968 г. он отказался приехать в Академгородок на год, как планировал, в длительную творческую командировку, протестуя против подавления Пражской весны. Однако был весьма удовлетворен Тбилисской конференцией, на которой

выступили такие наши корифеи искусственного интеллекта, как Д. Пospelов, Р. Зарипов, М. Гаазе-Раппопорт, Г. Адельсон-Вельский, В. Арлазаров, Н. Амосов, А. Нариньяни, И. Мельчук и др. Маккарти и позже приезжал в СССР, в Новосибирск и, в частности, выступил перед учащимися Летней школы юных программистов в 1985 г.

А.П. Ершов оказался в эпицентре событий на МОКИИ-4 не случайно, будучи, собственно, рядовым членом оргкомитета конференции от СССР. Международный авторитет Ершова сработал в сложной конфликтной ситуации, когда нужно было принять протокол, который устроил бы всех: и советское несгибаемое руководство и западных ученых, которые в отношении повестки конференции выработали консолидированную позицию. Положение Ершова в данном случае было непростым: в начале 1970-х годов сотрудник его отдела М. Шварцман подал заявление на выезд в Израиль. Это стоило нервов руководству ВЦ. В ноябре 1973 г. было проведено производственное совещание, на котором Андрей Петрович выступил с докладом «Об идейно-политической и воспитательной работе». Собственно, здесь он и изложил свой взгляд на науку как интернациональное явление, однако заметил: «Наука служит и ареной политической борьбы, что вызывает необходимость классового подхода к оценке научной деятельности и к научным контактам...»²². Хочется думать, что высказывание носило ритуальный характер, поскольку много усилий было потрачено на расширение сотрудничества с зарубежными учеными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Завершая наше исследование с использованием содержательного потенциала Электронного архива академика А.П. Ершова, мы хотели бы отметить два обстоятельства. Первое – его ценность как исторического источника, который кажется неисчерпаемым и всякий раз позволяет найти новые грани и проблемы для изучения. Ресурс претерпел некоторые изменения платформенных решений, о которых мы доложили на конференции «Научный сервис в сети Интернет-20» [8]. Разумеется, наша работа не умаляет значения других информационных ресурсов по истории информатики, таких, как государственные и ведомственные архивы. Второе обстоятельство связано с личностью самого А.П. Ершова, который за тридцать лет профессиональной деятельности, совершил так много для своей науки. Занимая достаточно скромную должность заведующего отделом програм-

²² Электронный архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/655188> (дата обращения: 15.12.2021).

мирования ВЦ СО АН СССР, благодаря своему профессионализму, государственному подходу к делу, умению общаться с людьми разных характеров, культурных особенностей и ценностных установок, Ершов был поистине незаменим в решении таких проблем, как институционализация науки, экспертные исследования, международные контакты и национальные проекты. Он был весьма горд тем фактом, что на протяжении жизни одного поколения знакомство с ЭВМ и понимание ее роли в обществе стало не только профессиональной деятельностью узкого круга людей, но и частью общего образования, элементом человеческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 4 (30). С. 135–155.
2. Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В. Становление советской научно-технической политики в области вычислительной техники (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 3 (29). С. 118–135.
3. Крайнева И.А., Марчук А.Г. История отечественной науки в открытых архивах СО РАН // Научный сервис в сети Интернет: труды XXII Всерос. науч. конф. (21–25 сентября 2020 г., онлайн). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. С. 449–461.
4. Крайнева И.А., Черемных Н.А. Путь программиста. Новосибирск: Nonparel, 2011. 222 с.
5. Крайнева И.А. Городня Л.В., Марчук А.Г. О работах по системному математическому обеспечению в странах Советской Балтии (1960–1990) // Развитие вычислительной техники в России и странах бывшего СССР: история и перспективы: труды Четвертой междунар. конф. SORUCOM-2017. М.; Зеленоград, 03–05 октября 2017 г. М., 2017. С. 129–138.
6. Afinogenov G. Andrei Ershov and the Soviet Information Age. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013, № 14 (3), 561–584.
7. Крайнева И.А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР (Ю.Б. Румер, А.А. Ляпунов, А.П. Ершов): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2019. 557 с.
8. Boenig-Liptsin, Margarita. Making Citizens of the Information Age: A Comparative Study of the First Computer Literacy Programs for Children in the United States, France, and the Soviet Union, 1970–1990: Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 2015.
9. Tatarchenko, Ksenia. A House with the Window to the West: The Akademgorodok Computer Center (1958–1993): Doctoral dissertation, Princeton, NJ: Princeton University, 2013.
10. Левитин К. Прощание с Алголом. М.: Знание. 1989. 224 с.
11. Ершов А.П. Программирование – вторая грамотность (англ.) // Труды 3-й Междунар. конф. «Компьютеры в образовании», Лозанна, Швейцария, июль 27–31, 1981. Amsterdam: North Holland, 1981, part 1, 1–17.
12. Ершов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепция, состояние, перспективы). Новосибирск, 1979. 51 с. (Препр./АН СССР, Сиб. отд-ние, ВЦ, № 152). (Школьная информатика; вып. 1).

13. Босова Л.Л., Босова А.Ю. Информатика: учеб. для 5 класса. М.: БИНОМ, 2013. 184 с.
14. Успенский В.А. Машина Поста. Изд-е 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2021. 104 с.
15. Ершов А.П. Вычислительное дело в США. По материалам поездки в США на III конгресс IFIP 25–29/V–65г. М., 1966. 339 с.
16. Куренной В.А. Интернациональный аргумент в философской коммуникации XIX в. // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 2, № 3. С. 57–72.

REFERENCES

1. Krayneva I.A., Pivovarov N.Yu., Shilov V.V. Soviet computer technology in the context of economics, education and ideology (the late 1940s – mid 1950s) *Idei i idealy*, 2016, no. 4, vol. 1, pp. 135–155. (In Russ.)
2. Krayneva I.A., Pivovarov N.Yu., Shilov V.V. Forming the Soviet scientific and technical policy in the field of computer technology (the late 1940s – mid 1950s) *Idei i idealy*, 2016, no. 3, vol. 1, pp. 118–135. (In Russ.)
3. Krayneva I.A., Marchuk A.G. History of domestic science in SB RAS' open archives. *Nauchnyy servis v seti Internet: tr. XXII Vseros. nauch. konf. (21–25 sent. 2020 g.)*. Moscow, pp. 449–461. (In Russ.)
4. Krayneva I.A., Cheremnykh N.A. The programmer's path. Novosibirsk: Nonparel, 2011, 222 p. (In Russ.)
5. Krayneva I.A. Gorodnyaya L.V., Marchuk A.G. Computing in the Baltic countries (1960–1990). *Razvitie vychislitel'noy tekhniki v Rossii i stranakh byvshego SSSR: istoriya i perspektivy: tr. Chetvertoy mezhdunar. konf. SORUCOM-2017. Moskva, Zelenograd, 03–05 okt. 2017 g.* Moscow, 2017, pp. 129–138. (In Russ.)
6. Afinogenov G. Andrei Ershov and the Soviet information age. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 3, pp. 561–584.
7. Krayneva I.A. Scientific heritage of the leaders of physics and mathematics schools of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (Yu.B. Rumer, A.A. Lyapunov, A.P. Ershov): diss. theses. Tomsk, 2019, 557 p. (In Russ.)
8. Boenig-Liptsin M. Making citizens of the information age: a comparative study of the first computer literacy programs for children in the United States, France, and the Soviet Union, 1970–1990: dissertation. Harvard, 2015, 398 p.
9. Tatarchenko K. (2013). A house with the window to the west: the Akademgorodok Computer Center (1958–1993): dissertation, Princeton, 2013, 268 p.
10. Levitin K. Farewell to Algol. Moscow: Znanie, 1989, 224 p. (In Russ.)
11. Ershov A.P. Programming is the second literacy. *Computers in Education: proc. of the 3rd Intern. conf., Lozanna, iyul' 27–31, 1981*. Amsterdam, 1981, pt. 1, pp. 1–17.
12. Ershov A.P., Zvenigorodsky G.A., Pervin Yu.A. School informatics (concept, state, prospects): preprint. Novosibirsk, 1979, 51 p. (In Russ.)
13. Bosova L.L., Bosova A.Iu. Informatics: a textbook. Moscow, BINOM, 2013, 184 p. (In Russ.)
14. Uspensky V.A. Post's Machine. 3rd ed. Moscow, LENAND, 2020, 104 p. (In Russ.)
15. Ershov A.P. Computing in the USA. Based on trip materials to the USA for the III Congress of IFIP 25–29/V–65. Moscow, 1966, 339 p. (In Russ.)
16. Kurennoy V.A. International argument in philosophical communication of the XIX century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 57–72. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2022

Дата рецензирования 01.02.2022

Статья принята к публикации 14.02.2022

DOI: 10.15372/HSS20220112
УДК 94: 378(571)"2000/2022"

Н.А. КУПЕРШТОХ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI В.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье проанализированы основные тенденции в изменении сети вузов, проблемы их деятельности, связанные с оптимизацией вузовского потенциала, сделаны выводы об основных тенденциях развития высшего образования в Сибири. Актуальность исследования обусловлена тем, что первые десятилетия XXI в. характеризуются высокими темпами научно-технологического развития многих стран мира, поскольку знания и образование становятся важнейшим ресурсом дальнейшего поступательного развития социума. По мере стабилизации социально-экономического положения России научно-образовательный потенциал как в стране, так и регионах получил дальнейшее развитие. В рамках новых государственных программ и проектов увеличилось финансирование, укрепилась материально-техническая база научно-образовательных учреждений, выросли кадры научно-образовательных центров. Вместе с тем в первые десятилетия XXI в. научно-образовательный комплекс Сибири претерпел значительные трансформации, связанные с реформированием и оптимизацией системы науки и образования в стране. В ходе исследования установлено, что в качестве одной из основных тенденций первых десятилетий XXI в. становится создания в РФ и регионах вузов нового типа – федеральных, национальных исследовательских, опорных университетов.

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, Сибирский регион, научно-образовательный потенциал, вузы Сибири.

N.A. KUPERSHTOKH

MAIN TRENDS OF THE HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT IN SIBERIA IN THE FIRST DECADES OF THE XXI CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes main trends in changing the network of universities, problems of their activities related to the university potential optimization in Siberia. The relevance of the topic under study is due to a number of factors. The first decades of the XXI century are characterized by high rates of scientific and technological development in many countries of the world, when knowledge and education become the most important resource for the society's further progressive development. As the socio-economic situation in Russia stabilizes, the scientific and educational potential has been further developed both in the country and in regions. Within the framework of new state programs and projects, funding has increased, material and technical facilities of scientific and educational institutions have been strengthened, and the personnel of scientific and educational centers has grown. The scientific novelty of the study is as follows. In the first decades of the XXI century, the scientific and educational complex of Siberia has undergone significant transformations associated with the reform and optimization of the science and education system in the country. However, there are practically no publications that comprehensively analyze this important socio-cultural sphere. Studying the Russian Federation scientific and educational policy made it possible to understand the processes of dynamics of changing number of universities, their division into certain types, as well as emerging new approaches to the educational process organization. The article gives a general description of the higher education system in Siberia. It reveals reasons for significant reducing the non-state higher education sector. The study has shown that the main trend of the first decades of the XXI century is becoming the creation of a new type of universities – federal, national research, flagship universities in the Russian Federation and the regions that would meet modern economic and socio-cultural needs of the society. However, in reality, the optimization process turned out to be not so smooth and caused critical comments of the scientific and educational community. The author concludes that promising regional strategies involving further strengthening the system of universities while integrating them with business, scientific, technical, industrial and socio-cultural institutions should take into account the real situation in universities.

Key words: state policy in education field, Siberian region, scientific and educational potential, universities of Siberia.

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение формирования и развития системы высшего образования в Российской Федерации является актуальным направлением исследований, что обусловлено рядом факторов. Период первых десятилетий XXI в. характеризуется высокими темпами научно-технологического развития многих стран мира, когда знания и образование становятся важнейшим ресурсом дальнейшего поступательного развития социума. По мере стабилизации социально-экономического положения России научно-образовательный потенциал как в стране, так и регионах получил дальнейшее развитие. В рамках новых государственных программ и проектов увеличилось финансирование, укрепилась материально-техническая база научно-образовательных учреждений, выросли кадры научно-образовательных центров.

В первые десятилетия XXI в. научно-образовательный комплекс Сибири претерпел значительные трансформации, связанные с реформированием и оптимизацией системы науки и образования в стране. Конечно, должно пройти какое-то время, чтобы появились исторические публикации, комплексно анализирующие эту важнейшую социокультурную сферу. Первыми на текущую ситуацию в вузовском секторе страны и региона откликаются, как правило, социологи и экономисты. В литературе существует направление по анализу текущей политики государства в области науки и образования. Среди авторов, известных взвешенными экспертными оценками состояния и перспектив развития отечественного научно-образовательного потенциала, можно назвать таких исследователей, как О.Г. Голиченко, И.Г. Дежина, Т.Л. Клячко, Г.А. Унтура и др. Проблемы регионального научно-образовательного потенциала освещаются в трудах А.М. Аблажея, В.В. Кулешова, И.А. Павловой, В.Е. Селиверстова и др.

Важным достижением экономической мысли является определение национальной инновационной системы как совокупности субъектов и институтов, деятельность которых направлена на создание и применение знаний для осуществлений инноваций и роста благосостояния населения на их основе [1, с. 54]. Вузы являются неотъемлемым элементом этой системы с усложняющимися задачами научно-образовательной деятельности в соответствии с трендами государственной политики. Исследователи В.С. Ефимов и А.В. Лаптева подчеркивают, что понимание глубины и масштабов происходящих процессов является необходимой основой модернизации страны и выработки адекватной стратегии российского образования [2, с. 5].

Работы экономистов служат для историков своеобразным ориентиром поиска проблем, истоки ко-

торых обусловлены историческими предпосылками. Пока можно говорить об отдельных публикациях по новейшей истории высшего образования в регионе. Историография проблемы развития вузов второй половины XX в., а также анализ основных трансформаций в развитии системы высшего образования Сибири в 1990-е гг. представлены в статье Н.А. Куперштох [3]. Анализ развития системы негосударственного высшего образования проведен Ю.И. Казанцевым [4]. Историю современного высшего образования Восточной Сибири изучала Н.А. Лоншакова [5]. Значительный вклад в историю конкретных вузов, анализ современной их деятельности внесли бывшие ректоры вузов Сибири [6, 7]. Перманентное реформирование системы высшего образования привело к существенным изменениям в структуре вузовского потенциала региона и нуждается во всестороннем историческом анализе. Источниковой базой исследования послужили документы по вопросам развития высшей школы (постановления Правительства РФ, указы Президента РФ), статистические материалы, периодическая печать, интернет-ресурсы вузов Сибири.

Цель статьи – проанализировать основные трансформации в развитии системы высшего образования Сибири в первые десятилетия XXI в. Методологической основой исследования выступает теория познания в сочетании с принципами объективности, историзма и научности. Данный подход предполагает изучение исторических явлений и процессов в динамике, с учетом внутренней логики и целесообразности. Система высшего образования рассматривалась как определяющий социокультурный фактор в развитии общества. От того, насколько уровень подготовки специалистов отвечает современным потребностям социума, зависит состояние науки, культуры, экономики, обороноспособности государства. Методами исследования были выбраны проблемно-хронологический, исторический, системный. Выбор хронологических рамок обусловлен следующим обстоятельством. «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» (2000 г.) впервые в постсоветской России определила развитие высших учебных заведений как центров образования, культуры, науки и новых технологий; интеграцию образования и науки, интеграцию образования и науки с производством. За первые два десятилетия XXI столетия наметились совершенно новые тренды в научно-образовательной политике государства, которые привели к появлению федеральных, национальных исследовательских, опорных университетов.

Территориальные рамки исследования заданы представлением о Сибирском макрорегионе как совокупности регионов, которые до 2000 г. относились к Западной и Восточной Сибири. Создание федераль-

ных округов в 2000 г. изменило научно-образовательный ландшафт территорий за Уралом. Часть регионов Сибири была отнесена к Уральскому (Тюменская область) и Дальневосточному (Республика Бурятия и Республика Саха (Якутия) федеральным округам. В результате Сибирь лишилась части вузов, расположенных в этих субъектах РФ. Однако пока в регионах действуют Тюменский, Бурятский и Якутский научные центры СО РАН, местные вузы находятся под научно-методическим руководством РАН и его Сибирского отделения.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ

«Национальная доктрина образования в Российской Федерации»¹ наметила приоритетные задачи в сфере высшего образования, которые предстояло решать и на региональном уровне. Хотя темпы развития системы высшего образования в регионе уступали аналогичным темпам в центре страны, Сибирский регион вступил в XXI в. с солидным вузовским потенциалом. В 1999/2000 учебном году в РФ насчитывалось 939 высших учебных заведений, в том числе в Сибири – 114². Однако процессы реформирования государственных вузов и массового закрытия негосударственных вузов привели к значительному сокращению их численности. Это стало результатом политики федерального Министерства образования и науки, которая предполагала сокращение числа вузов на 40 %, а филиалов – на 80 %³. Такую задачу поставил в 2015 г. министр Д.В. Ливанов с целью улучшить качество высшего образования, закрыв слабые вузы. Соответственно, уменьшилась численность вузов в регионах. В 2018/2019 учебном году в РФ насчитывалось 741 высшее учебное заведение, в том числе в Сибирском федеральном округе – 96⁴.

Анализируя проблемы высшего образования первых десятилетий XXI в. как в РФ в целом, так и в регионах, эксперты сходятся во мнении, что оптимизация вузов оказалась одной из самых болезненных тем модернизации российской высшей школы. В первую очередь это связано с реализацией на практике принципа добровольности объединения образова-

тельных организаций, а вот как раз в добровольном характере многие эксперты сомневаются. Курс на укрупнение и оптимизацию вузов существенно изменил их перечень в Сибирском регионе. Только в ходе создания федеральных и опорных университетов сеть вузов региона уменьшилась на 12 единиц. Но параллельно этому шел процесс обычной оптимизации сети вузов региона, который также сократил количество вузов. К примеру, в 2012 – 2013 гг. Иркутский государственный университет «поглотил» Восточно-Сибирскую академию образования (бывший педагогический университет), Забайкальский государственный университет вобрал в себя Гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского; и т.д.

В первое десятилетие XXI в. основным источником внебюджетных доходов вузов были доходы от образовательных услуг на платной основе. Доходы вузов от выполнения научно-исследовательских работ оказались нестабильными, так как зависели от заказов на НИР из негосударственного сектора экономики [8, с. 9]. С началом реализации национального проекта «Образование» (2006 г.) большая часть финансирования была выделена ведущим университетам и «не досталась» периферийным отраслевым вузам (педагогическим, экономическим, строительным, сельскохозяйственным). В этой связи ректоры вузов предложили ввести конкурсное распределение средств на программы развития вузов и научно-исследовательскую деятельность по понятным образовательному сообществу критериям. Государственная поддержка вузов, считали они, должна связываться со способностью высшего учебного заведения добиваться намеченных результатов [9, с. 19].

Во втором десятилетии XX в. основной акцент в государственной научно-образовательной политике уже явно был сделан на развитии университетской науки. Перед университетами, особенно элитными, были поставлены две основные и, по мнению д-ра экон. наук И.Г. Дежиной, почти взаимоисключающие задачи – стать центрами фундаментальных исследований в стране и одновременно заменить собой исчезнувшую прикладную науку. Университеты становятся участниками единой программы фундаментальных исследований, которая была сформирована в рамках государственной программы развития науки и технологий. В университетах стали активно обновляться исследовательская инфраструктура, выделяться средства для поддержки связей с промышленностью, коммерциализации результатов исследований и разработок⁵.

¹ О национальной доктрине образования в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 04.12.2021).

² Российский статистический ежегодник 2000 г. Образование. URL: http://istmat.info/files/uploads/45859/10_obrazovanie.pdf (дата обращения: 04.12.2021).

³ Макеева А. В России отчислили половину вузов // Коммерсант. 2018. № 20. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3540086> (дата обращения: 13.11.2021).

⁴ Образование в цифрах: 2020. Краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/os2020/> (дата обращения: 04.12.2021).

⁵ Дежина И.Г. Где наука расставит акценты? // Аккредитация в образовании. Информационно-аналитический журнал. URL: https://akvobr.ru/gde_nauka_rasstavit_akcenty.html (дата обращения: 01.12.2021).

Университеты всегда играли особую роль в развитии общества. Их деятельность как центров образования, науки и культуры является одной из важнейших основ общественного прогресса. Особенно значимой эта роль становится в XXI в., основанном на современных знаниях и принципах технологического развития. В «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁶ этап с начала 2000-х гг. характеризуется как этап перехода России к инновационной экономике, который сопровождается существенным увеличением объемов финансирования науки и образования. Поэтому в РФ и регионах началось создание вузов нового типа – федеральных, национальных исследовательских, опорных университетов, которые бы отвечали современным экономическим и социокультурным запросам общества.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В первом десятилетии XXI в. основной тенденцией, определившей развитие вузовского потенциала, стала организация федеральных и национальных исследовательских университетов. Федеральные университеты создавались на основе объединения нескольких региональных вузов в один, укрепления связей вузов с экономикой и социальной сферой федеральных округов. Миссия федеральных университетов – подготовка специалистов для сферы управления, экономики, образования, науки, культуры, технологических областей, которые входят в сферу национальных интересов. Задачей федеральных университетов является подготовка не только конкурентоспособных специалистов для своего федерального округа, но и научных и технологических решений в интересах региона, доведение технологий для практического внедрения.

Первоначально, в 2005 г., идея укрупненного университета возникла и обсуждалась в Красноярске как идея национального университета. В краевом центре состоялось заседание круглого стола с участием министра образования и науки А.А. Фурсенко, губернатора края А.Г. Хлопонина, чиновников высокого ранга, ректоров красноярских вузов и бизнесменов. А.А. Фурсенко высказался вполне определенно: Красноярский край с его богатыми природными ресурсами находится в сфере интересов бизнеса и власти, и создание здесь национального университета является политическим (скорее, даже геополитическим) шагом. Заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий» А.Я. Лифшиц предложил

создать на средства компании инженерный факультет для подготовки кадров, необходимых для отрасли⁷.

Однако в дальнейшем было признано целесообразным разделить ведущие университеты страны на две категории: федеральные и национальные исследовательские. К настоящему времени за Уралом действуют три федеральных университета – в Красноярске, Якутске, Владивостоке; четыре национальных исследовательских университета – в Новосибирске, Томске (два вуза), Иркутске. Начало этому процессу было положено в 2006 г., когда был образован Сибирский федеральный университет (СФУ)⁸ в Красноярске путем присоединения к Красноярскому государственному университету трех вузов: технического университета, университета цветных металлов и золота, архитектурно-строительной академии. В 2012 г. в состав СФУ вошли торгово-экономический институт и инженерный центр «Кристалл». Первым ректором СФУ стал академик РАН Е.А. Ваганов.

В 2009 г. было принято решение об организации Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) им. М.К. Аммосова⁹ в Якутске на основе потенциала вузов: Якутского государственного университета, инженерно-технического института, педагогической академии, а также нескольких институтов Академии наук РС(Я). Ректором назначена д-р пед. наук Е.И. Михайлова. В том же 2009 г. принято решение об организации Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)¹⁰ путем объединения трех университетов Владивостока – государственного, технического и экономического, а также педагогического института Уссурийска. Ректором назначен д-р техн. наук В.В. Миклушевский.

Необходимо отметить, что со времени принятия решений об организации федеральных университетов до начала их полноценного функционирования прошло от трех лет и более. Причиной этого, помимо чисто организационных сложностей, было следующее обстоятельство. «Поглощение» федеральными университетами целого ряда ранее самостоятельных вузов было неоднозначно встречено научным и вузовским сообществом, вызвало определенное неприятие ректорского корпуса, особенно в Красноярске и Владивостоке. Как показал опыт деятельности мега-вузов региона, опасения научно-преподавательского сообщества имеют под собой основания. Федеральные университеты обладают разветвленной структу-

⁷ Яковлева Г. Красноярск готов к созданию Национального университета? // Поиск. 2005. № 49.

⁸ Сибирский федеральный университет. URL: <https://www.sfu-kras.ru/> (дата обращения: 13.12.2021).

⁹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. URL: <https://www.s-vfu.ru/> (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁰ Дальневосточный федеральный университет. URL: <https://www.dvfu.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁶ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г., № 642. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 20.12.2021).

рой, состоящей из институтов, факультетов, научно-образовательных и инновационных центров, ЦКП, технопарков, КБ, лабораторий и т.п. С одной стороны, это позволяет аккумулировать ресурсы для решения задач развития инновационной экономики, стоящих перед федеральными округами. С другой стороны, такая громоздкая структура сложна в управлении, порождает ненужную бюрократию, лишает преподавателей и студентов возможности оперативно решать актуальные проблемы, возникающие в ходе учебного процесса.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В 2009–2010 гг. был дан старт программе создания национальных исследовательских университетов. Эту программу в 2013 г. финансово поддержало Правительство РФ, сформулировав свои обязательства по отношению к ведущим отечественным вузам¹¹ с целью их последующего вхождения в число ведущих университетов мира (Программа «5–100»). В отличие от федеральных университетов, программа не предполагала реструктуризацию и объединение нескольких вузов в один. Главные требования к университетам этого типа состояли в следующем: специализация в какой-либо определенной области знания, высокий уровень научных исследований; интеграция с мировым научным сообществом; высокая степень университетской идентичности. Статус национальных исследовательских университетов на конкурсной основе получили хорошо известные за пределами Сибири университеты: Новосибирский¹², Томский¹³, Томский политехнический¹⁴, Иркутский технический¹⁵. Выбор этих вузов в качестве национальных исследовательских университетов не был случайным. В них десятилетиями складывалась интеграция образования и науки, которая и привела к созданию уникальной среды исследовательского университета [7, с. 7].

На развитие вузов было выделено солидное государственное финансирование, что позволило нарастить их исследовательский потенциал. По расче-

там д-ра экон. наук Г.А. Унтуры, в 2019 г. доля Томской области в совокупном объеме финансирования вузов на образовательные программы составила около 60 %, а на проведение научно-исследовательских работ – около 25 %, что указывает на более активное участие вузов региона в проведении НИР, чем в среднем по стране, Новосибирской области и Красноярскому краю [1, с. 65]. В этом нет ничего удивительного, поскольку старейшие в Сибири вузы Томска с самого начала организовывались как научно-образовательные и социокультурные учреждения, а научные школы томских вузов являются родоначальниками нескольких научно-исследовательских институтов Сибирского региона. Вектор интеграции НИИ и вузов изначально присутствовал в стратегии развития Сибирского отделения АН СССР/РАН, начиная с момента его создания в 1957 г. [10].

В результате реформы РАН 2013 г. научные центры Сибирского отделения в значительной мере утратили функции координатора исследований в регионе [11], и эту нишу заняли ведущие университеты, которые выступили драйверами инновационного развития регионов. В «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» отмечалось слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла. Сохранялась несогласованность приоритетов и инструментов поддержки научно-технологического развития России на национальном, региональном, отраслевом уровнях, что не позволяло обеспечить наибольший эффект от использования создаваемых технологий¹⁶. Научно-образовательное сообщество региона отреагировало на эти вызовы новыми инициативами. В ряде сибирских регионов начался процесс создания научно-образовательных центров с целью интеграции академической, вузовской науки и промышленности. В Томской области в 2019 г. начал реализовываться проект «Большой университет», в рамках которого предполагается усиление интеграционных процессов между вузами города и академическими институтами. Как заявлено в СМИ, «интеграция необходима для повышения конкурентоспособности томского образования и науки в России и мире и для развития Томска как города-университета»¹⁷.

В Новосибирской области предлагается присоединить к НГУ ряд академических институтов по про-

¹¹ О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. № 211. URL: <https://www.Stop100.ru/documents/regulations/673/> (дата обращения: 10.12.2021).

¹² Новосибирский государственный университет. URL: <https://www.nsu.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

¹³ Томский государственный университет. URL: <https://www.tsu.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁴ Томский политехнический университет. URL: <https://tpu.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁵ Иркутский технический университет. URL: <https://www.istu.edu/> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁶ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г., № 642. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁷ Томские вузы и НИИ подпишут хартию Большого университета в пятницу // РИА Томск. 2021. 19 нояб. URL: [https://www.riatomsk.ru/article/20211116/jkmijq-eybdtbcbntn-njvcr-\[fhnbz/](https://www.riatomsk.ru/article/20211116/jkmijq-eybdtbcbntn-njvcr-[fhnbz/) (дата обращения: 20.12.2021).

филю «математика и информатика» с мотивировкой, что «в результате такого объединения возникнет мощная консолидированная ИТ-система, способная обеспечить выполнение стратегии научно-технологического развития»¹⁸. Пока сложно прогнозировать, насколько эта тенденция станет устойчивой и каковы будут ее последствия (как положительные, так и отрицательные) для научно-образовательного сообщества. Ясно одно, что вызовы XXI в. не оставят шансов на существование «застывших» организационных форм науки и образования и будут способствовать поиску новых моделей их интеграции с целью развития инноваций. Сегодня среди новых моделей взаимодействия можно назвать научно-образовательные центры (НОЦ), стратегические академические единицы (САЕ) и др.

Национальные исследовательские университеты осуществляют подготовку студентов, тесно интегрируясь с системой школьного образования и включая в свой состав колледжи, специализированные школы, техникумы. Особую нишу в системе образования заняли специализированные учебно-научные центры (СУНЦ) при университетах с функцией вовлечения учащихся в научную профессию на ранних стадиях обучения. Ряд сибирских вузов включил подготовку учащихся в колледжах и академических лицеях в число основных задач в деле многоступенчатой подготовки кадров. Так, НГУ проводит ставшие уже традиционными олимпиады среди школьников в регионах, а затем через систему летних школ осуществляет отбор талантливой молодежи в СУНЦ-ФМШ и Высший колледж информатики, которые являются структурными подразделениями университета. ТГУ и ТПУ также тесно взаимодействуют с сильными профильными колледжами города. В состав ИркутГУ включены машиностроительный колледж, химико-технологический и геолого-разведочный техникумы. Многоступенчатая подготовка, начиная со школьной скамьи, позволяет таким вузам набирать абитуриентов, изначально мотивированных на освоение новых знаний и способных в дальнейшем пополнять ряды исследователей, прежде всего в России.

Национальные исследовательские университеты Сибири по своим показателям входят в число лучших вузов страны и мира, о чем свидетельствуют различные рейтинги, проводимые экспертным сообществом. Относительно новой тенденцией для сибирских вузов является быстрый рост численности студентов не только из стран СНГ, но и из стран Европы, Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Амери-

ки. Основным фактором, привлекающим молодежь в вузы Сибири (регион с суровыми климатическими условиями), являются высокий уровень образования и разнообразие специальностей при доступной стоимости обучения.

ОПОРНЫЕ ВУЗЫ В РЕГИОНАХ

Одной из основных тенденций второго десятилетия XXI в. стала политика по созданию опорных вузов в регионах, которая наряду с необходимостью усиления роли образовательного потенциала в дальнейшей модернизации регионов предполагала также дальнейшую оптимизацию сети вузов. Экспертное сообщество продемонстрировало скепсис по этому поводу: отмечалось, что если в отношении повышения престижа и уровня финансирования объединение может пойти опорным вузам на пользу, то в отношении повышения качества образовательных услуг такой определенности нет. Тем более что объединение некоторых вузов под вывеской «опорный университет» в ряде случаев носило искусственный характер.

В 2016–2017 гг. на конкурсной основе были определены опорные вузы РФ с главной задачей – занять в своем регионе лидирующие позиции в качестве интегратора системы образование – наука – промышленность. Опорный университет – региональный вуз, призванный обеспечить специалистами местный рынок труда с целью развития региональной экономики, реализации инновационных проектов. Поэтому изначально предполагалось, что в развитии и финансировании опорных университетов примут активное участие сами регионы. В Сибири статус опорных вузов получили семь образовательных учреждений: в Барнауле, Кемерове, Тюмени, Новосибирске, Омске, Томске, Красноярске. Среди них – Алтайский государственный университет¹⁹, Кемеровский государственный университет²⁰ (путем присоединения к КемГУ технологического института пищевой промышленности), Тюменский индустриальный университет²¹ (путем слияния нефтегазового и архитектурно-строительного университетов), Новосибирский государственный технический университет²², Омский государственный технический университет²³ (путем присоединения к ОмГТУ университета дизайна и технологий), Сибирский госу-

¹⁹ Алтайский государственный университет. URL: <https://www.asu.ru/> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁰ Кемеровский государственный университет. URL: <https://kemsu.ru/> (дата обращения: 10.12.2021).

²¹ Тюменский индустриальный университет. URL: <https://www.tyuiu.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

²² Новосибирский государственный технический университет. URL: <https://www.nstu.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

²³ Омский государственный технический университет. URL: <https://omgtu.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁸ К НГУ намерены присоединить три института СО РАН ради мирового лидерства // РБК – Новосибирск. 2022. 19 янв. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/19/01/2022/61e641889a79476a8878b1d0> (дата обращения: 19.01.2022).

дарственный медицинский институт²⁴ (Томск), Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева²⁵ (Красноярск, путем слияния аэрокосмического и технологического университетов). Предполагалось, что уже к концу 2018 г. на базе опорных вузов появятся различные инновационные инжиниринговые центры, будут развиваться социально-экономические и инженерные направления подготовки кадров. Большое внимание уделено запуску магистерских программ, направленных на освоение навыков технологического предпринимательства.

Поскольку опорные вузы действуют в регионе уже в течение ряда лет, рассмотрим итоги их деятельности на примере Алтайского государственного университета. Созданный в 1973 г. как классический университет вуз обладает необходимым потенциалом для реализации стратегических проектов, важных не только для Алтайского края, но и для страны в целом. На сайте вуза представлена программа его развития на период 2017–2021 гг.²⁶ В настоящее время университет работает над реализацией таких проектов, как: «Устойчивое развитие территорий Алтая в трансграничном пространстве»; «Создание и вывод на рынок конкурентоспособных отечественных биологических продуктов и технологий для АПК на основе инновационной модели полного научно-технологического цикла»; «Внедрение инновационных методов получения и использования лекарственного сырья природного происхождения и лекарственных средств на его основе»; «АлтайАгроБио»; «АлтайБиоФарм», и др. Таким образом Алтайский университет занял уникальную нишу в регионе, став координатором выполнения проектов, значимых в научно-технологическом и социальном плане.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ

Характерной тенденцией XXI в. стало «сжатие» сектора негосударственного высшего образования. Главными проблемами для этого сектора являлись отсутствие финансовой поддержки со стороны государства, расширение специальностей в государственных вузах (в том числе на платной основе, но с гарантированной выдачей диплома государственного образца об окончании вуза), нарастающий контроль за деятельностью негосударственных вузов со сторо-

ны Министерства образования и науки РФ. Создание Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки – Росособнадзора – явилось завершающим аккордом становления системы государственного контроля за качеством образования. Первоначально опираясь на опыт европейских стран, где аккредитация представляет мониторинг качества образования, а не госконтроль, российская аккредитация вузов в ряде случаев переросла в механизм государственного давления. Многие негосударственные вузы не смогли пройти аккредитацию и прекратили существование, другие просто не смогли выдержать конкуренцию [3, с. 113]. К концу второго десятилетия XXI в. от системы частных вузов Сибири остались единичные образовательные учреждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые десятилетия XXI в. стали временем глобальных реформ с целью оптимизации научно-образовательного комплекса. Трансформации подверглась и система вузов, и система академических учреждений. Необходимо напомнить читателю, что научно-образовательный потенциал региона наращивался постепенно, а история ряда вузов и первых НИУ Сибири уходит своими корнями в XIX в. Каждое научно-образовательное учреждение по-своему уникально, и нужны серьезные основания для его реорганизации. Лишь солидарная позиция общественности и местных властей смогла отстоять ряд вузов и НИИ от волны оптимизации. В целом научно-образовательный потенциал Сибирского региона занимает значительное место в стране как по численности занятых в отрасли «Наука и образование», так и по количеству образовательных и научных учреждений. Лидерами научно-образовательного процесса становятся федеральные, национальные исследовательские университеты и опорные вузы. Их деятельность является заметным трендом в меняющемся мире XXI столетия.

Дальнейшее укрепление системы вузов при их интеграции с бизнесом, учреждениями и предприятиями научно-технической и производственной сферы положено в основу перспективных региональных стратегий, национальных проектов, создания научно-образовательных центров. Однако формирование перспективных стратегий развития вузовской сферы должно учитывать мнение научно-образовательного сообщества и реальное положение того или иного вуза. Более детальное изучение научно-образовательной политики Российской Федерации позволит понять процессы развития динамики численности вузов, их деление на определенные типы, а также появление новых подходов в организации образовательного процесса, нацеленного на подготовку современных специалистов.

²⁴ Сибирский государственный медицинский институт. URL: <https://ssmu.ru/gu/> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁵ Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева. URL: <https://www.sibsau.ru/page/home/> (дата обращения: 13.12.2021).

²⁶ Программа развития Алтайского государственного университета на период 2017–2021 гг. URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00018628.pdf> (дата обращения: 13.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Унтюра Г.А. Интеграция науки и образования в университетах регионов: многоканальное финансирование и различные модели организации // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2021. № 54. С. 53–92.
2. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Высшее образование в России: вызовы XXI века // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 4. С. 6–17.
3. Куперштох Н.А. Трансформации в системе высшего образования Сибири в 1990-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 107–115.
4. Казанцев Ю.И. Негосударственный сектор высшего образования Западной Сибири // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 1. С. 866–872.
5. Лонишкова Н.А. Высшее образование: проблемы регионализации в современной России: на материалах Восточной Сибири. Екатеринбург; Чита: Поиск, 2002. 270 с.
6. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет и регион. Тюмень, 1997. 223 с.
7. Майер Г.В. Исследовательский университет: принципы, среда, инновации, традиции. Исторический аспект // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 2. С. 6–12.
8. Клячко Т.Л. Образование в Российской Федерации: проблемы и тенденции развития в начале XXI века // Образовательные технологии. 2010. № 4. С. 3–18.
9. Егоришин А.П., Гуськова И.В. Высшее образование в России: достижения, проблемы, перспективы // Высшее образование в России. 2014. № 6. С. 14–21.
10. Куперштох Н.А. Развитие интеграции академических институтов и вузов Сибири во второй половине XX века // Ценности, институты и процессы в эпоху постглобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2021. С. 120–128.
11. Куперштох Н.А. Реформа РАН 2013 г. и ее последствия для региональных научных центров (на примере Сибирского отделения РАН) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 54–68.

REFERENCES

1. Untura G.A. Integration of science and education in regional universities: multi-channel financing and different models of organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2021, no 54, pp. 53–92. (In Russ.)
2. Efimov V.S., Lapteva A.V. Higher education in Russia: challenge of the XXI century. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2010, no 4, pp. 6–17. (In Russ.)
3. Kupershtokh N.A. Transformations in the higher education system of Siberia in the 1990s. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2021, vol. 28, no 1, pp. 107–115. (In Russ.)
4. Kazantsev Yu.I. Non-state sector of the higher education in West Siberia. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire*, 2017, vol. 7, no 1, pp. 866–872. (In Russ.)
5. Lonshakova N.A. Higher education: problems of regionalization in modern Russia: on materials of East Siberia. Ekaterinburg, Chita, 2002, 270 p. (In Russ.)
6. Shafranov-Kutsev G.F. University and region. Tyumen, 1997, 223 p. (In Russ.)
7. Maier G.V. Research university: principles, environment, innovations, traditions: a historical aspect. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, 2021, vol. 25, no 2, pp. 6–12. (In Russ.)
8. Klyachko T.L. Education in the Russian Federation: problems and development trends in the early XXI century. *Obrazovatel'nyye tekhnologii*, 2010, no 4, pp. 3–18. (In Russ.)
9. Egorshin A.P., Gus'kova I.V. Higher education in Russia: achievements, problems, prospects. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2014, no 6, pp. 14–21. (In Russ.)
10. Kupershtokh N.A. The integration development of academic institutes and universities of Siberia in the second half of the XX century. *Tsennosti, instituty i protsessy v epokhu postglobalizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Belgorod*, 2021, pp. 120–128. (In Russ.)
11. Kupershtokh N.A. The reform of the RAS in 2013 and its consequences for regional scientific centers (the Siberian Branch of the RAS case). *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 2020, vol. 2, no 1, pp. 54–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.12.2021

Дата рецензирования 31.01.2022

Статья принята к публикации 16.02.2022

DOI: 10.15372/HSS20220113

УДК 908(571.150)+069.4

¹О.Н. ТРУЕВЦЕВА, ²Г.Д. БУЛГАЕВА, ¹Т.А. ГИБЕЛЬГАУС

ИДЕНТИФИКАЦИЯ САКРАЛЬНЫХ РОДНИКОВ КАК ОБЪЕКТОВ ПРИРОДНОГО, МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

¹Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55²Алтайский государственный университет
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье на примере одного из наиболее известных в Сибири сакральных источников рассматривается проблема их идентификации в качестве объектов природного, материального и нематериального культурного наследия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения их сохранения и использования в условиях развивающегося познавательного, религиозного туризма, паломничества. Родник Святой ключ является единственным в Алтайском крае источником, имеющим охранный статус памятника природы. Не менее важным представляется его культурно-историческое значение. За минувшее столетие он стал символическим напоминанием о бессмысленных жертвах Гражданской войны, стойкости православной веры, хранителем духовных традиций, произведений иконописного искусства. В стране насчитываются тысячи почитаемых источников, многие из них обладают уникальной социокультурной инфраструктурой, которая требует внимания ученых, общественности, государственных и муниципальных органов власти, а также внесения изменений в законодательство о культурном наследии.

Ключевые слова: культурное наследие, сакральные источники, историческая память, народно-православные традиции, религиозный туризм, паломничество

¹O.N. TRUEVTSEVA, ²G.D. BULGAEVA, ¹T.A. GIBELGAUS

IDENTIFICATION OF SACRED SPRINGS AS OBJECTS OF THE NATURAL, TANGIBLE AND INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

¹Altay State Pedagogical University,
55, Molodednaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation²Altai State University,
61, Lenina ave., Barnaul, 656099, Russian Federation

Due to the growth of public consciousness and widening cultural, educational and religious tourism, interest in natural water springs and shrines that are revered by people and bring healing from illnesses has significantly increased. Most of the holy springs have their own history of veneration, traditions of religious rites. There is a certain material infrastructure around them: water intakes, baptismal fonts, chapels. Stories of healing are gradually overgrown with myths and legends. Springs became objects of pilgrimage, tourist routes, places of interest, and some of them – the most popular ones – were included in regional registers of natural monuments. The article objective is to prove the possibility to identify a famous holy spring in Altai as an object of natural, tangible and intangible cultural heritage based on a comprehensive cross-disciplinary study.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, № 20-09-00143.

Ольга Николаевна Труевцева – д-р ист. наук, директор Научно-образовательного центра «Историко-культурное наследие Большого Алтая» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: truevtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0319-1992>.

Галина Дмитриевна Булгаева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусств Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, e-mail: bulgaevagd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1608-3299>.

Татьяна Андреевна Гибельгаус – аспирант Алтайского государственного педагогического университета.

Olga N. Truevtseva – Doctor of Historical Sciences, Director of the Scientific and Educational center “Historical and Cultural Heritage of the Greater Altai” of Altai State Pedagogical University.

Galina D. Bulgaeva – Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of Arts of the Institute of Humanities of Altai State University.

Tatiana A. Gibelgaus is a post-graduate student of Altai State Pedagogical University.

We did not find any special research about Holy springs as objects of natural and cultural heritage. At the same time, the interest in revered natural places, especially among foreign scientists, is very significant. This is largely due to both scientific relevance of this issue, and applied interests of the developed industry of religious and pilgrimage tourism. Examples include the works by archaeologist Charles Steitler on sacred springs of ancient Anatolia, Carol Cusack and Dominic Wilson, Australian experts on the holy springs and wells of Scotland, Hungarian scientists Anna Irmas and Gabor Michalko dealing with the problems of religious tourism and others. Russian publications about sacred springs are dominated by Orthodox and touristic descriptions of individual natural springs. In such books, addressed to the mass reader, the sacred is closely intertwined with the esoteric ignoring the historical and cultural nature. There are a lot of papers on environmental issues describing hydrological features of springs, tools of their arrangement, and field techniques to study water chemical composition.

The main hypothesis of this study is the assumption put forward by the authors that Sorochii-Log Holy Spring, known in Altai Region and beyond as the “Svyatoi klyuch” (Holy spring), should be identified as an object of natural, tangible and intangible cultural heritage.

Key words: cultural heritage, sacred springs, historical memory, folk orthodox traditions, religions, tourism.

ВВЕДЕНИЕ

2022-й год объявлен в Российской Федерации годом культурного наследия народов России. К объектам природного, материального и нематериального культурного наследия относятся сакральные родники, почитаемые не только верующими, православными гражданами страны, но и многочисленными туристами. В связи с ростом общественного сознания и расширением культурного, образовательного и религиозного туризма значительно возрос интерес к природным источникам воды и почитаемым людьми святыням, которые приносят исцеление от болезней. Большинство Святых источников имеют свою историю почитания, традиции религиозных обрядов. Вокруг них была создана определенная материальная инфраструктура: водозаборы, купели для крещения, часовни. Истории об исцелении обрастали мифами и легендами. Источники стали объектами паломничества, целями туристических маршрутов, достопримечательностями, а некоторые из наиболее популярных были включены в региональные реестры памятников природы. Цель статьи – доказать возможность идентификации одного из самых известных святых источников Алтая как объекта природного, материального и нематериального культурного наследия на основе комплексного междисциплинарного исследования.

Интерес к почитаемым природным местам, особенно среди зарубежных ученых, очень значителен. Во многом это обусловлено не только научной актуальностью данного вопроса, но и прикладными интересами развитой индустрии религиозного и паломнического туризма. В качестве примера можно привести труды археолога Чарльза Стайтлера, посвященные сакральным родникам древней Анатолии¹, австралийских экспертов по Святым источникам и колодцам Шотландии Кэрл Кьюсак и Доминика

Уилсона², венгерских ученых Анны Иримас³ и Габора Михалко, занимающихся проблемами религиозного туризма, и др.

В российских публикациях о священных источниках преобладают православные и туристические описания отдельных природных источников. В таких работах, адресованных массовому читателю, сакральное тесно переплетается с эзотерическим, игнорируя историческое и культурное начало. Существует значительное количество статей по экологическим проблемам, в которых описываются гидрологические особенности источников, методы их обустройства, а также полевые методы изучения химического состава воды [1].

Статья Г. Копелиовича и Л. Павловой «Сакральное и официальное: вопросы этичности признания сакральных источников официальными местами лечения» наиболее близка к изученной нами теме. Авторы предлагают присвоить тувинским «аржанам» (святым источникам) статус особо охраняемых территорий [2]. Историческая и этнографическая информация о некоторых почитаемых источниках Сибири содержится в статьях Г. Любимовой [3]. С точки зрения территориальной близости к нашему объекту необходимо выделить работы ученых Научно-исследовательского института алтаистики им. Суразакова. Коллективная монография «Природно-культурные объекты и археологические памятники Республики Алтай» [4] содержит раздел, написанный Э. Екеевой, в котором описываются самые известные священные источники Республики Алтай, легенды и мифы, посвященные им, а также практикуемые обряды. Кандидатская диссертация А. Наевой [5] и ее монография «Алтайский ритуальный фольклор: специфика

¹ Sacred Springs, Spring Sanctuaries and Spring-deities in Hittite Religion / Charles W. Steitler // Natur und kult in Anatolien : Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul / Herausgegeben von Felix Pirson – Katja Piesker. Zero Prod. Ltd., 2019. P. 1–27.

² Carole M. Cusack. Scotland's Sacred Waters: Holy Wells and Healing Springs / Carole M. Cusack and Dominique Beth Wilson // Project: The Aesthetic and Spiritual Appeal of Neolithic Monuments. 2016. URL: https://openjournals.library.sydney.edu.au/index.php/JSSH/article/view/11278_9.01.2022

³ Irímias A. Religious tourism in Hungary – An integrative framework / Anna Irímias, Gábor Michalkó // Hungarian Geographical Bulletin. 2013. 62 (2). P. 175–196.

жанра» посвящены фольклору, связанному со священными источниками [6].

Подводя итог обзору литературы по теме статьи, можно утверждать, что священные источники как объекты природного и культурного наследия ранее в научной литературе не рассматривались. Доступные публикации историков, этнографов, экологов, врачей и других специалистов, частично выходящие за рамки предлагаемой предметной области, используются в качестве дополнительных источников, расширяющих понимание многогранного объекта исследования. Фундаментальные труды российских историков и антропологов по проблемам взаимного влияния языческих и православных религиозных традиций, имеющие методологическое значение, в этом контексте не рассматривались.

СВЯТЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК ОБЪЕКТЫ ПРИРОДНОГО, МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В данном исследовании выдвинута основная гипотеза о том, что святой источник Сорочий Лог, известный в Алтайском крае и за его пределами как Святой ключ (Святой источник), может быть идентифицирован как объект природного, материального и нематериального культурного наследия.

В Год культурного наследия народов России внимание к наименее изученным памятникам истории и культуры приобретает особое значение. В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия под «культурным наследием» понимаются: памятники, произведения архитектуры (в том числе группы изолированных или объединенных строений), монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые с позиций истории, искусства или науки имеют выдающуюся универсальную ценность; достопримечательные места – произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии⁴.

Исходя из этого, святыне источники возможно идентифицировать как достопримечательные места, совместные творения человека и природы. Тем не менее такое определение не позволяет увидеть духовную, нематериальную сущность подобных объектов культурного наследия. Святыне источники необходимо определять как объекты природного, матери-

ального и нематериального наследия. Очень важно сохранить целостное восприятие этого уникального явления, в котором органично сочетаются элементы природного, социально-культурного и сакрального.

В последние десятилетия в России наблюдается существенный рост религиозности общественного сознания, в связи с чем возрастает интерес населения к сакральному. Этот интерес проявляется в расширении культурно-познавательного, религиозного туризма, паломничества. Вследствие недостатка достоверной, полной информации о святых источниках, включаемых в туристские маршруты, туроператоры и экскурсоводы зачастую подменяют ее сомнительными сведениями, легендами собственного сочинения, не имеющими ничего общего с подлинной историей. Встречаются факты нарушения санитарных норм использования родников. Использование воды из источника для питья, купания, лечебных процедур является потенциально опасным для здоровья при несоблюдении санитарно-гигиенических норм, нерегулярном обследовании, необоснованном применении. Это накладывает определенные обязательства на собственника участка, на котором расположен природный источник, по информированию граждан. Эти обязательства должны быть закреплены законодательством. В настоящее время нет законодательных норм и рекомендаций по использованию святых источников на территории музеев или прилегающих к музею ландшафтов. Интегративный характер святого родника как объекта природного, материального и нематериального наследия требует внесения изменений в действующее законодательство и соответствующих научных обоснований.

Для юридического закрепления водопользования, проведения религиозных обрядов святой родник должен получить статус объекта природного и культурного наследия. Включение объекта в государственный реестр, создающее основу для его сохранения, использования и популяризации, предполагает оформление паспорта, в котором содержатся экспертные заключения, составленные на основе научных исследований.

К сожалению, ни органы государственной власти, ни религиозные организации, ни исследователи пока не проявляют должного интереса к святым родникам. Специальных исследований, посвященных святым источникам как объектам природного и культурного наследия, нами не выявлено.

Причем интерес к почитаемым природным местам, особенно среди зарубежных ученых, весьма значительный. Это во многом объясняется не только научной актуальностью данной проблематики, но и прикладными интересами развитой индустрии религиозного и паломнического туризма.

⁴ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Ст.1. URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage (дата обращения: 12.02.2022).

Среди российских публикаций о сакральных родниках доминируют православные и экскурсионно-туристические описания отдельных природных источников. В такого рода книгах, адресованных массовому читателю, сакральное тесно переплетается с эзотерическим, при этом игнорируется историко-культурное начало.

ОБЩЕНАУЧНЫЙ СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД – ОСНОВА МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ САКРАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В основе методики настоящего исследования лежит общенаучный системный подход, благодаря которому наследие рассматривается как комплексная система, состоящая из нескольких взаимосвязанных и обусловленных подсистем (главными из которых являются природное, материальное и нематериальное культурное наследие), обеспечивающих преемственность цивилизационного развития. Данный подход позволяет применить методы различных научных дисциплин к нашему предмету исследования, который мы определили как установление соответствия сакрального водного источника статусу объекта природного и культурного наследия.

Документальную основу для идентификации святого родника в качестве объекта природного наследия составляют документы региональных органов власти, определивших статус данного родника как памятника природы краевого значения и утвердивших паспорт памятника, содержащий его гидрологические характеристики⁵. Установление соответствия объекту культурного наследия потребовало анализа исторических документов, связанных с событиями Гражданской войны, репрессивными действиями властей по отношению к крестьянству, что позволило выяснить происхождение легенд о целительных свойствах родника, возникновение религиозных ритуалов, участие православной церкви в освящении и благоустройстве источника, строительстве храма, создании скита, а затем монастыря. Помимо методов исторического анализа необходимо использовать социологические методы, в частности, глубинное интервью со священнослужителями, монахинями женского скита. Это позволит познакомиться с особенностями религиозных ритуалов в храме и у источника, а также с традициями крестного хода.

Для понимания и оценки нематериального культурного наследия применялся искусствоведческий дескриптивный анализ храмовой росписи, иконографический метод. Согласно паспорту памятника природы № 29 родник Святой ключ расположен на участке прилегания долины р. Оби к западному макро-

склону Бие-Чумышской возвышенности. Здесь, на дне зарастающего оврага, в результате эрозионных процессов вскрыты подземные воды водоносного горизонта красnodубровской свиты. Водовмещающими являются пески, залегающие в основании свиты, водоупором – суглинки и глины кочковской свиты. На участке выхода вследствие слабого дренажа отмечаются озера и заболоченные участки. Подземные воды относятся к пресным, гидрокарбонатного, кальциевого и натриевого состава [7, с. 34].

Территория памятника природы включает источник, вытекающий ручей и прилегающую местность в радиусе 50 м. Территория частично огорожена, у начала балки воздвигнуто распятие, у источника – православные иконы, которые размещены у источника, в часовне в купальне. Имеются лавочки, разбиты цветники, высажены декоративные кустарники. Вокруг водозабора сооружены деревянные помосты и дорожки. Кроме того, имеются временные сооружения – кабинка для омовения, сруб под навесом для забора воды. Неподалеку от источника на возвышенности располагается сейчас Иоанно-Предтеченское архиерейское подворье.

СВЯТЫЕ МЕСТА КАК ФОРМА МАТЕРИАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Сакрализация родника связывается с трагическими событиями Гражданской войны, активным, в том числе вооруженным, противостоянием значительной части крестьянства политике властей, именуемой «военным коммунизмом». Проводившееся повсеместно насильственное изъятие зерна, так называемая продразверстка, породило на рубеже 1920-х гг. повстанческое движение, которое жестоко подавлялось. В Сорочьем Логу в феврале 1921 г. это противостояние закончилось расстрелом 13 противников власти, так и не успевших поднять оружие. Их тела были сброшены в балку неподалеку от источника. Трагедия коснулась многих жителей села, особенно родственников погибших. По воспоминаниям односельчан, одна из вдов, потерявшая не только мужа, но и сына, ежедневно ходила к роднику и однажды увидела в воде сыновний лик. Это видение было подтверждено соседками – набожными старушками, обратившимися к местному священнику, который усмотрел в этом событии чудо и сделал его достоянием не только своих прихожан, но и других церквей епархии [7, с. 68–69].

Разоренная войнами и революциями страна с голодающим населением, страдающая от незалеченных ран, эпидемий, с которыми не справлялась разрушенная система здравоохранения, десятками тысяч калек и инвалидов, лишенных возможности реабилитации в специальных учреждениях, – все это было благо-

⁵ О памятниках природы краевого значения: Постановление Администрации Алтайского края № 568 от 21.07.2000. URL: <https://www.lawmix.ru/> (Дата обращения: 20.12.2021).

датной почвой для быстрого и массового распространения слухов и легенд о чудесном излечении на святых источниках. В ответ на социальные ожидания православная церковь провела освящение ряда родников. Так, летом 1925 г. епископом Барнаульским Никодимом (Шатуновым) в с. Сорочий лог был проведен обряд, придавший местному источнику статус святого ключа.

По данным Г.В. Любимовой, изучавшей феномен святых мест как форм материального воплощения исторической памяти, народно-православная традиция почитания святых мест, прежде всего водных источников, отмеченных в народных воззрениях символикой плодородящего и исцеляющего начала, была характерна для степных и лесостепных районов Сибири. Данная символика поддерживается бытующими до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (всплывающих время от времени из родника) иконах («божественных ликах»), большая часть которых относится к богородичному типу [8, с. 363–365].

По воспоминаниям старожилов с. Сорочий лог, популярность Святого ключа достигла своего пика во второй половине 1920-х гг. Несмотря на атеистическую пропаганду властей, сюда съезжались паломники со всей России. Иногда их собиралось до нескольких десятков. Были случаи, когда лечение родниковой водой и грязью помогало больным. Многие по несколько раз подряд приезжали сюда лечиться и с благодарностью отзывались о целебной силе источника. У местных жителей складывалось неоднозначное отношение к паломникам, поскольку была опасность распространения различных инфекций. Но многие пренебрегали этой опасностью, поскольку им удавалось зарабатывать на продаже продуктов питания, извозе, предоставлении ночлега и других услугах приезжающим [9, с. 38–42].

Власти помимо антирелигиозной пропаганды неоднократно (последний раз в 1970-х гг.) пытались засыпать родник, сбрасывая в него глину, песок, строительный мусор. Но каждый раз жители окрестных деревень, паломники очищали его и возобновляли оздоровительные процедуры.

В 1995 г. по благословению владыки Антония (Масендич) возле Святого ключа к северу от с. Сорочий лог был образован Иоанно-Предтеченский скит Свято-Димитровского мужского монастыря г. Алейска. В скит направлен иеродьякон Иоанн. В этот период в скит стали приезжать паломники из других городов Алтайского края⁶. В 1999 г. скит становится женским, так как правящий архиерей передал ведение скита настоятельнице Знаменского женского мо-

настыря г. Барнаула – монахине Надежде (Любовь Чанова). В 2000 г. постановлением администрации Алтайского края источнику был присвоен статус памятника природы «Родник Святой ключ»⁷. С этого времени насельниками скита становятся монахини Екатерина, в схиме Феврония (Бернандес), и Филофея (Лобанова). На тот момент все постройки скита состояли из двух избушек и баньки. В скиту не было электричества, водопровода, канализации, святой ключ служил единственным источником питьевой воды.

В 2000 г. началось строительство деревянной часовни, к которой на следующий год была пристроена апсида, а здание преобразовано в храмовое, которое было освящено в 2002 г. В этот же период происходит благоустройство источника. Рабочие, местные жители, возвели деревянную сень, помост и другие постройки. Стараниями настоятельницы Знаменского монастыря на пригорке над источником был поставлен трехметровый Поклонный крест. С 2003 г. количество насельниц в скиту увеличивается. В этот период старшей монахиней становится инокиня Марфа (Сафонова), которая занимает эту должность по настоящее время.

С 2006 г. попечительство о благоустройстве скита взяла на себя непосредственно Барнаульская епархия⁸. Появляются несколько новых келий, летняя трапезная, увеличивается площадь огорода, реконструируется основное здание трапезной. Видоизменяется архитектура храма: значительно расширяется центральная часть – трапезная, пристраивается колокольня. В храме устанавливают тябловый иконостас, представляющий собой специальную конструкцию для расположения икон. Иконы для него пишет выпускница известной иконописной школы г. Дубны Е. Григорьева. На источнике ставят сруб-купальню. На подъезде к источнику делают насыпную дорогу, поодаль организуют парковочные места. Благодаря этой деятельности сейчас есть возможность приехать к святому ключу в любое время года.

Заметным явлением в истории Святого ключа стала организация ежегодных крестных ходов. Началось было положено в 1995 г. жителями с. Первомайского, которые стали совершать крестный ход в летний период, преодолевая расстояние около 20 км. К концу 1990-х гг. жители г. Новоалтайска организовали аналогичное шествие, которое после некоторого перерыва возобновилось в 2015 г. и совершается по

⁷ О памятниках природы краевого значения: Постановление администрации Алтайского края № 568 от 21.07.2000. URL : <https://www.lawmix.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

⁸ Архив канцелярии Барнаульской епархии. Распоряжение № 843 от 10.07.2021. URL: <http://altai.eparhia.ru/episkop/work/?id=18819>. (дата обращения: 20.12.2021).

⁶ Архив канцелярии Барнаульской епархии. Распоряжение № 2509 от 17.10.1999. Указ № 799, Распоряжение №177/04.

случаю православного праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи 11 сентября, преодолевая 25 км от Иверского храма в Новоалтайске до скита⁹.

За годы векового почитания на роднике Святой ключ сложились специальные религиозные ритуалы, этика поведения паломников, основных правил которой придерживаются большинство посетителей, в том числе и невоцерковленных, обычных туристов, проезжающих мимо села автомобилистов, наслышанных о чудодейственном источнике. Считается, что, посещая сакральный источник, люди прикасаются к святыне через принятие святой воды, обливание или погружение в святую воду. Традиционно на источнике паломники совершают молебное пение: поют молитвы, тропари, кондаки, читают акафисты отмечаемым в этот день церковным праздникам, особо чтимым святым или тем святым, которым посвящен источник. Священник может отслужить молебен. При входе на территорию источника прописаны правила поведения на святом месте, которые соответствуют правилам поведения в православном храме.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТОГО КЛЮЧА

Оценить значимость объектов нематериального культурного наследия Святого ключа невозможно без обращения к памятникам церковного искусства Иоанно-Предтеченского архиерейского подворья, доступным всем посетившим родник. К середине 2000-х гг. известность источника и скита распространилась далеко за пределы Алтайского края. Большая часть паломников, приезжая из других регионов, привозили с собой в дар иконы, представляющие историческую и культурную ценность. В 2007–2008 гг. по инициативе правящего архиерея была проведена работа по выявлению памятников церковного искусства в приходах епархии¹⁰.

В соответствии с описью 2007 г. в скиту находится подписной образ Спасителя. На обороте фиксируется надпись «12 октября 1880 г.». Икона аналойного размера написана масляными красками. Спаситель представлен в поясном изображении, в традиционных одеждах – ярко-красный хитон и небесно-голубой гематий. По краю ткань украшена золотой узорной каймой. Персты благословляющей десницы сложены в жесте именословия, в левой руке – символы власти, скипетр и держава. Волосы

падают на плечи. Нимб изображен в виде сияния. Надпись заключена в геометрические картуши. Поле выделено цветом и темной обводкой.

В образе присутствует индивидуальная трактовка общепринятой иконографии, свидетельствующая о позднем происхождении образа и косвенно подтверждающая истинность надписи на обороте. Символы власти внедряются в иконографию Спасителя с XVIII в. и остаются традиционными до конца XIX в. Аналогичная ситуация складывается с формой нимба. Изображение лика имеет индивидуальные черты: высокий открытый лоб, широко поставленные глаза, густая борода, закрывающая подбородок, локоны волос равномерно падают на плечи. Все эти черты присущи академической живописи или живоподобию. В то же время надпись, заключенная в орнаментальные рамки, восходит к традиции, существовавшей с дониконовских реформ и сохранившейся у старообрядцев. Соответственно в одном образе соединились формы иконографической канонической традиции и живописных черт, утвердившихся в русском церковном искусстве в течение XVIII–XIX вв. Датированные произведения имеют особое культурологическое и историческое значение, так как являются четкими ориентирами в стилистическом пространстве на довольно обширной территории.

Образы-благословения исследователи выделяют в отдельную группу. В скиту находятся три такие печатные иконы. Монохромная икона Воскресения Христова является благословением из Иерусалима. В ней соединились такие техники, как шелкография и флористика. В центре изображен Христос, восставший из гроба, его фигура представлена в резком развороте плечевого пояса и торса. В левой руке Он держит Хоругвь – Знамение победы. По обе стороны от него небесные силы в облачном сиянии, внизу открытый гроб. Такой иконографический извод восходит к западноевропейской традиции и закрепляется в России как образ Воскресения Христова в XVII–XVIII вв.

С двух сторон от изображения расположена надпись на греческом языке, означающая «Воскресение Христово». Вверху имеется текст на русском языке XIX в.: «Цветы св. града Иерусалима Благословение от Св. Гроба Господня». Образ окружает гербарий из цветущих растений. Плохая сохранность последних не дает возможности точно определить их вид. Композиция заключена в раму с геометрическим узором. Содержание образа и греческий текст свидетельствуют о происхождении иконы. Русская надпись указывает на географию назначения святыни. Благодаря деятельности Императорского палестинского общества на рубеже XIX–XX вв. подобные образы печатались именно для русских паломников.

⁹ Архив канцелярии Барнаульской епархии. Крестный ход в Сорочьем логу прошел на Алтае. <http://altai.eparhia.ru/episkop/work/?id=18819/> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁰ О памятниках природы краевого значения: Постановление Администрации Алтайского края № 568 от 21.07.2000. URL : <https://www.lawmix.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

Образ Богородицы, благословляющей св. гору Афон, аналогичен по функциям и технике исполнения. На иконе изображен сюжет из жития Богородицы: корабль с Богородицею и апостолами, который направляется к Афону. На полуострове две группы людей: одна – на берегу, изображена коленопреклоненной, с воздетыми руками, обращена к путешественникам, другая – вдали, выходит из древнегреческого святилища. Вверху образ Христа, сидящего на облаках в окружении небесных сил. Внизу имеется надпись в два ряда: «Посещение Б. М. СВ. Афонской горы. И благословение ея». Данный сюжет встречается редко и не закреплен в качестве иконографического извода, а несет иллюстративный характер.

Образ Богородицы игуменьи св. горы Афон встречается чаще. На иконе изображена ростовая фигура Богородицы на облаке в игуменской синей мантии и с посохом в руке. Внизу, под ногами Приснодевы, показаны море и гора Афон. Справа внизу – парусное судно, на котором стоят Богородица и апостолы. Вверху расположена надпись: «Сия Св. Икона Божией Матери Игуменныи Св. Горы Афонской». Образ выполнен в технике хромолитография. Такие печатные иконы были широко распространены в России на рубеже XIX–XX вв. Центрами распространения обычно становились русские скиты и кельи на Афоне или их подворья в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспедиция преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета в июле–августе 2020 г. подтвердила гипотезу о необходимости идентификации не только родника Святой ключ в качестве объекта природного, материального и нематериального культурного наследия, но и всех обследованных святых источников. Принадлежность источников к объектам природного наследия подтверждена экспертной оценкой гидрологов, которая легла в основу официального признания в качестве «памятника природы краевого значения».

Согласно российскому законодательству, к объектам культурного наследия относятся «объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного творчества... и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие ценность с точки зрения истории, архитектуры, искусства, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, под-

линными источниками информации о зарождении и развитии культуры»¹¹.

Очевидно, что Святой ключ является свидетелем драматических событий истории нашего народа – братоубийственной Гражданской войны. По сути, это официально не признанный народный памятник ее жертвам. В общественном сознании гораздо раньше, чем в политической идеологии, сложилось понимание бессмысленности и трагической жестокости борьбы за власть. В противовес монументам официально признанным победителям Гражданской войны народ создал более долговечный памятник, поклонение которому в Сорочьем логу продолжается около ста лет. Православная церковь, сама пострадавшая в годы политических репрессий, укрепила народную память культовыми сооружениями, религиозными ритуалами, иконами.

Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия трактует это понятие как «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами в качестве их культурного наследия». Согласно Конвенции, оно проявляется в обычаях, обрядах, знаниях, относящихся к природе и в других областях.

По нашему мнению, сложившаяся на Святом ключе многолетняя традиция крестных ходов, религиозных ритуалов, оздоровительных процедур, подкрепляющаяся постоянным ростом числа паломников, высокой духовностью жизнедеятельности иконописников скита, художественной ценностью иконописных образов, позволяет говорить о содержании здесь нематериального культурного наследия.

Что дает нам идентификация Святого ключа в качестве объекта природного, материального и нематериального культурного наследия? Дело в том, что только на территории Алтайского края насчитывается не менее 20 сакральных родников. И лишь один из них, в Сорочьем логу, обладает официальным статусом памятника природы. Остальные в зависимости от дееспособности православных общин, муниципальных органов власти и управления по своему разумению обеспечивают их сохранение и благоустройство.

С увеличением ежегодного потока религиозных туристов, паломников к сакральным родникам на них существенно возрастает антропогенная нагрузка, грозящая их загрязнением, а порой и полной утратой. У большинства источников отсутствует информационная инфраструктура, что порождает различные не-

¹¹ Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Ст. 3.

былицы об их происхождении и истории. Это, несомненно, снижает их познавательную ценность как туристических объектов. Некоторые родники находятся за пределами населенных пунктов. Качество воды в большинстве из них не контролируется, что в результате неразумного водопользования может привести к нежелательным последствиям для здоровья. Очевидно, что государственным органам пора заинтересоваться данной проблемой. А начать можно с изучения истории и сегодняшнего состояния родника Святой ключ.

Исследование сакральных объектов, их идентификация как комплексных памятников природного и культурного наследия открывает новые возможности для более глубокого понимания взаимоотношений человека и природы. Это несет не только радость познания нового, но и тревожный груз ответственности за сохранение нашего национального и глобального достояния, его воспроизводство и передачу следующим поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев В.М. Родниковые источники как элемент традиционной культуры в природоохранной деятельности // Полевой сезон – 2013: Исследования и природоохранные действия на особо охраняемых природных территориях Новгородской области: материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., г. Валдай, 8–10 нояб. 2013. Тверь: Альфа-Пресс, 2014. С. 96–111.
2. Копелиович Г.Б. Сакральное и официальное: вопросы этичности признания сакральных источников официальными местами лечения // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов. 2013. №1. С. 103–105.
3. Любимова Г.В. Предания о происхождении святых источников: опыт классификации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 326–329.
4. Екеева Э.В., Константинов Н.А., Константинова Е.А., Эбель А.В. Природно-культурные объекты и археологические памятники Республики Алтай. Горно-Алтайск: Науч.-исслед. ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2015. 232 с.
5. Наева А.И. Алтайский обрядовый фольклор: специфика жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 29 с.

6. Наева А.И. Алтайский обрядовый фольклор: специфика жанра: (этнокультурологические аспекты). Барнаул, 2014. 123 с.
7. Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпнов В.А. Сорочий Лог: история села. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. 215 с.
8. Любимова Г.В. К вопросу о формах материального воплощения народной исторической памяти: феномен святых мест (на материалах истории Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. С. 362–365.
9. Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2006. С. 33–49.

REFERENCES

1. Zaitsev V.M. Spring as the traditional culture elements in environmental protection activity. *Polevoy sezon – 2013; issledovaniya i prirodookhrannyye deystviya na osobo okhranyaemykh prirodnnykh territoriyakh Novgorodskoy oblasti: materialy 4-y region. nauch.-prakt. konf., g. Valdai, 8-10 noyab. 2013 g.* Tver, 2014, pp. 96–111. (In Russ.)
2. Kopeliovich G.B. Sacred and official: issues of ethics to recognize sacred sources as official places of treatment. *Kurortnaya baza i prirodnye lechebno-ozdorovitel'nye mestnosti Tuvy i sopredel'nykh regionov.* Kyzyl, 2013, no. 1, pp. 103–105. (In Russ.)
3. Lyubimova G.V. Legends on the holy source origin: the classification experience. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy.* Novosibirsk, 2008, vol. 14, pp. 326–329. (In Russ.)
4. Ekeeva E.V., Konstantinov N.A., Konstantinova E.A., Ebel A.V. Natural and religious sites and archaeological monuments of the Altai Republic. Gorno-Altaysk, S. Surazakov Research Inst. of Altaistics, 2015, 232 p. (In Russ.)
5. Naeva A.I. Altai ritual folklore: the genre specifics: diss. abstr. Ulan-Ude, 2010, 29 p. (In Russ.)
6. Naeva A.I. Altai ritual folklore: the genre specifics: (ethno-cultural aspects). Barnaul, 2014, 123 p. (In Russ.)
7. Storchkov P.I., Storchkov I.P., Rassypnov V.A. Sorochiy Log: the village history. Barnaul, BSPU Publ., 2001, 215 p. (In Russ.)
8. Lyubimova G.V. On the issue of forms of material embodiment of people's historical memory: the phenomenon of holy places (based on the materials of Siberian history). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy.* Novosibirsk, 2012, vol. 18, pp. 362–365. (In Russ.)
10. Lyubimova G.V. Revered places in the national Orthodox picture of the world of the rural population in Siberia. *Pravoslavnye traditsii v narodnoy kul'ture vostochnykh slavyan Sibiri i massovye formy religioznogo soznaniya XIX–XX vv.* Novosibirsk, 2006, pp. 33–49. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2022

Дата рецензирования 21.01.2022

Статья принята к публикации 01.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220114

УДК 94: 364–787.9 (571.1)“1941/1945”

¹М.А. СЕМЕНОВ, ²Е.Н. СЕМЕНОВА

СЕЛЬСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

¹Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
²Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61

В статье освещено положение медицины в сельской местности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Сделан вывод, что высшие органы управления рассматривали сельское здравоохранение как неотъемлемую часть медицинского обслуживания населения в целом, высоко оценивая важность проводимой на селе работы. На местах же определяющую роль играли личные качества руководителей сельского здравоохранения, партийных и советских органов, характер отношений между ними, личное понимание важности медицинской работы. Лишь к концу войны появилась возможность более полного кадрового и материального обеспечения потребностей сельской медицины.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, село, сельская местность, Западная Сибирь, Великая Отечественная война.

¹M.A. SEMENOV, ²E.N. SEMENOVA

RURAL HEALTHCARE IN WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

¹Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str. Novosibirsk, 630090, Russian Federation
²Altai State University,
61, Lenin ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

During the Great Patriotic War, the majority of population in West Siberia were rural residents. Due to this, studying the health care activities during the war should inevitably take into account the nature and peculiarity of its implementation in rural areas. The article examines the healthcare situation in the countryside. It concludes that the highest governing bodies considered rural health care as an integral part of the population medical care as a whole, highly appreciating the importance of work carried out in rural areas. On the other hand, under the most difficult conditions of the war, the specifics of rural health care were largely ignored. The situation changed only at the end of the war, when it became possible to provide personnel and material for the rural medicine needs. In regions, economic development, proximity to cities or transport arteries played a secondary role in the quality of medical care provided to the population. The crucial role was played by the personal qualities of the heads of the rural health care, party and Soviet bodies, the nature of relations between them. Much depended also on understanding the importance of medical work. In the cities a doctor could have little interest in his work, but it could be compensated by the enthusiasm of other doctors, who also received great support from regional health departments actively interacting with the party and Soviet authorities, which made it possible to solve quickly bureaucratic issues. However, in the countryside the institutions of power, health authorities were represented only by a few people responsible for organizing medical work, implementing state functions.

Key words: healthcare, medicine, village, countryside, West Siberia, Great Patriotic War.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00397 «Гражданское здравоохранение тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20–09–00397 “Civil healthcare of the rear areas of the USSR during the Great Patriotic War”.

Михаил Александрович Семенов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: pihterek@yandex.ru.
Елена Николаевна Семенова – канд. ист. наук, стажер-исследователь, Алтайский государственный университет, e-mail: lapimoh@yandex.ru.

Mikhail A. Semenov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

Elena N. Semenova – Candidate of Historical Sciences, Intern Researcher, Altai State University.

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны большую часть населения Западной Сибири составляли сельские жители. В силу этого анализ деятельности системы здравоохранения в указанный период должен предусматривать всестороннее изучение медицинской помощи в сельской местности.

Сельское здравоохранение Западной Сибири в военный период получило некоторое освещение в трудах историков. Значительное место в своей работе «Жертвенный подвиг деревни» отводит ему В.Т. Анисков, указывая на важнейшие итоги деятельности сельских медиков: отсутствие в годы войны массовых эпидемий на селе и сокращение смертности населения в 1943–1945 гг. [1, с. 154] Останавливается на динамике сельской медицинской сети в своем диссертационном исследовании С.В. Зяблицева [2]. Подробно рассматривает организацию и деятельность сельской медицины М.А. Семенов [3, 4]. Однако многие аспекты истории сельского здравоохранения по-прежнему остаются не исследованными. Одним из них является вопрос о роли и месте, которое отводили медицине в жизни села различные органы власти. Ответ на данный вопрос не только и даже не столько дополняется особенностью мировосприятия советского чиновничества, но в первую очередь играет большую роль в понимании причин и характера процессов, определявших состояние и деятельность сельской медицины, изучение которых и является задачей настоящего исследования.

Непосредственное руководство сельскими медицинскими учреждениями осуществлялось по линии Наркомата здравоохранения, одновременно они находились в подчинении партийных и советских органов разного уровня. Безусловно, каждый управляющий субъект воспринимал роль здравоохранения на селе по-своему. Если партийные и советские органы власти вплоть до регионального уровня демонстрировали в значительной степени единое понимание роли и места сельского здравоохранения в жизни общества, то на уровне руководства в масштабе районов, колхозов, сельсоветов восприятие здравоохранения значительно изменялось.

С методологической точки зрения, подходы к реконструкции восприятия здравоохранения высшим и местным руководством также заметно различаются. Если о взглядах местного руководства можно составить представление на основе анализа реального положения медицинских учреждений в той или иной местности, то с пониманием роли сельской медицины высшим руководством ситуация оказалась гораздо сложнее. Значительная часть материалов, в которых давалась оценка роли сельского здравоохранения, была публичной и не могла противоречить

господствующим идеологическим представлениям. В этом случае основой для реконструкции восприятия руководством места здравоохранения в жизни села может служить анализ содержащихся в распорядительных документах представлений о сельском здравоохранении. Валидность этой информации обусловливается тем, что создание такого рода документов не преследовало цели отразить представления руководящих органов о роли и месте здравоохранения в жизни села, а решало совсем иные задачи, носившие, как правило, вполне конкретный характер, что позволяет надеяться на существенно более низкий уровень цензуры и самоцензуры анализируемых представлений.

СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА ГЛАЗАМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

С началом войны основными задачами, вставшими перед здравоохранением страны, являлись «бесперебойное медицинское обслуживание доблестной Красной Армии и обеспечение санитарного благополучия фронта и тыла»¹. Как отдельной области здравоохранения, сельской медицине внимание уделялось прежде всего в рамках решения общих проблем, стоявших перед здравоохранением в целом.

Например, подчеркивалось значение работы сельских медиков в качестве организаторов массовых походов по сбору лекарственных трав². Большое внимание отводилось роли сельских медиков в борьбе с инфекциями. Так, в приказе Наркомата здравоохранения РСФСР № 44 от 26 января 1942 г., посвященном борьбе с заболеваемостью желудочно-кишечными инфекциями, указывалась на обязанность заведующих сельскими врачебными участками выявлять источники заражения и принимать меры к купированию заражения, предлагалось обеспечить квалифицированным медицинским персоналом сезонные колхозные ясли, провести в районах, неблагополучных по желудочно-кишечным заболеваниям, заседание районных медико-санитарных советов по данному вопросу³. В приказе уполномоченного ГКО по проведению противоэпидемических мероприятий № 10 от 9 июня 1942 г., посвященном борьбе с заболеваемостью малярией, предписывалось в районах, где имелись случаи заболевания малярией, систематически наблюдать за исправностью оросительной системы, обязать заведующих сельскими врачебными

¹ Митирев Г.А. Важнейшая задача органов здравоохранения // Правда. 1941. 3 дек. [5, с. 68].

² Приказ Наркомздрава РСФСР от 16 мая 1942 г. о заготовке лекарственных растений и расширении производства из них медикаментов [5, с. 160–161].

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–8об.

ми участками обеспечить проведение полного курса лечения больных малярией и паразитоносителей⁴.

Значительное место отводилось сельскому здравоохранению в деле организации медицинского обслуживания детского населения на селе⁵, борьбе с детской заболеваемостью⁶.

Таким образом, в 1941–1942 гг. сельское здравоохранение фактически не вычленилось высшими органами власти. С одной стороны, это служит показателем достаточно высокой оценки сельской медицины, воспринимающейся как неотъемлемая часть медицинского обслуживания населения в целом. С другой стороны, такая точка зрения не позволяла увидеть ее особенности и специфические потребности. Следует отметить, что подобная «близорукость» органов власти во многом была вынужденной вследствие резкого сокращения ресурсов, отводимых на обеспечение медицинской помощи. Более внимательное отношение к нуждам сельской медицины было невозможным.

Пожалуй, единственной специфически сельской проблемой, заслужившей внимание высших органов власти, было кадровое обеспечение сельского здравоохранения. В приказе Наркомздрава СССР от 6 ноября 1941 г. отмечалось, что в ряде регионов количество незамещенных сельских врачебных участков постоянно увеличивается. Так, в Алтайском крае на 1 июля 1941 г. было 12 незамещенных участков, на 1 сентября – 75, на 1 октября – 95 [5, с. 56]. Причиной этого Наркомат здравоохранения считал «недопустимо либеральное» отношение местных органов здравоохранения к эвакуированным врачам, которые не желают работать на сельских врачебных участках и оседают в городах. В очередной раз вопрос с обеспечением кадрами сельских врачебных участков поднимается в приказе уполномоченного ГКО по проведению противоэпидемических мероприятий наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева от 2 июля 1942 г. [5, с. 165–167], из которого становится понятно, что вопрос кадрового обеспечения так и не был решен. Причины этого внимания также понятны в ситуации слабой медицинской сети на селе, незанятая врачебная должность на селе фактически приостанавливала медицинскую помощь в той или иной местности. Невнимательность к кадровому обеспечению сельского здравоохранения грозила обернуться ликвидацией в принципе медицинского обслуживания на селе.

С 1943 г. усиливается внимание сельской медицине. Помимо требований наладить противоэпидемическую работу⁷, улучшить медико-санитарное обслуживание детей школьного и дошкольного возраста⁸, на основе которых оценивается сельская медицина (как и ранее) на общих основаниях, выходят и распоряжения, направленные специально на нужды сельского здравоохранения. Так, 6 февраля 1943 г. вышел приказ народного комиссара здравоохранения РСФСР № 37 «О медико-санитарном обслуживании сельского населения»⁹. В нем указывались следующие основные недостатки в работе сельского здравоохранения: 1) «санитарно-профилактические и противоэпидемические мероприятия в работе многих сельских участков не стоят в центре внимания»; 2) недостаточное руководство и контроль участковых врачей за работой фельдшерско-акушерских пунктов, колхозных родильных домов, патронажных сестер; 3) плохая организация учета заболеваемости, в том числе инфекционными болезнями; 4) недоиспользование коечного фонда, зачастую пустующего длительное время; 5) слабая борьба с трахомой и чесоткой; 6) слабое внимание к лечению призывников и военнообязанных; 7) проблемы в организации медико-санитарного обслуживания колхозников во время полевых работ; 8) слабая организация подсобных хозяйств, позволяющих улучшить питание больных и снабжение продуктами медперсонала; 9) пассивное участие сельских медиков в работе по сбору лекарственных растений.

Для ликвидации указанных недостатков предписывался ряд мер организационного характера, а также предлагалось «прекратить неправильную практику, когда поступающие в область, республику, край медикаменты, инструментарий и белье для лечебных учреждений, как правило, передаются только городским лечебным учреждениям» и установить «твердый процент направления специально для сельской сети медицинского оборудования, санитарно-хозяйственного инвентаря и медикаментов»¹⁰. Этим приказом предписывалось также решить вопрос об обеспечении сельских врачебных участков транспортом и строго следить за созданием для сельских медицинских работников необходимых бытовых условий, оказывать помощь в приобретении теплой одежды и обуви, особенно необходимых в их разъездах по участку.

Очевидно, что мер только организационного характера было недостаточно для качественного улучшения медицинской помощи на селе. В 1944 г., когда

⁴ ГАТО. Ф. Р.-1005. Оп. 1. Д. 3. Л. 123–125.

⁵ Циркуляр Наркомздрава РСФСР и Исполкома СОКК и КП СССР от 8 ноября 1942 г. Наркомат здравоохранения АССР, заведующим край(обл)здравотделами, председателям республиканских, областных (краевых) комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца СССР о медицинском обслуживании детского населения [5, с. 198–200].

⁶ ГАТО. Ф. Р.-1005. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–49.

⁷ ГАТО. Ф. Р.-1005. Оп. 1. Д. 6. Л. 19–20; ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 268. Л. 115.

⁸ ГАТО. Ф. Р.-1005. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30 об.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 34–39 об.

¹⁰ Там же. Л. 39.

исход войны стал определенным, органы власти стали уделять развитию сельской медицины больше внимания. Уже 21 января 1944 г. вышел приказ уполномоченного ГКО № 41 «О замещении врачами сельских врачебных участков». Во исполнение данного приказа 28 июня 1944 г. приказом Наркомздрава СССР на сельские врачебные участки страны было направлено 1025 врачей [5, с. 419–421]. В этом же приказе прописывался запрет на перевод сельских участковых врачей без замены их другими врачами – под угрозой снятия с работы руководителей, нарушивших это требование. Вновь прописывались меры по обеспечению сельских медиков бесплатной квартирой, отоплением и освещением, снабжением, продовольственными и промышленными товарами. Предписывалось в срок до 15 сентября провести текущий ремонт сельских медицинских учреждений и квартир медиков. 25 декабря 1944 г. вышло постановление СНК СССР № 1732 о мероприятиях по обеспечению своевременной выплаты заработной платы медицинским работникам на селе, предусматривавшее бронирование части бюджета сельских районов на эти нужды¹¹.

Таким образом, к концу войны, когда появилась возможность для более полного кадрового и материального обеспечения потребностей сельской медицины, ее оценка меняется. Теперь высшие руководящие органы пытаются нивелировать неравномерность распределения ресурсов между городским и сельским здравоохранением. Происходит переход от мер организационного характера к мерам, предусматривающим выделение кадровых и материальных ресурсов.

Высшие органы власти рассматривали сельское здравоохранение в годы войны как неотъемлемую часть медицинского обслуживания населения в целом, высоко оценивали важность проводимой на селе работы. В то же время в зависимости от наличия ресурсов зачастую не учитывались особенности сельской медицины, стоявшие перед нею проблемы.

МЕСТО СЕЛЬСКОЙ МЕДИЦИНЫ ГЛАЗАМИ МЕСТНОГО РУКОВОДСТВА

О той роли, которую отводило здравоохранению на селе местное руководство, красноречивее всего свидетельствует сложившееся положение на местах.

Так, в докладной записке о выполнении решений бюро алтайского крайкома содержится следующее описание: «Более неотрадной картины, чем та, которую я наблюдал в районной больнице Кош-Агача, я не могу себе представить. В больнице грязь непролазная, холод неопиcуемый, зуб на зуб буквально не

попадешь. Больные питаются отвратительно – нет ни жиров, ни мяса, хлеба получают весьма небольшую порцию. Постельного и нательного белья больница не имеет – каждый больной ложится в больницу со своим одеялом, в своем белье и со своим освещением – в больнице керосина нет. Врачи халатов не имеют, а носят какие-то тряпки и напоминают Коробочку Гоголя в миниатюре. Деньги больница имеет, но не может купить ни продовольствия <...>, ни белья, ни медикаментов. Из [Ойротского] облздравотдела, районные власти в больнице никогда не были и не хотят ею заниматься. Все эти возмутительные безобразия можно было не допустить, если бы многие представители местной власти не проявляли косность, консерватизм и недомыслие»¹².

Проблемы в снабжении больниц и медработников топливом, продуктами питания были острыми и в 1943 г. Так, в январе 1943 г. райторготдел Шипуновского района Алтайского края отказал в выдаче продовольствия всем больным. Централизованно из райцентра больница в Шипуново, мощностью в 50 коек, получила 16 кг сахара, 12 кг крупы манной, 10 кг рыбы и 1 т капусты. Питание больных велось исключительно за счет подсобного хозяйства больницы. Хлеба больным при норме 500 г. в день выдавали только по 200 г., т.е. на уровне снабжения населения блокадного Ленинграда. А в конце 1943 г. больные колхозники были вовсе сняты со снабжения хлебом. Из-за нехватки топлива были закрыты больница и ясли Шипуновского зерносовхоза, а также ясли Молотовского зерносовхоза, не был проведен ремонт санпропускника в больнице в с. Шипуново. В это же время заведующий райздравом в течении 10 месяцев находился на посевной и уборочной кампании¹³.

В Осино-Гривском сельсовете Кемеровской области в конце 1944 г. фельдшерский пункт не был обеспечен топливом, фельдшеру было предложено освободить помещение пункта и до весны вести прием в яслях. В дальнейшем обещали, что «кого-нибудь исключат из колхоза и тогда будет помещение»¹⁴. В Кандалепском сельсовете Кузнецкого района председатель сельсовета Ефимова заняла помещение фельдшерского пункта под свою квартиру, а фельдшер был вынужден вести прием больных у себя в доме. В Торгаевском сельсовете Кузнецкого района фельдшеру не выплачивали зарплату в течение 7 месяцев¹⁵.

¹² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 77. Л. 233–234.

¹³ Там же. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 269. Л. 124.

¹⁴ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 20. Л. 60.

¹⁵ Там же. Л. 61, 63.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 2. Д. 11 Л. 267–269.

В протоколе № 19 бюро Таштагольского райкома от 15 августа 1944 г. отмечалось, что руководители партийных, хозяйственных и советских органов редко оказывают практическую помощь лечебным учреждениям. Чаще всего они ютятся в непригодных помещениях, продуктами снабжаются плохо как больные, так и медицинский персонал¹⁶.

Острейшей проблемой сельского здравоохранения являлась кадровая, связанная с постоянным оттоком врачей из деревни в город. В годы войны сельское здравоохранение Западной Сибири получило возможность разрешить эту проблему в связи с массовой эвакуацией населения в регион. Значительная часть прибывших врачей направлялась в сельскую местность. Так, в Омской области на 30 октября 1941 г. пустовало 27 сельских врачебных участка, не было занято 111 врачебных должностей, а уже к 1 мая 1942 г. пустующих участков осталось всего лишь 7¹⁷.

Однако кадровая проблема зависела не только от наличия врачей, их необходимо было еще и удержать. Так, в письме заместителя заведующего Омским облздравотделом в военный отдел Обкома ВКП(б) отмечалось, что облздрав с целью укомплектования пустующих сельских врачебных участков и свободных санитарно-эпидемических должностей стал направлять одиноких и малосемейных врачей из города в районы, но некоторые врачи, пользуясь связями в военкоматах, добиваются, чтобы их вызвали повесткой и назначили в военные школы преподавателями¹⁸.

Стремление медиков перебраться в город прежде всего зависело от материального обеспечения медицинских работников на местах. В частности, в Шегарском районе Новосибирской области в начале 1944 г. сложилось следующее положение: «По 5–6 месяцев медицинские работники не получают зарплату, по 15–20 дней не получают хлеба, настроения у работников – бежать как можно скорее из этого района»¹⁹. При обсуждении состояния медицинского обслуживания в Новосибирском районе облгоссанитарный инспектор С. Певзнер заметил: «В Новосибирском сельском районе мы имеем самые большие и наилучшие медицинские кадры, а что делается с этими квалифицированными кадрами? Зарплаты не выплачивают, хлеба не дают, просто издеваются над медицинскими работниками в Новосибирском районе и только потому, что [председателя райисполкома] тов. Шишаева не интересуют эти вопросы»²⁰.

Разумеется, имелись сельские районы, где положение сельского здравоохранения было принципиально иным. Например, Спиринский врачебный участок Ордынского района Новосибирской области в 1944 г. при подведении итогов социалистического соревнования на съезде сельских врачей был признан передовым. Большую роль в этом сыграло налаженное взаимодействие учреждений здравоохранения с партийными и советскими органами власти. На его территории были образованы постоянно действующие комиссии, состоявшие из председателя комиссии, депутата сельсовета, медицинских работников и актива того села, где работала комиссия²¹. Четкое взаимодействие власти, медицины и общества позволило наладить лечебную, санитарно-противоэпидемиологическую работу на этом участке на высоком уровне.

В Легостаевском районе Новосибирской области также уделялось большое внимание взаимодействию медицины и сельской общественности. Зародившееся в районе движение за достижение санитарного порядка благодаря совместной работе органов власти, сельского актива и медицинских работников вышло далеко за пределы района и активно внедрялось по всей Сибири²². В Усть-Сосновском сельсовете Топкинского района сельскому врачебному участку оказывалась постоянная помощь в подготовке к зиме, нужды сферы здравоохранения регулярно обсуждались на заседаниях сельсоветов. В Горькинском сельсовете Гурьевского района местные органы власти помогли с ремонтом фельдшерскому пункту, обеспечили его топливом, предоставляли транспорт для разъездов медицинских работников²³.

Таким образом, ситуация на местах была крайне неоднозначной. В своем выступлении на областном съезде участковых сельских врачей заведующий Новосибирским облздравом Н.С. Лапченко, анализируя причины различий между районами, эпидемически благополучными и неблагополучными, отметил, что независимо от экономического развития, близости к городу или транспортным артериям встречались и благополучные и неблагополучные районы²⁴. Причины же сложившегося положения Н.С. Лапченко видел прежде всего в отношении к работе заведующих медицинскими пунктами, врачебными участками и районным здравоохранением в целом²⁵. Большую роль в успешности работы медиков играли также представители партийной и советской власти.

¹⁶ ГАКО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 14. Л. 66об.

¹⁷ Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 181. Л. 42; Д. 238. Л. 18.

¹⁸ Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4387. Л. 53.

¹⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 232а. Л. 132.

²⁰ Там же. Д. 279а. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 54–57.

²² Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 398. Л. 11.

²³ ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 20. Л. 59–60.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 398. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, высшие органы управления рассматривали сельское здравоохранение как значимую часть медицинского обслуживания населения в целом и высоко оценивали важность работы, проводимой медиками на селе. Такая их оценка роли и места здравоохранения на селе была достаточно консолидированной. Что касается местного руководства, то часть из них разделяла позицию высших органов власти и стремилась поддержать медиков в меру своих сил, помочь в оказании медицинской помощи населению. Другие руководители считали сельское здравоохранение ненужным приложением, отвлекающим немногочисленные ресурсы от выполнения сельскохозяйственных работ – здравоохранение в таких селах приходило в упадок, медицинские работники переезжали в город, о здоровье населения переставали заботиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1993. 245 с.
2. Зяблицева С.В. Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995. 20 с.

3. Семенов М.А. Организация и деятельность органов здравоохранения в сельской местности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История. С. 175 – 180.

4. Семенов М.А. Фронт в тылу: система здравоохранения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: ИПЦ НГУ; Ин-т истории СО РАН, 2017. 330 с.

5. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. сб. док. и материалов. М.: Медицина, 1977. 576 с.

REFERENCES

1. Aniskov V.T. The countryside sacrificial feat: the peasantry of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk, SB RAS, 1993, 245 p. (In Russ.)
2. Zyblyitseva S.V. Social and household sphere of West Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945): diss. abstr. Kemerovo, 1995, 20 p. (In Russ.)
3. Semenov M.A. Organization and activity of health authorities in rural areas of West Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2009, vol. 8, iss. 1, pp. 175–180. (In Russ.)
4. Semenov M.A. The front in the rear: the healthcare system in West Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk: IPTs NCU, Institut istorii SO RAN, 2017, 330 p. (In Russ.)
5. Zavalishchenko L.I. (comp.) Healthcare during the Great Patriotic War. 1941–1945: coll. of doc. a. materials. Moscow, Medicine, 1977, 576 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022

Дата рецензирования 23.02.2022

Статья принята к публикации 01.03.2022

DOI: 10.15372/HSS20220115

УДК 94 (574)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**ЕРМЕКБАЙ Ж. А. СУДЬБА И НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА.
НУР-СУЛТАН: КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ «РУХА-
НИЖАНГЫРУ», 2020. 276 с.: ил.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В рецензии анализируется научно-популярная книга казахского историка, д-ра ист. наук Ж.А. Еремекбая, посвященная биографии выдающегося ученого, просветителя, офицера русской армии Ч.Ч. Валиханова (1835–1865). О его жизненном пути написано немало научных, популярных и литературных произведений. Рецензируемое издание подводит некоторый итог обобщения собранных автором фактов и суждений предшественников, а также включает большое количество неизвестных ранее документов, извлеченных им из фондов центральных и местных архивов. Воспроизводимые тексты позволяют воссоздать колорит эпохи, составить представление о происходивших тогда событиях и их участниках. Подробно рассматривается служебная деятельность и разведывательные поездки Валиханова в Кульджу и Кашгар. Книга Ж.А. Еремекбая представляет увлекательное и документированное научно-популярное издание, которое вносит существенный вклад в чокановедение и изучение истории народов Центральной Азии.

Ключевые слова: Ч.Ч. Валиханов, Казахстан, военная служба, Кульджа, Кашгар, империя.

M.V. SHILOVSKIY

**YERMEKBAY ZH.A. FATE AND HERITAGE OF SHOQAN WALIKHANOV.
NUR-SULTAN: IZD-VO NAO KAZAKHSTANSKIY INSTITUT OBSHCHESTVENNOGO
RAZVITIYA “RUKHANI ZHANGYRU”, 2020. 276 P.: ILL.**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The review analyzes a popular scientific book by a Khazakh historian Zh.A. Ermekbay devoted to the biography of an outstanding scholar, enlightener and officer of the Russian Army Ch.Ch. Valikhanov (1835–1865). His life is described in many scientific, popular and literary works. The book under review takes stock of the materials collected by the author including facts and assessments of his predecessors, as well as a large number of documents previously unknown and found in collections of central and local archives. The reproduced texts make it possible to feel the epoch color, get an idea on events and participants. The book describes in detail the professional activities of Valikhanov and his reconnaissance trips to Ghulja and Kashgar. The book written by Zh.A. Ermekbay is an interesting scientific and popular work that contributes significantly to studying Valikhanov's heritage and the history of the Central Asian peoples.

Key words: Ch. Valikhanov, Kazakhstan, military service, Ghulja, Kashgar, empire.

Рецензируемая книга известного казахского историка Жираса Акишевича Еремекбая сочетает основательность и глубину научного анализа с живым, образным изложением событий и фактов, вызывающих интерес у читательской аудитории независимо от возраста, национальной принадлежности, образования. Ее главным героем является выдающийся исследова-

тель истории и культуры народов Центральной Азии Чокан Чингисович Валиханов (Мухаммед Канафия) (1835–1865). Он относился к представителям национальных элит Сибири и Степного края, сделавшим сознательный выбор в пользу русского образа жизни и культуры. К ним следует отнести первых выдающихся представителей коренных народов Сибири,

Михаил Викторович Шиловский – д-р ист. наук, профессор, Институт истории СО РАН, e-mail: istorik.novosib@gmail.com
Mikhail V. Shilovskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History SB RAS.

ориентирующихся на западную цивилизацию: бурята Д. Банзарова, хакаса Н.Ф. Катанова, якута В.В. Никифорова, алтайца Г.И. Гуркина и др.

Жизненный путь и творческое наследие Ч.Ч. Валиханова постоянно привлекали внимание ученых, краеведов, литераторов в России и Казахстане. Дважды издавалось пятитомное собрание его сочинений, подготовленное научными сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством академика А.Х. Маргулана. Регулярно публикуются монографии, статьи, защищаются диссертации, посвященные биографии и научному наследию выдающего сына казахского народа. Поэтому книга Ж.А. Ермакбай преследует прежде всего цель – с учетом накопленного им и его коллегами фактического материала предложить очередной и, надеюсь, не последний содержательный научно-популярный очерк о Чокане Валиханове.

Другая, не менее значимая задача рецензируемого исследования связана с необходимостью «вписать» героя в контекст концептуальных подходов современной казахской историографии в период пребывания казахских земель в составе Российской империи. Суть их в фундаментальном академическом издании трактуется следующим образом: «...Российская империя, руководствуясь своими далеко идущими политическими интересами, в основе которых лежал принцип “разделяй и властвуй” и жестоко подавляя стремление казахов к восстановлению своей государственности, установила в Казахстане колониальный режим» [1, с. 414]. В связи с этим возникает вопрос о причастности Ч.Ч. Валиханова к российской колониальной системе. Известный омский историк А.В. Ремнев считал, что Чокан Чингисович «не может быть назван ни коллаборационистом, ни противником империи» [2, с. 13]. Директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы), д-р ист. наук С.Ф. Мажитов уточняет: «Колониальная система не сделала Ч.Ч. Валиханова ни своим прислужником, ни своим адептом, но и радикальным противником режима он не являлся» [3, с. 9].

Позиция Ермакбай по этому вопросу крайне сдержанная, как и оценка общественно-политических взглядов своего героя. Особенность авторского подхода к освещению узловых моментов его жизненного пути заключается в воспроизводстве всех собранных им свидетельств и суждений современников без формулировки собственной позиции. Читателю предоставляется возможность самостоятельно определить свою точку зрения. В частности, перечисление различных мнений завершается ссылкой на позицию Г.Н. Потанина, считавшего, что его друг и единомышленник «увлекался движением 60-х годов, принадлежал к либералам» (с. 164), но относительно

статуса Казахстана в имперской системе авторская позиция отсутствует.

Несущую конструкцию книги составляет биография Чокана Чингисовича с упоминанием большого количества имен современников – от военного министра, генерала от кавалерии, князя В.А. Долгорукова до рядовых казаков, купцов, киргизов (казахов), с которыми ему пришлось соприкасаться, служить и взаимодействовать. Еще одной положительной стороной сочинения является включение в ее контекст большого количества фрагментов из делопроизводственных документов, донесений, отчетов, рапортов, воспоминаний, писем и т.д., извлеченных из фондов 14 центральных (Санкт-Петербург, Москва, Алматы) и местных архивов. Воспроизводимые тексты позволяют почувствовать колорит эпохи, составить представление о происходивших событиях и их участниках.

Ермакбай последовательно отслеживает жизненный путь своего героя. Значительное место отводится его детским годам, родителям, предкам, прадеду хану Аблаю (1711–1781), принявшему российское подданство еще в 1740 г. Характерно, что его отец Чингис Валиевич окончил училище Сибирского казачьего войска, в котором, преобразованном в кадетский корпус, позднее учился его сын. Будучи старшим султаном одного из внешних округов, он в 1838 г. производится в майоры, а в 1855 г. – в полковники. Согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. «лицам, занимавшим должности старших султанов и султанов-правителей, присваивалось воинское звание майора, а затем они могли продвигаться по служебной лестнице» [4, с. 181].

В отличие от них, Чокан Чингисович находился на военной службе, хотя и не на строевых должностях, а в качестве офицера по особым поручениям при западносибирском генерал-губернаторе Г.Х. Гасфорде. В книге воспроизводится его характеристика на подчиненного: «Офицер этот сын достойнейшего киргизского султана, полковника Чингиса Валиханова, ныне старшего султана Кокчетавского округа, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями и на расторопность его вполне можно положиться, сверх того он хорошо познакомился с историей и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев» (с. 107).

Автор рецензируемой книги присоединяется к точке зрения И.И. Стрелковой [5, с. 276–277] относительно того, что опала Валиханова и предписания военного министра Д.А. Милютина перевести штабс-ротмистра в один из кавалерийских полков внутри империи по его усмотрению были обусловлены нега-

тивным отношением казахских султанов во главе с Гази Валихановым к оппозиционно настроенному коллеге и родственнику.

Подробно рассматривается служебная деятельность и поездки Ч.Ч. Валиханова в Кульджу и Кашгар, которые снискали ему авторитет выдающегося ученого. Можно согласиться Еремекбаем, считавшим, что «Ч.Ч. Валиханов был именно блестящим военным разведчиком» (с. 229). В исследовании последовательно проводится и убедительно аргументируется мысль о феномене Чокана Чингисовича, ставшего не только одним из первых казахов, органически интегрированным в русскую культуру. Он был человеком высочайшего интеллекта, опровергая досужие измышления о неспособности кочевников к цивилизационному развитию вообще. Вопреки утверждениям о негативном отношении местных властей к опальному офицеру и ученому воспроизведем надпись на надгробной плите его захоронения: «Султан Средней Орды, ротмистр русской службы Мухаммед Ханафия (Чокан) Чингисов Валиханов, скончался в 1864 году. Он любил Бога, был предан царю, занимался наукою. Господь рано призвал его к себе. Да успокой Аллах его душу вместе с праведными. Этот камень положен по приказанию туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана в 1871 году в память покойного, всеми любимого и уважаемого».

Имеются в рецензируемой книге отдельные лакуны, обусловленные состоянием источниковой базы. Например, начало карьеры Валиханова описывается как стремительное продвижение по служебной лестнице. В октябре 1853 г. его производят в корнеты, в декабре прикомандировывают к штабу Сибирского линейного казачьего войска, в марте 1854 г. назначают «к исправлению должности адъютанта при начальнике штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева», в октябре переводят на ту же должность при командире объединения генерале от инфантерии Г.Х. Гасфорде, в марте 1856 г. он уже производится в поручики. Однако в характерис-

тике на свежепроизведенного поручика отмечается: «орденов, знаков отличий, Высочайших благоволений, Всемилоостейших рескриптов и похвальных листов от своего начальства не получал». Что или кто содействовали «рывку» по службе новоиспеченного корнета и почему его произвели не в хорунжие, как его друга Г.Н. Потанина, а в корнеты, необходимо еще выяснять.

Книга Ж.А. Еремекбая представляет собой увлекательное документированное научно-популярное издание, которое вносит существенный вклад в чокановедение и будет способствовать пробуждению и развитию научного интереса к жизненному пути и творчеству представителей национальных интеллектуальных элит, в том числе народов Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: «Атамұра», 2000. Т. 3. 768 с.
2. Ремнев А.В. Омск и казахская степь во времена Чокана Валиханова // Жизнь и наследие Ч.Ч. Валиханова. Омск, 2010. С. 10–13.
3. Мажитов С.Ф. Чокан Валиханов и его наследие в XXI веке // Жизнь и наследие Ч.Ч. Валиханова. Омск, 2010. С. 6–10.
4. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
5. Стрелкова И.И. Валиханов. М.: Молодая гвардия, 1983. 284 с.

REFERENCES

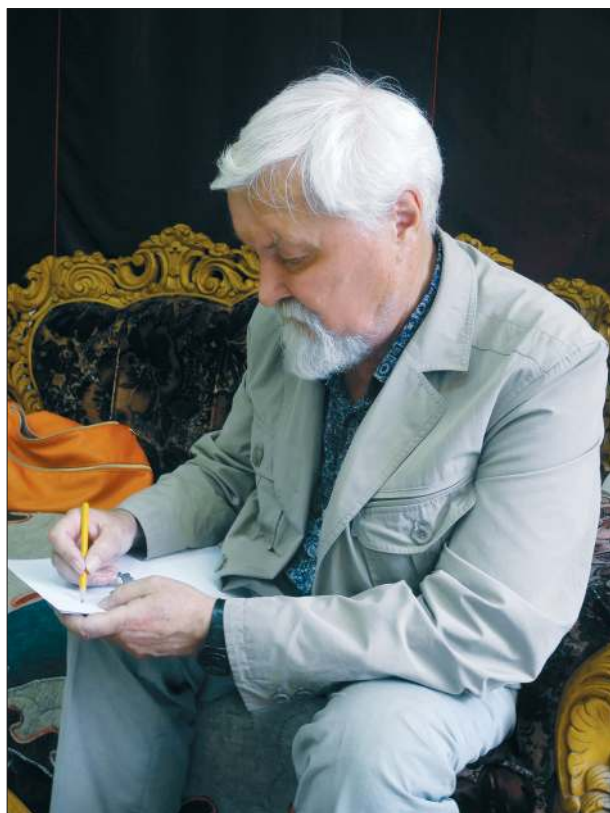
1. History of Kazakhstan (from ancient times to the present). In 5 vols. Almaty, Atamura, 2000, vol. 3, 768 p. (In Russ.)
2. Remnev A.V. Omsk and Kazakh steppe in times of Ch. Valikhanov. *Zhizn' i nasledie Ch.Ch. Valikhanova*. Omsk, 2010, pp. 10–13. (In Russ.)
3. Mazhitov S.F. Choqan Valikhanov and his heritage in the XXI century. *Zhizn' i nasledie Ch.Ch. Valikhanova*. Omsk, 2010, pp. 6–10. (In Russ.)
4. Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. History of Kazakhstan: peoples and cultures: textbook. Almaty, Daikpress, 2000, 608 p. (In Russ.)
5. Strelkova I.I. Valikhanov. Moscow, Molodaya gvardiya, 1983, 284 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2022

Дата рецензирования 25.01.2022

Статья принята к публикации 03.02.2022

ПАМЯТИ ЮЛИЯ СЕРГЕЕВИЧА ХУДЯКОВА

Ушел из жизни выдающийся советский и российский ученый, археолог-оружиевед, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, преподаватель Новосибирского государственного университета (НГУ), основатель сибирской оружейведческой школы, замечательный наставник и учитель Юлий Сергеевич Худяков. Он жил наукой и для науки. До последнего дня своей жизни продолжал работать. На его столе осталась неоконченная рукопись очередной статьи, посвященной военному делу номадов...

Трудоспособность Юлия Сергеевича поражает воображение. Из-под его пера вышли 36 монографий, в том числе разделов в коллективных монографиях, и учебных пособий, более 1400 научных статей. Нет сомнений в том, что последующие поколения исследователей будут активно обращаться к его научному наследию.

Будущий ученый родился 8 декабря 1947 г. в с. Медвежка Кемеровской области в семье геолога

Сергея Алексеевича Худякова (1919–1984) и гражданки США – художницы Ирмы Юльевны Геккер. Дед Юлия Худякова Юлий Геккер (1881–1938) в юности участвовал в революционной деятельности и был вынужден покинуть Россию, опасаясь преследования царских властей. Впоследствии он стал известным философом и вместе с семьей вернулся в СССР по приглашению А.В. Луначарского.

Уже во время учебы в школе Юлий Худяков проявил интерес к археологии и истории народов Евразии. После окончания школы работал в геологической экспедиции, служил в рядах Советской армии, а в 1969 г. поступил на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета. Будучи студентом, участвовал в археологических экспедициях в Горный Алтай, Приамурье, Новгород, Туву, Таджикистан, на Памир и т.д. С 1975 г. он возглавил Южносибирский отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1990 г. – Института археологии и этнографии СО РАН). Отряд в разные годы работал в Хакасии, Красноярском крае, Туве, Горном Алтае. Ю.С. Худяков принимал участие также в международных экспедициях в Монголию, Китай, государства Средней Азии. В 1977 г. он защитил кандидатскую, а в 1988 г. – докторскую диссертацию. Научным руководителем его кандидатской диссертации был академик А.П. Окладников. Юлий Сергеевич был знаком со многими известными советскими учеными: М.И. Артамоновым, М.П. Грязновым, А.Д. Грачом, Л.Н. Гумилевым и др. Многолетняя дружба связывала его с выдающимся оружейведом и искусствоведом М.В. Гореликом.

С 1977 г. Ю.С. Худяков преподавал различные курсы по археологии в Новосибирском государственном университете. Кроме того, читает лекции в Горно-Алтайском, Хакасском и Бурятском университетах, в Читинском педагогическом институте, в Евразийском университете им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-султан, Республика Казахстан), Бишкекском гуманитарном университете, Кыргызском национальном университете, Кыргызско-Турецком университете «Манас» (г. Бишкек, Республика Кыргызстан) и др. На протяжении многих лет Ю.С. Худяков возглавлял кафедру археологии и этнографии НГУ. За это время им было подготовлено 16 докторов и кандидатов наук.

Научные заслуги Ю.С. Худякова были высоко оценены не только в России, но и в Кыргызстане, Монголии. Он был избран почетным иностранным

членом Национальной академии наук Кыргызстана, стал заслуженным деятелем науки, награжден орденом «Данакер» Кыргызской Республики, избран почетным профессором Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына и Института восточных языков и культур, стал лауреатом премий им. акад. А. Алтымышбаева и чл.-кор. А. Табалдиева; в Монголии избран чл.-кор. Института кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и почетным доктором Института археологии Монгольской академии наук; в России избран действительным членом РАЕН. В течение ряда лет избирался вице-президентом Общества востоковедов России.

Главным объектом научных исследований Ю.С. Худякова являлась древняя и средневековая археология, военная история кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Им были досконально изучены вооружение и военное дело енисейских кыргызов, хунну, древних тюрок, сяньби, уйгуров, кимак, киданей, монголов и других народов региона. Наряду с А.Ф. Медведевым, А.Н. Кирпичниковым и М.В. Гореликом Юлий Сергеевич заложил основы современного отечественного средневекового оружиеведения. Разработанная им комплексная аналитическая модель исследования военного дела кочевых этносов и культур получила широкое признание в научном сообществе, как и предложенные им принципы классификации предметов защитного и наступательного вооружения.

Впервые в отечественной историографии Ю.С. Худяков собрал, систематизировал и проанализировал вещественные, изобразительные и пись-

менные источники по военному делу монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Им были введены в научный оборот более 30 тыс. предметов вооружения кочевников различных исторических периодов. Впервые удалось проследить линию эволюции военного искусства центральноазиатских кочевников со II в. до н.э. до периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Не будет большим преувеличением сказать, что Ю.С. Худяков перевернул представление научного сообщества о роли предметов вооружения в датировке и атрибуции археологических памятников Центральной Азии и Южной Сибири в эпохи Древности и Средневековья. Во многом благодаря его результатам общепризнанной стала точка зрения, согласно которой предметы вооружения представляют собой один из основных маркеров для датировки археологических памятников. Разработанные ученым оружиеведческие «матрицы» позволяют уверенно датировать и атрибутировать не только закрытые археологические комплексы, но и отдельные предметы вооружения, происходящие из числа случайных находок.

Последователи его научной школы работают в научных и образовательных учреждениях России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана, Монголии, Китая, Германии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Турции и других стран.

Юлий Сергеевич Худяков был не только выдающимся ученым, но и надежным и тактичным Наставником, Учителем, способным дать своевременный и точный совет, поддержать своим спокойствием и уверенностью. Этого не забыть.

Коллеги, друзья, ученики

ПАМЯТИ НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ РОДИГИНОЙ
(19 ОКТЯБРЯ 1970 – 19 ФЕВРАЛЯ 2022)

Безвременно ушла из жизни Наталия Николаевна Родигина – доктор исторических наук, профессор. Известный ученый, горячо любимый студентами и коллегами преподаватель, она прожила несправедливо короткую, но яркую жизнь, насыщенную творческим поиском и счастливыми свершениями.

Наталия Николаевна родилась в г. Рыльске Курской области, в 1992 г. с отличием окончила исторический факультет, в 1996 г. – аспирантуру Новосибирского государственного педагогического университета. Кандидатскую диссертацию защитила в 1997 г. в совете при Институте истории СО РАН, докторскую – в 2006 г. в совете при Омском государственном педагогическом университете. Ученое звание профессора присвоено ей в 2009 г. Она много и плодотворно трудилась в вузах и академических структурах: в родном Новосибирском государственном педагогическом университете (с 1992 г. до последних дней), по совместительству – в Омском государственном педагогическом университете (в 2007–2018 гг.), Гуманитарном институте Новосибирского государственного университета (с 2013 г.), на Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (в 2014–2019 гг.), в секторе археографии и источников-

ведения Института истории СО РАН (с 2019 г.). Как профессор НГПУ, ОмГПУ и НГУ читала базовые и оригинальные авторские курсы, руководила выпускными работами аспирантов, магистров и бакалавров, подготовила шесть кандидатов исторических наук.

Научное творчество Н.Н. Родигиной отличали новизна тематики и подходов, современный методологический инструментарий в сочетании со скрупулезным анализом многообразных источников. Начав с изучения переселенческого движения в Сибирь, она получила известность как яркий специалист по интеллектуальной истории и имагологии. В научном сообществе высоко ценятся ее монография «“Другая Россия”: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.», составленный под ее руководством указатель публикаций о Сибири в русской журнальной прессе конца имперского периода, коллективные монографии, подготовленные при ее активном участии, в том числе «The Russian Cold: Histories of Ice, Frost and Snow» (2021), многочисленные статьи. Область ее научных интересов была чрезвычайно широка: интеллектуальная история, образ Сибири в общественном мнении второй половины XIX – начале XX в. и в делопроизводственных документах XIX в., эго-документы русских интеллектуалов и история отечественной журналистики второй половины XIX – XX в. В последние годы она интересовалась вопросами репрезентации Сибири в детской литературе 1880-х–1980-х гг., планировала издание монографии на эту тему.

Профессиональный авторитет, широкая известность и получившие признание научные труды Наталии Николаевны сделали ее чрезвычайно востребованной научно-педагогическим сообществом. Она была членом трех диссертационных советов (при Институте истории СО РАН, НГПУ, ОмГПУ), Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований, Европейской ассоциации автобиографических исследований, Российского общества интеллектуальной истории, редакционных коллегий научных журналов «Avtobiografiya» (Университет Падуи, Италия), «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология», «Гуманитарные науки в Сибири», оргкомитетов многих научных конференций, выступала с публичными

лекциями в городах Сибири, в Высшей школе экономики (Москва), в Университете Тренто (Италия).

Многочисленные заслуги Н.Н. Родигиной отмечались почетными грамотами Министерства образования Российской Федерации, губернатора Новосибирской области, мэра г. Новосибирска, памятными знаками к 80-летию Новосибирской области, 125-летию Новосибирска. В 2014 г. ей было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», в 2021 г. – заслуженного профессора Новосибирского государственного педагогического университета.

Блестящий, талантливый ученый и педагог, замечательный, сердечный и отзывчивый человек, надежный и преданный друг, добрый наставник для своих учеников, заботливая дочь и нежная мать – такой навсегда останется Наталия Николаевна Родигина в нашей памяти. Ее безвременная кончина стала невосполнимой потерей для научного и педагогического сообщества. Светлая память о Наталии Николаевне навсегда сохранится в сердцах ее коллег, друзей, учеников и всех, кто знал этого яркого и одаренного человека.

Коллеги и ученики

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или ttf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.